А
АКТЕРСКАЯ КНИГА
ЗВЕЗДЫ РОССИЙСКОГО КИНО
ЛЮБОВЬ ПОЛИЩУК
БЕЗУМСТВО ХРАБРОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Почему безумству храбрых мы поем песни? Почему мы считаем храбрость проявлением безумства? Вероятно, потому, что она на фоне общей вялотекущей жизни выглядит своеобразным вызовом людям, случаем из ряда вон выходящим.

Была ли смелой Любовь Полищук? Безусловно. Еще в юношеские годы она решилась перебраться из далекого от центра культуры сибирского города в столицу и стать там артисткой. И это была не блажь смазливой девушки, рассчитывающей на свои внешние данные, а твердое решение выучиться актерскому мастерству.

- Варлен Стронгин
  - Предисловие
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Приложение

Варлен Стронгин
Любовь Полищук. Безумство храброй

Предисловие

Почему безумству храбрых мы поем песни? Почему мы считаем храбрость проявлением безумства? Вероятно, потому, что она на фоне общей вялотекущей жизни выглядит своеобразным вызовом людям, случаем из ряда вон выходящим.

Была ли смелой Любовь Полищук? Безусловно. Еще в юношеские годы она решилась перебраться из далекого от центра культуры сибирского города в столицу и стать там артисткой. И это была не блажь смазливой девушки, рассчитывающей на свои внешние данные, а твердое решение выучиться актерскому мастерству.

Узнав об этом, ее родители возмутились.

– Надо получить профессию, а артистка – это шо? Дурь одна!

И мамин и свой сибирский прононс Люба потом не раз пародировала, по-доброму, бесконечно любя родителей и сохранив теплые воспоминания о родном городе. Она не сердилась на отца, зарабатывающего нелегким трудом строителя, жалела родителей, вынужденных думать больше не о том, как жить, а о том, как выжить.

«Когда я первый раз приехала в Москву, мне было не до смеха, – рассказывала Люба. – У меня обнаружился жуткий говор, который я прежде считала нормальным. Я «акала», «гыкала» и «шокала» на сибирский манер».

Люба часто вспоминала своего омского дядю Колю, верившего в то, что его племянница вырастит в красавицу и сможет стать артисткой, и вообще кем захочет, уж слишком у нее норовистый и упорный характер: «Я почему-то верила ему безгранично, – говорила Люба, – наверное, потому, что он был добрым и слыл человеком необычным, не от мира сего. У него были синие глаза и потрясающая улыбка от уха до уха. Увидев меня, он заводился: «Ой, сведешь с ума всех мужиков!» – и ржал, как сумасшедший. Может, он с издевкой восхищался мной, но я верила, краснела, как свекла, и смущалась. Однажды он принес открытку, на которой были изображены Дед Мороз и голубоглазая, как куколка, Снегурочка. «Любка, это ты», – с улыбкой хмыкнул он. И я подумала: «Ну вот, еще немного подрасту и действительно стану красивой, но не такой, как на открытке, не глуповатой куколкой». И вроде я выросла совсем не похожей на нее».

Люба поначалу даже не представляла, насколько стала нетрафаретной красавицей, настолько, что этот факт позволил киноначальнику объявить ее лицо «не советским». К этому

времени она уже достаточно постигла жизнь, чтобы разбираться в окружающих ее людях.

Когда узнавала, что ее кинопроба на большую и хорошую роль отвергнута, то говорила о киноначальнике с ухмылкой: «Интересно, по каким признакам этот партайгеноссе зарубил меня? По художественным или по расовым?» – и в ее глазах вспыхивали огоньки безумства. Это означало, что она по-прежнему верит в себя, не собирается сдаваться и плыть по течению, а постарается доказать начальнику, пришедшему в кино из обкома партии, ему и его подхалимам, что способна сыграть роли намного интереснее и сложнее, чем ей предлагают. Искорки безумства в ее глазах загорались всегда, когда она принимала смелое решение, расходящееся с общепринятым мнением. «Плюешь против ветра, – однажды заметила ей другая актриса, – с твоими-то данными и не обаять какого-нибудь близкого к начальству режиссера? Сущие пустяки! Переспи с ним и получишь заветную роль!» В ответ Люба пронзила советчицу столь презрительным и пронзительным взглядом, что та поспешила отойти от нее. Люба с упорством безумного человека верила в свою удачу и росла не только творчески, но и как личность. Глубже вникая в жизнь, она заметила то, с чем ее душа не могла смириться, говорила об этом друзьям, зная, что в их рядах мог оказаться стукач. Она считала, что войны в Афганистане и Чечне не стоят жизни даже одного погибшего там нашего солдата. «Оказывается, в Думе берут взятки! – с негодованием восклицала она. – Вчера в телеинтервью в этом признался Чилингаров Караулову. А чего допускает Соловьев в телепередаче «К барьеру». Там один писатель пообещал всем демократам повесить их на фонарных столбах. Кстати, разве у нас еще сохранились фонарные столбы? А люди, которым вольготно жилось при Сталине и которые не прочь вернуть прежние времена, к большому сожалению, еще есть. И почему молодежное движение получило название «Наши»? Выходит, что все другие юноши и девушки не наши! И сколько можно говорить о коррупции в высших эшелонах власти? Неужели власти невозможно почистить свои же эшелоны?» Не будем преувеличивать храбрость актрисы. Она была честным, благородным и прямодушным человеком, кем быть в наше время весьма непросто. Имелись ли у нее слабости, шла ли она на компромиссы со своей совестью? Бывало и такое. Она понимала, что, играя в примитивных и пошловатых антрепризных спектаклях, участвует в кампании по отупению, оболваниванию народа, играет на руку тем людям, которым выгодно плохое искусство, тем, которые в плохой жизни чувствуют себя как рыба

в воде.

Она признавалась в одном из телеинтервью, грустно опустив голову: «Я понимаю, что меня могут осудить за участие в антрепризных спектаклях, но жизнь, семья требуют больших расходов. А предложений на интересные роли пока нет».

У нее хватало сил и мужества повиниться перед людьми за неблаговидные, с ее точки зрения, поступки, она знала, что культурные, интеллигентные зрители теперь редко забредают на представления массового характера и достойны более высокого искусства.

Вечным праздником в ее жизни стали съемки фильма «Любовь с привилегиями». Она восхищалась внешне не броской, но глубокой, по сути, игрой Вячеслава Тихонова, восхищалась его смелым поступком. Ведь он, прослывший в народе легендарным Штирлицем, мог спокойно купаться в лучах этой славы до конца жизни. Значит, не мог, характер настоящего и думающего актера не позволил. Согласился на роль резко отрицательную, высокопартийного и подлого человека. И сыграл его выше всяких похвал. От одной мысли, что есть такие прекрасные актеры, как Тихонов, у Любы теплела душа. Она переживала, что их потом больше не свела киносудьба. Тихонов как-то заметил ей, что по таким фильмам, как «Любовь с привилегиями», потомки будут правдиво судить о нынешней жизни.

С годами искорки безумства реже, но все же вспыхивали в глазах Любы, когда она вспоминала слова Тихонова об их совместном фильме, когда она оставалась на сцене, преодолевая нечеловеческие боли, оставалась фанатически преданной театру.

Один страх – боязнь слететь с киноконвейера, на который пробилась с громадным трудом, ей не удалось преодолеть. Поэтому она не отказывалась от съемок даже в проходных, малоинтересных фильмах, но «выжимала» из своих, порою весьма незатейливых ролей максимум возможного, делая их значимее, чем они были в сценариях, способными доставить удовольствие зрителям.

Когда Любы не стало, ей начали посвящать множество телепередач, не сомневаясь, что рассказы о жизни любимой в народе актрисы получат высокий зрительский рейтинг. В передачах участвовали ее бывшие коллеги и просто знакомые люди, говорили об ее прекрасных душевных качествах, веселом искусстве, но никто из них даже не упомянул об ее лучшем, серьезнейшем и значительном фильме, наверное, из-за невольной зависти, потому что ни у кого из них в творчестве не было подобной и заслуженной удачи, никогда не вспыхивали в глазах огоньки безумства. И по этой же причине не приглашали на эти

вечера памяти Любы Полищук Вячеслава Тихонова, зная, сколь куцо и мелко будут выглядеть рядом с ним. А лучше него вряд ли кто-нибудь мог рассказать о Любе.

Прошло многим более года, но на могиле Любови Григорьевны Полищук еще не появился памятник. И это кажется не столь важным, когда вспоминаешь мудрые стихи великого русского писателя Ивана Алексеевича Бунина:

То, что лежит в могиле, разве ты?
Разлуками, печалями отмечен
Твой путь. Теперь их нет. Кресты
Хранят лишь прах. Теперь ты мысль.
Ты вечен.

Теперь ты мысль… Эти слова можно отнести и к Любе. Она своей игрой и жизнью оставила немало оригинальных и выстраданных трепетной душой мыслей для обогащения и роста творчества других творцов.

Глава первая
Знакомство

Открутим время в прошлое примерно на сорок лет назад, когда в моей квартире, согласно договоренности, ровно в десять утра появилась девушка незаурядной красоты – высокая, стройная, с обворожительными, но не очень правильными по стандартным меркам чертами лица, с блеском в глазах, вошла смело, но не нахально, и тихо вымолвила:

– Люба Полищук. Я из Студии эстрадного искусства.

В нашей встрече не было ничего необычного. Я – известный в то время автор эстрады, она – ученица Студии эстрадного искусства встретились обсудить номер, который я должен был написать для нее. Об этом меня просил руководитель студии. Рекомендовал Любу как способную студентку, кандидатку в эстрадную программу «На эстраде – омичи».

Омская филармония перевела в Студию деньги, на которые с помощью преподавателей должна была в течение года создаваться программа.

– Я разговорница, – уточнила Люба, – хочу исполнять музыкальный фельетон.

– Но, – смутился я, – я не специалист по музыкальным фельетонам.

– Знаю, но у вас получится, – сказала она, – я верю.

Последние слова Любы озадачили меня.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Я видела вас на сцене. В Омске, – и она достала из сумочки маленькую афишку, которую обычно вывешивают перед театральными кассами. На афише значилось, что в зале Омской филармонии состоятся «Вечера смеха» с участием заведующего Клубом 12 стульев «Литературной газеты» Виктора Веселовского, поэта-пародиста Александра Иванова и автора рассказов, монологов и фельетонов Варлена Стронгина.

– Я вас запомнила, – сказала Люба.

– Других, объявленных в афише, просто не было, они не приехали, – усмехнулся я.

– Да! И вы один! Целых два часа! Три концерта в день! Мне они очень понравились! – искренне произнесла Люба, глядя на меня как на своеобразного героя. – Каждый раз слушала с удовольствием.

Я объяснил Любе, что Иванов заболел, Веселовский отказался ехать в последний момент, но я, как и они, имел право на

сольный концерт и решил не срывать гастроли.

– Все-таки были объявлены трое! Билеты покупали на троих! – стояла на своем Люба. – И вы не испугались!

– Я в большинстве случаев выступаю один. Это Омская филармония решила пригласить нас троих и каждому заплатить за сольный концерт, – сказал я.

– А вам? Мне говорили, что если вы не сорвете концерты, то вам заплатят за троих!

– Это было бы справедливо! – согласился я. – Ведь зал у вас громадный, почти на полторы тысячи мест. Мне сказали, что по сборам я выполнил квартальный план филармонии. В эти же дни в Доме офицеров пела Эдита Пьеха в зале на шестьсот мест. А на мой концерт… Кое-кто сдавал билеты, но их тут же покупали. Концерты прошли нормально, и я получил гонорар только за свое выступление, – сказал я, желая прекратить разговор на эту тему. – Первый секретарь Манякин приветливо помахал мне рукой из окна «Волги». Я ничем не подвел Омск. Но, кстати, я не исполнял музыкальные фельетоны. Отчего вы взяли, что я смогу вам написать то, что нужно?

– Сможете, – прервала меня Люба. – Вы такое говорили…

Тут я прервал Любу, понимая, что она намекает на мои рассказы, не разрешенные цензурой и имевшие особый успех у зрителей.

– Давайте лучше поговорим о вашем будущем фельетоне. Хотя бы о его теме…

– А я еще не решила, о чем буду говорить, – внезапно обескуражила она меня, – вы лучше знаете, что сейчас волнует зрителей. Я ведь родилась сравнительно недавно, 21 мая 1949 года. Мало что знаю.

– Но все-таки – что волнует вас? Вы по нынешним временам взрослый человек! – заметил я.

– Я? – махнула она рукой. – Сто забот волнуют! – и достала из сумочки сначала фотографии родителей, брата и сестры, а потом глянцевый японский журнал мод, на обложке которого она была изображена в полный рост, в профиль, задорно шагающая по улице, в полуоткрытой блузке, в плиссированной юбке с разрезом, на средних каблуках…

– Здорово! – не удержался от похвалы я. Она перехватила мой взгляд:

– Один экземпляр. Обещала родителям. Вам подарю в следующий раз. Можно?

– Конечно, – согласился я, обратив внимание на то, что после упоминания о родителях ее лицо погрустнело.

– Соскучились? – поинтересовался я.

– Само собой, – вздохнула Люба. – Не знаю, как они управляются без меня. Но должны. Мама выдюжит. А отец очень устает на работе. У нас семья не очень большая: отец, мама, брат, сестра и кошка. Кошка может порвать обложку журнала. Надо, чтобы его держали подальше от нее. Увидит меня на обложке раз, два, три и захочет схватить.

Потом я узнал, что мама Любы работает швеей, отец – строителем. Живут небогато. Тем не менее Люба не пропускает ни одного концерта в филармонии. После занятий в школе училась петь, ходила в танцевальный кружок.

– Вы знаете, я первой в школе села на шпагат! – похвасталась она. – Прямо так – взяла и села!

– Без репетиций?

– А зачем они нужны! Захотела и села!

– Больно не было?

– А, пустяки! Я в кровь колени разодрала, когда через забор с колючей проволокой перелезала. И то – ничего.

– Зачем перелезала?

– За яблоками.

– Небось больно было?

– Не помню. Помню, что радовалась, когда родителей угощала.

– Так о чем все-таки писать будем? – вернул я Любу к теме нашей встречи.

– О чем-нибудь таком… Чтобы за душу брало… Можно не спешить… Время есть… Все равно у меня голос пропал!

– Как?! – изумился я.

– Черт его знает. Был и пропал. Говорят, что я его сорвала. Но голос вернется. Никуда не денется. Ведь я с вами разговариваю. Значит, голос не совсем пропал, скоро запою. Вы только во мне не сомневайтесь. Я упорная. Спою как надо. Я вам сразу поверила. И если вы во мне сомневаться не будете – обязательно выйдет толк. У вас чай заварной есть?

– Есть.

– А я так к вам спешила, что даже не успела позавтракать.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – сказал я, зная, что студенты студии получают копеечные стипендии, – а не пойти ли нам позавтракать в Дом журналистов? – предложил я.

– Ого! И там едят только журналисты? – удивилась Люба. – А других пускают?

– Пускают.

– Тогда почему бы нам не позавтракать? – с вызовом произнесла Люба, в одну руку взяла сумку с альбомом, другой рукой подхватила меня. – Нам куда?

– К Арбату. К площади.

– Красивое место. Там Пушкин гулял, – доверительно сказала мне Люба. – А теперь мы идем. Чудеса! А насчет фельетона я к вам зашла впрок. Буду звонить вам с гастролей, вы думайте. Не расхолаживайтесь! – говорила она с улыбкой, словно разыгрывала меня, но без капельки злости. Она действительно хотела стать музыкальной фельетонисткой. Вряд ли по собственному желанию. Начальство в студии ей настойчиво внушало, что это редкий и ударный жанр. И конкуренции в студии не будет и успех гарантирован. Легковерностью ее решения я был удивлен с первой минуты нашей встречи, – она даже не знала, о чем будет говорить со зрителем. «Со временем разберется, что на эстраде к чему и что нужно ей», – подумал я и не ошибся. Больше по поводу музыкального фельетона она ко мне не обращалась, но звонила с гастролей несколько раз с просьбой не забывать о том, что ей нужен репертуар, но какой – не уточняла.

Запомнилось ее поведение в ресторане Дома журналистов. Мужчины не отводили от нее взглядов, двусмысленно улыбались, но она ни разу не повернула голову в их сторону, хотя ей наверняка было любопытно посмотреть на новых и загадочных людей. Выпить отказалась. Даже сухое вино.

– У нас вообще в семье не пьют! – несколько чопорно заявила она, а уже минут через пять, освоившись с обстановкой, забыв о сказанном, говорила, что однажды отец после изрядной выпивки получил нагоняй от матери и клятвенно обещал больше не прикасаться к спиртному. Иначе сам обрежет свои шикарные усы. Конечно, вскоре забыл об этом, вернулся домой на бровях и провалился в сон. Тогда я маленькая, еще первоклассница, тихо подползла к нему с ножницами и лишила родителя усов.

– А ты не испугалась сделать это? – спросил я.

– Когда мое дело правое, я ничего не боюсь! – решительно объявила Люба.

С той поры мы долгое время не виделись. «Омичи на эстраде» в Москве выступали редко. Люба вела конферанс со своим молодым мужем – Валерием Макаровым. Ничем не примечательный, обычный конферанс. Мне рассказывали, что в их репертуар попала моя интермедия под названием «Нежность». Эту интермедию исполняли на эстраде многие ведущие, и для меня было не удивительно, что она перекочевала в репертуар Любы. Дословно эту интермедию не помню, но говорилось в ней о дефиците доброты и нежности в человеческих отношениях. За нежность людей даже надо стимулировать. Вот, к примеру, улыбнулся продавец покупателю – получает гривенник, дважды улыбнулся – двугривенный, улыбнулся и поблагодарил за

покупку – получай полтинник. Так, смотришь, в конце месяца и наулыбаешь себе приличную прибавку к зарплате. На эстраде поговаривали, что омичей в Москву привез директор Омской филармонии по фамилии Юровский. Злые языки поговаривали, что он приходится дальним родственником тому большевику Юровскому, который руководил расстрелом Николая II и потом ездил по стране от Общества «Знание» с чтением лекции «Как я убил царя». Кульминационный момент расстрела выглядел так: «Юровский приставил ко рту самодержца пистолет. – «Что это такое?» – спрашивает царь. – «А вот что!» – отвечает Юровский и нажимает гашетку». Эстрадники любят подшутить над собою, и по всей видимости, эта байка была выдумана ими. Я решил проверить ее достоверность по другой байке, где говорилось, что после расстрела царя и княжен Юровский нашел на полу подвала, где производилась бойня, инкрустированную конфетницу – творение французского мастера по металлу Фаберже. Сунул в карман, считая безделушкой, и при случае на день рождения подарил матери Любы, а та, якобы, потом передарила конфетницу племяннице.

Люба со страхом и интересом на лице выслушала эту запутанную историю и побожилась, что ничего подобного у ее мамы не было, из ценностей – только две иконы.

– Была бы эта штука у нас, – сказала, – заключила Полищук? – врать не стала бы. А чего нет – того нет, и не было!

Меня мало волновали байки о родстве директора Омской филармонии с большевиком Юровским. Директор был человеком интересным, деловым и культурным. Значительно интереснее было его отношение к актрисе. А оно было всегда внимательным и благосклонным. И было бы странно, если кто-либо из мужчин миновал чары Любы Полищук. Как отразилось отношение директора на актрисе – не знаю. А то, что Люба вскоре разошлась с мужем, хотя у них был маленький ребенок, это личное дело мужа и жены.

Не могу не признаться, что в самом начале знакомства с Любой я не без мужского интереса поглядывал на красавицу, но обстоятельства и наши жизни сложились так, что мы искреннее подружились.

Расставаясь после первого знакомства, она лукаво посмотрела на меня.

– Вы хотя бы мою фамилию запомнили? Полищук. Зовут Любой. А вообще-то я еще в какой-то мере Аннинская, а мама еще больше Аннинская. Не понимаете почему?

– Не догадываюсь.

– Плохо знаете наш город.

– Три концерта в день. Даже походить по городу толком не удалось, – объяснил я.

– А зря. Центральную улицу видели?

– Видел. Холмистая и длинная, конца не видно.

– А как называется?

– Ленина.

– Это сейчас ее так называют. Чаще официально. А в народе по-прежнему называют Аннинской. В честь дочки омского губернатора из прошлого века.

– Интересная девушка была?

– Еще бы! Дочь губернатора! Выйдет вечером пройтись по улице – глаз не оторвешь. Статная, глаза чистые, коса аккуратно завязана, не девушка, а загляденье. Со всеми прохожими здоровается. Мама за ней подглядывала, потом мне вспоминала, во что она одевалась, какую книжку в руках держала, как и о чем с подругой разговаривала, как относилась к гувернантке… Громкого слова от нее не услышишь, тем более грубого. Никого не обижала. И за все, что ей доброго сделаешь, говорила «спасибо». Всем желала доброго здравия. По воскресеньям бедным развозила подарки. Ее улица была эта, Аннинская, и на этой улице можно было встретить хорошего парня, найти свою удачу. Некоторым удавалось, пока не стало Ани.

– А куда она девалась?

– Наверное, уехала. А куда – не знаю. Родителей ее сгубили. Ни за что, ни про что. Как буржуев. Аню гувернантка спасла. Спрятала у себя. А потом они куда-то уехали. Скрытно. И скучно стало на улице, до смерти. Не с кого брать пример. Раньше все городские девушки старались походить на Аню, даже одеваться и говорить, как она, те же книги читать, что и она, даже в голосе подражать. Спасибо директору филармонии. Он нас, кружковцев, кто пел и танцевал в самодеятельности, собрал и отправил учиться в Москву. Может, здесь кое-чему хорошему научимся. А вот с кого пример брать? Подражать кому? Алле Пугачевой? Отличная певица. Но я Люба Полищук, я Пугачевой никогда не стану. И зачем, когда она есть? От сотни одинаковых певиц жизнь веселее и разнообразнее не станет. Разве я не права? – недоуменно заметила мне Люба.

– Правда. Об этом мы еще поговорим. Вам сейчас куда? – спросил я у нее. Она остановилась в нерешительности.

– Мне? – замялась она. – Наверное, к метро.

Мне показалось, что, несмотря на показную боевитость, она находится в смятении, не знает даже, куда ей нужно идти. И пришла заказывать эстрадный номер только для себя. Значит, семейная жизнь рухнула. Надеялась на помощь и советы

Юровского, тем более его назначили Генеральным директором Росконцерта. Но проначальствовал он недолгое время и куда-то исчез. Куда именно – я не знал. Судя по всему, теперь помочь Любе не может. Она осталась одна в громадном шумном и чужом городе, где люди спешат, кто куда, и никому до нее нет дела. Знакомые говорят о ней: красивая, талантливая, необычная, а как применить эти качества в искусстве – явного понимания у нее пока нет. Была бы определенная цель на сцене, наверное, стремилась бы к ней очертя голову. Подругам по студии говорит, что главное-то в жизни есть – ребенок, чудесный мальчик, обаятельный, ласковый, терпеливый. О нем – ее нелегкие думы, а значит, о работе, о том, чтобы создать ему нормальные условия для жизни, и конечно, о том, чтобы себя достойно выразить на сцене.

– Здравствуйте, девушка, я вас где-то встречал, – прикалывается к ней брюнет с восточным акцентом, но она отворачивается от него. Пойти на панель – самое простое дело. У подъезда большого дома скопилось несколько девчат, ищут клиентов.

– Ты откуда? – спрашивает у одной из них Люба.

– Тебя, что, лесбос интересует? Швартуйся к Наташке. В голубом берете, – говорит девушка и плотно прилипает губами к сигарете. – Чего не идешь? Чего ждешь? К нам прибиться хочешь или ты из ментовки, сучка? Чего молчишь? Катись отсюда, пока не набили рыло! – угрожающе шипит проститутка.

Люба отходит в сторону, но повадки и поведение девушек невольно запоминает. На всякий случай. Вдруг приходится. И через несколько лет пригодились в кинофильме «Интердевочка», где она играла роль проститутки. Кое-что от себя добавила, некоторые манеры утрировала, но роль получилась, зрители запомнили.

Давно это было. Когда она о кино лишь мечтала в самых несбыточных грезах. Думала реально только об одном – как бы прочно и успешно устроиться на эстраде. Ведь она как никак, но уже была начинающей артисткой из коллектива «На эстраде – омичи». Родителям послала первую афишу, где они с Валерием смотрят друг на друга и улыбаются. Пусть мама думает, что дочка устроилась, работает, кое-что зарабатывает, маловато, пусть, пока никто прилично в их коллективе не получает. И не из-за денег пошла она на сцену. У нее в Омске даже была кличка «Артистка». И наверное, не случайно прицепилась к ней. Что-то артистическое в Любе было – и в фигуре, и в лице, и в мимике. И самое важное бушевало в душе – неодолимое чрезмерное желание стать актрисой. И в душе хватало страсти на десяток ролей, но не на

эстрадных, чисто развлекательных, а с любовями, печалями, даже с дракой с мерзавцем, оскорбившим маму. Страсти бушуют, никак не угомонятся, но внезапно всех их затмевает образ сына. «Если нужно, Алешенька, – мысленно обращается Люба к сыну, – я ради тебя стану исполнять даже музыкальный фельетон, хотя, честно говоря, даже приблизительно не знаю, что это такое, никогда не слышала. Но уже знаю автора, который этот фельетон может написать. Не злой человек. Если очень попрошу, напишет. А папочка наш пропал. Кто в этом виноват? Разбираться поздно. И стоит ли? Надо начинать жизнь заново. Не сердись на меня, сынок. Не бойся! Не пропадем! У тебя мама сильная и решительная! И ты здоровый парень. Поступай в ГИТИС. Не возьмут – зиму поработаешь грузчиком. Потом снова подашь документы. Не будем сдаваться, сынок, пока не добьемся своего!»

Шел Любе двадцатый год, и по молодости, по неопытности не подозревала она, что рано или поздно сын заинтересуется отцом, тем более которого он никогда не видел. Что за человек? Пусть не жил с ними, но все-таки родной человек. Мама о нем говорила плохо, только раз призналась, что писал он замечательные стихи. Значит, не совсем никчемный был. И почему ни разу не свиделся с сыном? Об этом подумал Алексей, когда ему исполнилось шестнадцать. Вот его дословные мысли из интервью телегазете: «Дело в том, что мой родной папа Валерий Константинович Макаров не принимал в моем «выращивании» абсолютно никакого участия, не проявлялся никак, никогда не звонил, не общался со мной, ни разу не поинтересовался, что там из меня выросло. Только алименты, по закону положенные, исправно платил. (Значит, все-таки помнил о сыне. – *В. С.*)

Мне не хочется говорить об отце плохо – его уже нет в живых, но добрым вспомнить тоже не могу. Потому что никогда не пойму: даже если у них с мамой произошел какой-то жуткий скандал, и допустим, он был на нее очень сильно обижен, я-то тут причем? Неужели ему было неинтересно посмотреть, какой сын у него вырос? Блин, для каждого мужика, мне кажется, сын – это сын. Твое семя. Продолжатель твоего рода. У Валерия Константиновича в голове этого не было. (А может, было, терзало его душу, но «жуткая обида» не позволяла переступить через нее. – *В. С.*) Когда я поступил в институт, на ноябрьские праздники поехал в свой родной город Омск, хотел посмотреть отцу в глаза. Точного его адреса у меня не было, но через знакомых узнал приблизительные координаты – мне сказали: «Он живет в одних из трех этих домов». И я, упертый, пошел по этим квартирам. Звонил в каждую дверь и спрашивал: «Здесь живет Валерий Константинович Макаров?» Где-то мне отвечали

отрицательно, где-то была тишина. (Может, за дверью стоял отец и не хватило у него смелости посмотреть в глаза сына, которого бросил бесповоротно и теперь жалел об этом. – *В. С.*), где-то просто посылали. В результате отца я, к сожалению, так и не нашел. (А значит, очень хотел, если к нему специально поехал. – *В. С.*) Вернулся в Москву, а через два месяца маме пришло сообщение о том, что Валерий умер. Не знаю уж, что между ними случилось, что за обида такая была, но они никогда не созванивались, не контактировали, не переписывались. Повторяю, просто тупо приходили алименты и все…» (А что скрывалось за этим «просто тупо приходили алименты» – какие переживания и отца, и матери, – откуда знать юноше?)

А переживания были и, вероятно, очень сильные, мучающие, коробящие души. Это сам невольно подтверждает Алексей, приводя слова матери отца: «Вот мать Валерия очень обижается на то, что я с ней не переписываюсь, не созваниваюсь. Это правда. А почему я должен это делать? Меня с нею по-родственному ничего не связывает – она для меня посторонний человек. Раз у меня не было отца, соответственно и бабушки нет тоже. Вот такие мои рассуждения». Рассуждения довольно поверхностные, сквозящие обидой, на более глубокие трудно было рассчитывать у шестнадцатилетнего юноши. Со временем он наверняка поймет, что жизнь не разложишь на полочки – хорошие и плохие, ровные и неровные, и непременно одинаковые, с какой стороны ни посмотри. Разлука с отцом нанесла его душе незаживающую рану, как бы он ни оправдывался, ни храбрился. И Люба, будучи еще очень молода, не отдавала себе отчет, какой душевный удар нанесет сыну безотцовщина. Ей, красивой, талантливой и юной, казалось, что вся жизнь еще впереди, что встретит она более прекрасного и достойного человека, чем ее первый муж. И, возможно, встретила. Но лишила сына отца… И понимание этого, боль от этого с годами будет точить ее душу. Она была всегда сильная, талантливая, но неосторожная, не всегда умела заглянуть вперед, трезво подумать о своей будущей судьбе и родных. Истинный талант всегда неосторожен. Ему кажется, что все подвластно ему, все по силам, его захлестывает уверенность, что он справится с любой трудностью, преодолеет все препятствия. А боли, ссадины, ранки затянутся, пройдут и забудутся.

Интимная жизнь потому и называется личной, что касается тех людей, которых связывает этой жизнью, и обычно не разглашается. Меня никогда не интересовала чужая личная жизнь, тем более мало мне знакомых молодых артистов: Любови Полищук и Валерия Макарова – ведущих программы «На эстраде

– омичи». Я даже не был удивлен, когда руководство эстрадной мастерской, где создавалась программа, заказала мне написание музыкального фельетона для Любови Полищук. Без участия партнера по конферансу. Такое редко, но случается на эстраде, когда один из участников дуэта исполняет сольный номер. Но вскоре я узнал, что Люба выступает одна, что эстрадный дуэт распался. Даже не подумал – осталась ли семья. Молодые разводились часто, в этом не было ничего особенного, и вообще это касалось чужой личной жизни. Знал, что у Любы перед отъездом на гастроли возникают трудности с устройством ребенка. Если мамы не было дома, он поднимал телефонную трубку и обстоятельно объяснял, где она и когда будет. У меня с Любой завязались чисто творческие отношения, перешедшие в дружеские, на долгие годы. Она всегда гордилась своим сыном, верила в его звезду и искренне радовалась его успехам. А когда, увы, Любы не стало, я посчитал своим долгом написать книгу о ней, об ее искрометном и умном творчестве, и передо мною невольно встали вопросы ее личной жизни, о которой немало рассказывал в интервью разным журналам ее сын Алексей, уже, будучи взрослым, он пытался разыскать своего отца, но неудачно. Алексею казалось, что отец избегает встречи с ним, и сын задался вопросом – почему, что могло такое жуткое произойти между родителями, что они после развода никогда не встречались? Мама об отце рассказывала сыну мало и неохотно, и ни словом не обмолвилась о причине развода. Вероятно, не сошлись характерами, обычная история для молодых тех лет, обычная, если бы она не относилась к такой незаурядной, доброй и справедливой женщине, как Люба Полищук.

Я знал на эстраде немного семейных пар, проживших счастливую жизнь: семейства Райкиных, Утесовых, Клавдии Шульженко и Владимира Коралли, а из известных эстрадных дуэтов – Марию Владимировну Миронову и Александра Семеновича Менакера. Последние поженились в более зрелом возрасте, чем Полищук и Макаров, уже будучи популярными артистами. Мария Миронова ярко и темпераментно исполняла монологи, Александр Семенович читал фельетоны и отлично пел куплеты. Кроме того, он работал с авторами, однажды пригласил меня к себе домой, на Петровку, в комнату, стены которой были обвешаны фарфоровыми тарелками (страсть жены), и тщетно пытался выудить у меня мысли для интермедий, интересующих его, где в юмористической форме показывались взаимоотношения мужа и жены. Я был далек от этих тем и ничем не смог помочь талантливейшим артистам. Зато потом не удивился быстрым успехам их сына Андрея, выросшего в благополучной семье,

театральной атмосфере и впитавшего в свое творчество легкость и ироничность матери, рассудительность и музыкальность отца.

Значительно труднее был путь к успеху на сцене сына Любови Полищук и Валерия Макарова. Алексей через двенадцать интернатских лет, познал лихо и сиротливость и, мало того, взял фамилию отца, чтобы мамина популярность искусственно не помогала ему пробиваться в жизни. Не думаю, что его отец был бесталанным актером, поскольку отбор в эстрадную мастерскую проходил строго и тщательно, и в паре с женою он работал на сцене вполне достойно и профессионально.

Что же все-таки разъединило молодую пару? Могу ошибиться, но нашел этому единственное объяснение, – Люба как актриса росла буквально на глазах, ее тяготили узкие и примитивные рамки трафаретного конферанса, а Валерий видел их будущее на сцене именно в этом жанре эстрады и был уверен, что со временем актерское беспокойство жены сойдет на нет, у них ребенок, надо будет обустраивать жизнь, покупать квартиру, и не останется времени для творческих поисков. Иного мнения о своей жизни была Люба. Несмотря на житейские трудности, она собиралась исполнять музыкальный фельетон, искала авторов, способных написать ей монологи, в которых могла бы выразить себя более интересно. Руководство эстрадной мастерской шло ей навстречу, считая ее талантливее и перспективнее мужа, что не могло не раздражать его. К этому, возможно, у него примешивалось чувство ревности, многие мужчины буквально обожали его красавицу-жену. Между супругами начались ссоры, росли обиды, мужское самолюбие мешало Валерию смягчить, сгладить накаленную обстановку их отношений, поискать компромисс, а он, наверное, был достижим, конфликтная ситуация разрослась до такой степени, что совместная жизнь стала невозможной. И они разошлись настолько резко, что больше не встречались. Валерий регулярно присылал алименты и этим ограничивался, даже не интересовался сыном, хотя никому не известно, что на самом деле творилось у него на душе.

Однажды Люба собиралась провести вечер с подругой, встретились, как было договорено.

– Я отлучусь минут на пять, – сказала подруга, – умер знакомый артист. Надо проститься с ним. Я уже купила цветы.

– Артист? – переспросила Люба?

– Артист, – повторила подруга.

– Тогда я тоже прощусь с ним. Можно?

– Разумеется, – отозвалась подруга и разделила букет на две части.

Люба положила цветы у ног лежащего в гробу человека,

отошла в сторону, невольно стала вглядываться в черты лица покойного и побледнела, узнав в нем Валерия Макарова. Чтобы не упасть, обняла подругу, поразившись ранней смерти пусть когда-то, но близкого ей человека, и, вероятно, вспомнив то хорошее, что было между ними, а оно было – любовь и мечты о счастье, без чего не возникает союз юных сердец.

Судьба распорядилась так, что Люба все-таки попрощалась со своим первым мужем и отцом сына, который стал хорошим и известным артистом, чего не удалось сделать отцу.

Увы, жизнь не столь милосердна к людям вообще, а тем более к талантливым, для которых в состоянии творческой эйфории даже физические травмы порой незаметны. Только со временем, иногда через многие годы, вспоминают они о своих неосторожных действиях, которые можно было бы избежать или обойти. И не случайно мудреют с годами, а неудачи и беды в молодости закаляют их характеры, помогают понимать и переживать неудачи других людей.

Глава вторая
Эстрадные страсти

На эстраде случилось непредвиденное, впрочем, произошедшее далеко не впервые. Ушел из жизни талантливейший руководитель коллектива, его сердце и мозг, человек в полном смысле незаменимый, и сразу стало чахнуть его прекрасное создание. На этот раз подобная беда обрушилась на ведущий или, как говорили, «фирменный» коллектив эстрады, на Государственный московский мюзик-холл. Ликвидированный в послевоенные годы как представитель космополитического западнического направления в искусстве, он был восстановлен режиссером – новатором и тружеником Александром Павловичем Конниковым, человеком сколь талантливым, столь честным и скромным. Он успел создать два сюжетных мюзикхолльных представления: «Москва – Венера, далее – везде», где, кстати, родилась знаменитая песня Владимира Войновича о космонавтах «Четырнадцать минут до старта», и обозрение о современном времени и прошедшем и о том, как оно использовалось людьми, чьи нравы, несмотря на бегущие годы, менялись в лучшую сторону чрезвычайно медленно. Обозрение называлось «Тик-так». Собрало под свои знамена лучших эстрадников страны – изумительного артиста в жанре сатиры – Афанасия Севостьяновича Белова (в первой программе жанр юмора представляли не менее талантливые сатирики: Лев Миров и Марк Новицкий), а также ведущих певцов страны – Муслима Магомаева, Виктора Гуляева, Николая Сличенко, Нани Брегвадзе и даже известного иностранного гастролера югослава Джордже Марьяновича. И авторы представлений – опытнейшие писатели в жанре эстрадной юмористики Владимир Масс и Михаил Сервинский, Марк Слободской и особенно Владимир Дыховичный составили коллектив блестящих единомышленников и представления создали удачные на славу, всюду собиравшие аншлаги и шедшие с громовым успехом, даже в Париже, где гастролировал мюзик-холл, и Конников был признан русским эстрадным Дягилевым – создателем незабываемых русских театральных сезонов во Франции в двадцатые годы, после октябрьского переворота в России. Александр Павлович готовил третью программу с участием сатирика Геннадия Хазанова и уникального певца Валерия Ободзинского, но внезапно не стало Владимира Павловича, хотя было известно, что у него больное сердце. Смерть всегда неожиданна. И даже приблизительного

равного ему по таланту и характеру организатора найти не удалось и мюзик-холл стал быстро и заметно чахнуть. Его покинули лучшие солисты и даже часть слаженного кордебалета с отлично отрепетированной программой. Но начальству Росконцерта не хотелось терять «фирменный» коллектив, и тут вспомнили о молодой, красивой и талантливой актрисе Любови Григорьевне Полищук. Ее немедленно ввели в штат мюзик-холла, наделили напарником-ведущим, но ничего близкого по уровню замысла, мастерства и культуре эстрады с конниковскими представлениями не получилось. Хотя программу взялся писать новоявленный талант сатиры, автор Михаил Михайлович Жванецкий. Его работа с Аркадием Райкиным была высоко оценена театральной общественностью, и тон в ней задавал, конечно, великий артист, очищая монологи автора от одесской разговорной шелухи и придавая им стройность цельных произведений. Я потом однажды спросил у Жванецкого, почему его ранние творения были похожи на умные литературно выстроенные монологи и даже рассказы. На что он мне с обидой в голосе ответил: «Это Райкин держал меня за шкирку». «Управлять» Жванецким, как Райкин, Люба, разумеется, не могла. Внимала ему как богу, буквально открыв от изумления рот, и в результате заполучила отнюдь не проблемный, а бытовой монолог в образе проводницы, где юмор строился не столько на умных репризах, сколько на вульгарном, грубом, и от этого смешном, поведении узнаваемой героини. Второй монолог написал эстрадный автор Георгий Териков, на мой взгляд, более удачный и социальный, чем монолог Жванецкого. Люба играла жену, влюбленную в мужа-пьяницу, рассказывала о его выходках и тут же по-своему оправдывала их, что выходило и грустно, и смешно. Этот монолог Люба исполняла в эстрадных концертах до последних выходов на сцену. Тем не менее, всего два монолога, даже при формальных интермедиях – связках между номерами, разыгрываемых ею с партнером, не могли спасти программу. Я этого представления не видел, но говорят, что Полищук участвовала даже в воздушном гимнастическом номере, что было рискованно, но даже эта ее неосторожность, не оправданная даже со стороны успеха, не привносила в программу ни оригинальности, не новизны. И песни, исполняемые солистами, случайно подобранные, не связанные с сюжетом, которого, по сути, не было, не могли равняться с вокалом признанных народом мастеров из предыдущих программ. Получился неплохой сборный концерт, из ряда тех, которых на эстраде было немало, ничем не удивлял зрителей, и они отвечали ему соответственной и малой взаимностью. Убытки от представлений росли как снежный ком в

большой и ветреный сырой снегопад. Начальство еще попыталось спасти мюзик-холл, объявив в популярном журнале «Огонек», что в коллективе готовится новая программа, которую для восходящей звезды эстрады Любови Полищук пишет популярнейший автор эстрады Михаил Жванецкий. Для пущей убедительности реальности обещанного журнал поместил фотографии Полищук и Жванецкого, но, насколько мне известно, сотрудничество между ними заглохло в корне. Мюзик-холл был распущен, Люба Полищук была поставлена на график Москонцерта, что давало ей около десятка концертов в месяц, на которые она ездила с маленьким ребенком на руках и возвращалась со спящим на ее плече. Это были, пожалуй, одни их самых трудных лет в жизни Любы. Нужно было еще думать о собственном жилье и, конечно, не в центре города, а где-нибудь подешевле, на окраине, но и это стоило для актрисы (со ставкой 11 рублей за концерт) постоянной работы, и она не отказывалась от выступлений на самых дальних и не престижных концертах. Алексея пришлось отдать в интернат, что нервно травмировало и Любу, и сына. Вот как он описывает то время: «Конечно, бывало, что мы с мамой беседовали, но всякий раз я знал, что через 20 минут она опять умчится на спектакль или на съемку, или на репетицию. Поймите, не хватало у матери свободного времени ни на что другое, кроме работы. И мне казалось, весь мир устроен так: мамы редко появляются дома, так как часто бывают в разъездах, много занимаются собой, потому что им надо хорошо выглядеть, постоянно учат текст и, конечно же, на семью сил остается по минимуму. Уверен, меня хорошо поймут дети актрис, такие ситуации им отлично знакомы».

Прав мальчик. Такие ситуации часто возникали в артистических семьях. Мне лично было легче, – я не был обременен семьей и получал за концерт не одну ставку, как артист за номер, а три. Мне было дано право на сольный концерт в двух отделениях, для чего я прошел просмотр Художественного совета Министерства культуры РСФСР. Но само строительство такого концерта было делом нелегким, на него ушли годы, и угодить нравам и вкусам членам художественного совета мне удалось путем создания программы ясного гражданского звучания, в общем тоне которой даже острые сатирические произведения выражали заботу об улучшении жизни людей. Мне разрешалось ввести в свою программу один любой номер: разговорный, музыкальный или акробатический, но по времени не более 15–20 минут, при общей продолжительности концерта не менее 1 час 45 минут. Я работал внештатно, но довольно часто ездил на гастроли. Иногда брал знакомых и хороших артистов,

особенно в южные концерты, и приносил столь высокую прибыль, что меня приглашали в Сочи, Ялту, Кисловодск, Севастополь, Геленджик, Туапсе и Лазаревское по нескольку раз в год. Неоднократно со мной ездила обаятельная актриса Люда Кравчук, лауреат премии Всероссийского конкурса артистов эстрады. Она была неплохой разговорницей, исполняла мой «Монолог Моны Лизы», отмеченный на литературном конкурсе в Югославии, а в моем сольном концерте пела бардовские песни и романсы, пела задушевно, мягко и иронично, аккомпанируя себе на гитаре. Она не раз жаловалась мне на свою нелегкую концертную жизнь, на то, что приходится с гитарой в большом футляре мотаться по метро и переполненным автобусам, выстаивать очереди, чтобы купить дочери сосиски и бананы, и усталость от такой жизни накапливается, разрушая здоровье. Она не скрывала от меня, что пытается уехать из страны. Я отговаривал ее и приводил как аргументы удачные и недоступные для многих артистов заветные курортные площадки, съемки на телевидении, а она уже несколько раз показывалась на экране, что при ее способностях рано или поздно неминуемо привело бы к популярности, но она твердо стояла на своем: «Я хочу для своей дочери другую, более обеспеченную жизнь». Она уехала, фиктивно выйдя замуж за иностранца, но я ее не осуждаю, мы отлично работали, никогда не ссорились и добрая память о концертах с Людмилой Кравчук навсегда сохранится в моем сердце. Вскоре после ее отъезда, не помню уже по какому вопросу, позвонила мне Люба, и я тут же предложил ей поездку в Новосибирск.

– На сколько концертов? – поинтересовалась она.

– Двадцать концертов за пять дней.

– Годится! Едем! – без раздумий и с радостью согласилась она.

Я договорился с филармонией, чтобы деньги ей заплатили на месте и не только ставку, но и четвертушку за ведение концерта, которая полагалась мне. Я позвонил Любе домой, трубку взял Алексей, тогда ему было лет пять-шесть, но говорил он серьезно, и мы обусловили с ним, когда я на машине заеду за мамой. Жила она где-то на пути к Домодедовскому аэровокзалу, откуда отлетал самолет в Новосибирск. Репертуар Любы я знал и нашел для нее удобное место в концерте, за 2–3 номера, до конца первого отделения. Концерты предстояли ответственные. По два в день в Концертном зале Новосибирского театра оперы и балета (площадка на 900 мест). Два – в концертном зале Академгородка, остальные – в вузах и научно-исследовательских институтах.

Перед выездом такси я еще раз набрал номер Любы.

– Все в порядке. Едем. Только учти – я после запоя. Но через день приду в себя. Не волнуйся. До встречи.

Ее слова насчет «запоя» немного смутили меня, но я никогда не видел ее даже навеселе, и о срыве ее выступления даже не подумал. Я был знаком потом с Любой свыше сорока лет, немало общался с нею, но никогда не видел ее пьяной, даже выпившей. И мне кажется, что она могла выпить, но всегда в меру и незаметно для окружающих. И легенды о пьянстве распускала о себе она сама, чтобы выглядеть в глазах бывалых, обожающих застолье коллег, «матерой» актрисой, якобы прошедшей огонь и воду. Одна из неосторожностей молодости, к тому же неумная, неверно рассчитанная на то, что актрису-выпивоху маститые актеры быстрее и задушевнее примут в свой круг.

Видимо, омская Аня, дочь бывшего губернатора, о жизни которой ей не раз ведала мама, постепенно исчезала из сознания Любы, и она брала пример с тех современных женщин, примадонн, что ныне окружали ее. Но тяга к искусству, верность ему и заложенные от родителей доброта и честность не покидали актрису.

Следует признаться, что я привез в Новосибирск Любовь Полищук, хотя и не обозначенную на афише и не популярную актрису, но сразу узнаваемую зрителями после того, как я объявлял, что в фильме «12 стульев» она, лихо танцуя с Андреем Мироновым, пробивала стеклянную стену магазина. Зал после моих слов сразу оживал, глядя на Любу, как на хорошо знакомую и любимую киноактрису. Фильм прошел совсем недавно, и танец Любы и Андрея запомнился зрителям. В этом танце был и, по-моему, остался никем не объяснимый факт сверхбыстрой популярности Любы. Танцевали известнейший артист и никому неизвестная смазливая актриса. Но… в жестах, в танцевальных движениях они вели себя совершенно на равных. Стоило Миронову, а танец носил полублатной одесский характер, провести рукой по лицу актрисы, как она в ответ демонстративно едва ли не расплющивала его лицо, превращая его в блин и сглаживая на пути своей руки губы, нос и брови кинозвезды. Не уверен, что другая актриса, даже по заданию режиссера, сделала бы это так вызывающе и смачно, как Любовь Полищук. Была ли это смелость Любы, вполне оправданная в этом танце, или неосторожность таланта, кривившая лицо любимейшего народом артиста, в данном случае не играет роли. Жест Любы был смел, неожидан для зрителей и поэтому запомнился им. И то, как они вместе, синхронно двигаясь, проникали через стеклянную витрину, тоже выглядело необычно и было удачной придумкой режиссера. И совершенно неожиданной для них стала концовка

танца, когда Миронов разводил руки в стороны, и Полищук камнем выпадала из них. В связи с последующим через много лет заболеванием спины актрисы возникла версия, что именно тогда она получила серьезную травму. Режиссер фильма Марк Анатольевич Захаров назвал эту версию удачной шуткой, актерской байкой, но не более. На месте падения актрисы были предусмотрительно уложены гимнастические маты, смягчающие удар. У меня лично есть сомнения, были ли уложены маты. Ведь снимали не известную актрису, а просто смазливую девицу из массовки, даже не имеющую роль в фильме. Поверим Марку Захарову и приведем мнение сына Любы Полищук об этом инциденте: «Это полный бред, высосанный из пальца дебилами, которые в погоне за тремя рублями пишут так называемые сенсации и за это называют себя журналистами. (Это по поводу того, что некоторые печатные издания писали, что первопричиной болезни Любы Полищук стало то, что она повредила спину на съемках «12 стульев».)

Сделаем скидку на молодость, горячность сына, искренне любящего кино и защищающего имеющуюся там охрану труда. Не будем приводить не единичные примеры, при которых актеры гибли на съемках. Достаточен один – смерть Евгения Урбанского, работающего без дублера при съемках опаснейшего для жизни эпизода. Обратимся к рассказу самой Любови Григорьевны Полищук. В одном из своих последних телеинтервью она четко заявила о том, что этот эпизод повторялся 14 раз (!). Было сделано четырнадцать дублей. Наверное, при особом желании копии их можно разыскать. И, честно говоря, не многовато ли дублей? Четырнадцать?! Для фрагмента танца?! И теперь главное – люди послевоенного времени и более молодые – возраста Полищук – хорошо помнят тогдашние гимнастические маты – грязные, потные от постоянного употребления и набитые сбившимися в комки, представляющие собою спрессованные и промокшие от пота куски ваты, доведенные до крепости камня. Даже легкое падение на один из них было ударом для организма. Приехавшая вскоре после этих съемок фильма «12 стульев» в Новосибирск Люба Полищук редко выходила из номера – побаливала спина. И потом прихватывала, но она никому об этом не говорила. Лишь однажды, корчась от боли перед выходом на сцену, пожаловалась мне на то, что корежит спину. Узнав о том, что произошло с нею на съемках, я написал сатирический рассказ, напечатанный в журнале «Крокодил», рассказ по мотивам произошедшего с нею.

ЭФФЕКТНЫЙ КАДР

«Крокодил» № 2

На нашей улице снимали какой-то фильм. Люди окружили место киносъемки. И я остановился. Вижу – переходит улицу красивая актриса с портфелем и в мини-юбке. Видимо, играет студентку. На нее наезжает машина. Не по-настоящему, но очень похоже. Слегка задевает актрису, и та падает. Из машины выскакивает молодой человек, размахивает руками и что-то говорит.

– Уберите руку! – раздается голос человека с трубой. – Повторите эпизод.

Актриса приводит себя в порядок, отряхивает от пыли юбку, поправляет прическу. Снова переходит улицу и на нее опять наезжает машина. На этот раз толкает основательнее, так, что портфель из рук женщины вырывается и отлетает метров на пять. Молодой человек выпрыгивает из машины и бежит за портфелем.

– Куда вы?! – кричит Труба. – Вернитесь к студентке! Быстрее!

– А как же она без портфеля? – удивляется молодой человек. – Без него никто не поймет, что она студентка.

– Не ваше дело! – повышает голос труба. – Повторить эпизод!

– Подождите! – просит актриса и массирует ушибленный бок.

– Ждать нельзя! – кипятится Труба. – Скоро зайдет солнце!

Машина опять наезжает на студентку. Прямо натыкается на нее. Актриса после этого падает и даже подняться не может. Молодой человек в растерянности. Труба ругается нечленораздельно. Не знает, что делать. Тогда я перелезаю через ограждение, подходу к девушке и помогаю ей встать.

– Вам очень больно? – спрашиваю.

– Очень, – кивает головой актриса. – Но перелома, наверное, нет. Нога не треснула. Попытаюсь сыграть еще один дубль.

– Смотрите. Ваше дело, – говорю я. – Но мне кажется – на сегодня хватит. Надо отдохнуть и перевязать рану на ноге.

– Спасибо, – говорит актриса, поднимается с трудом, идет, прихрамывая, и вздыхает: – Работа у нас такая. Надо снова лезть под машину.

Водитель открывает дверцу машины и показывает Трубе на часы:

– Работа кончилась.

– А солнце еще светит! – восклицает режиссер и обращается ко мне. – Вы умеете управлять машиной?

– Права есть.

– Тогда помогите. Сделайте хотя бы пару наездов на эту актрису.

– Не могу, – отказываюсь я. – У нее уже травма. К тому же наезжать на женщину – как-то неудобно.

– Пустяки! Нечего стесняться! – кричит режиссер. – Девочка даже не заслуженная артистка. Даже не из нашей киностудии. Ну, получит она еще пару синяков или ссадин. Что из этого? Зато какой выйдет эффектный кадр. Его будут смотреть миллионы кинозрителей. И с восхищением!

– Извините, – говорю я Трубе, – но если я этот кадр увижу, то мне будет весьма грустно. Извините, но я на эту женщину наезжать не буду.

– Размазня! – махнул на меня рукой режиссер и рявкнул в трубу: – Приготовиться! Наезд на героиню. Дубль восьмой! И тут же, если не очень удастся, то девятый!

А я побежал к телефону-автомату и вызвал «Скорую». Минут через десять к месту киносъемки подъехала машина. Врач поспешил к лежащей на асфальте актрисе, а Труба подошел ко мне яростно прошипел:

– Черт бы вас побрал! Такой кадр упустили! Такой эффектный кадр!»

Я понимаю, что сгустил в этом рассказе краски, что эффектное падение Любы Полищук на маты было не столь опасным для нее, как наезд машины на мою героиню. Но доля опасности для здоровья не миновала тогда Любу, и пусть первопричина ее коварной болезни была совсем иной, но есть в этом факте повод задуматься об охране труда артистов и не только.

А вообще-то моя с нею поездка в Новосибирск прошла без особых тревожных и опасных приключений. Отлет самолета из Москвы перенесли с 10 вечера на восемь утра.

– Возвращаться домой нет смысла, – резонно заметила Люба, и тут же, набросив на голову капюшон дубленки, улеглась на деревянную лавку, подложив сумку с вещами к ногам. Я последовал ее примеру. И мы не прогадали. Самолет отправили на два часа раньше, чем обещали. Четыре часа лета и мы приземляемся в Новосибирске. За бортом 15 градусов мороза. Люба выходит на трап и лихо сбрасывает капюшон с головы.

– Что ты делаешь, Люба? Сильный мороз! – говорю я.

– Ничего, я привыкла, я сибирячка! – гордо улыбается она, подставляя лицо лучам яркого, но явно не греющего солнца.

Первый концерт всегда волнителен. За кулисами в черном облегающем тело платье, с короткой модной прической, с

блестящими, с лукавинкой глазами, стоит готовая к выступлению Люба. На лице ни единого следа «запоя», которым она меня озадачила. Немного выделяются скулы и синева под глазами. Это от усталости. Номер она исполняет блистательно. Четко выделены интонации, расставлены паузы. Зрители вызывают ее на бис. Она настолько сильно разогрела зал, что мне работается намного легче, чем вслед за артистами, которых я брал в другие города. После окончания концерта мы выходим на поклон. Люба останавливается на шаг позади меня и протягивает в мою сторону руку, показывая, что основным исполнителем представления был я. С таким уважительным к себе отношением я сталкиваюсь впервые, беру Любу за руку, и мы вместе выходим на авансцену. Зал взрывается овацией. И такое происходит из концерта в концерт.

Днем мы встречаемся редко, случайно. Собираемся у автобуса, увозящего нас на концерт. Питаемся отдельно. Я не приглашаю ее на обед, не навязываю ей совместное питание, догадываясь, что она экономит деньги, откладывая их на московскую жизнь.

Однажды грустно замечает мне:

– Алексей устроился грузчиком. Парень крепкий. Выдержит. Надо отдать долг за квартиру. А потом я дам ему отдохнуть – уже договорилась о его работе пожарным. А потом – театр… Другого пути у него нет. Я чувствую в нем артистичность. Может, я обманываюсь, как каждая любящая мать. Но должен же он что-нибудь актерского, хорошего и полезного для себя перенять у меня! Не только должен – обязан. Он артистичен даже в обычной жизни и станет артистом!

Лишь один концерт вызывает у Любы неудовольствие. Бойкий администратор продал билеты на дневной концерт в крупном научно исследовательском институте по афише на другого и более популярного, чем мы с Любой, артиста. Наше появление в зале зрители встречают с недоумением, и хотя на наш концерт нареканий не было, мы ощущаем себя прескверно, словно обманули людей, едва ли не обокрали. Весь следующий день Люба ходит хмурая, лишь к вечеру оживает. Мы идем в филармонию, где должны оформить денежные документы. По дороге встречаем местного и хорошо знакомого нам администратора. Он улыбается:

– Смотрю я на вас и думаю – очень интересная вы пара. Каждый своеобразен и по-своему дополняет друг друга. Почему бы вам не пожениться?

Люба без раздумий отвечает:

– Я уже думала об этом. Но мне жалко Варлена. Он хороший

человек!

Мы долго и от души смеемся.

До отъезда остается пара дней.

Неожиданно Люба заходит ко мне в номер и показывает монолог Жванецкого:

– Миша подарил. Но я что-то не раскумекаю, о чем он хочет сказать.

Я дважды читаю монолог и только с третьего захода угадываю авторскую мысль. Чтобы она была понятной зрителям, монолог нужно переписать, увеличить с полутора до 3–5 страниц и наполнить не далекими намеками, понятными только автору, а прямым и точным, по-русски выраженным текстом, без придыханий, вздохов, закатывания глаз к потолку и прочих одесских приколов.

– Монолог интересный по замыслу, но выражен скомкано и с явными недоговорками, – заключаю я.

– Жаль, – вздыхает Люба. – Я так надеялась на то, что Миша напишет мне программу.

– Напишет, – уверенно говорю я, хотя знаю, как сложно создать целую и большую разговорную программу женщине, не имея опыта в этой работе.

– Нет, не напишет, – отрицательно качает головой Люба. – Он пригласил меня на свидание. Думала, что в кафе или ресторан, а привел к московским одесситам, которые специально готовились к встрече с ним. Мне это сразу не понравилось.

– Почему?

– Не понравилось. Там ждали его. А он вроде, пользуясь случаем, прихватил с собой меня. Я этого не ожидала.

– Бывает, так вышло, – оправдываю я Жванецкого, но Люба в своем отношении к нему непреклонна.

– Через несколько минут, после первой рюмки, он незаметно для хозяев под скатертью кладет руку на мое колено. Я осторожно снимаю его руку со своей ноги. Вскоре он повторяет свой маневр, а я – свой. Он нервничает, не смотрит в мою сторону и уходит, даже не попрощавшись со мной. Больше мне не звонит. Выходит – отношения наши разорваны, и все его обещания написать мне программу не стоили выеденного яйца.

– Ты – красивая женщина. Отклонила его притязания. Он о себе большого мнения и мог обидеться, – замечаю я.

– Да, я красивая женщина, но в первую очередь – актриса, а он повел себя со мною отнюдь не как с актрисой… Я разочаровалась в нем, как в человеке. После этого мы не могли бы вместе создавать программу. И еще мне кажется, что эстрада сейчас находится в тупике. Многие артисты говорят не то, что

хотят, а что от них требуют.

– Такова жизнь, – в какой-то мере соглашаюсь я с Любой. – Лучшие авторы уходят в драматургию, я в основном пишу прозу.

– Дело не только в моем разрыве со Жванецким, – продолжает разговор Люба. – Есть другие неплохие авторы. Могли бы написать программу. И смешную. Но темы они берут очень плоские. С уходом Райкина изменилась эстрада, – вздыхает Люба. – Ты не замечаешь?

– Ушел лидер, за которым тянулись другие актеры и авторы. Остались желающие любым путем заработать деньги. Зачем им нервотрепка, терзавшая Райкина, вечные просмотры программы, беспокойная жизнь, – соглашаюсь я с Любой.

– Мне на эстраде больше делать нечего! – категорически заявляет Люба.

– А где же ты будешь работать? – растерянно произношу я.

– В театре! Только в театре! – говорит она с вызовом, но уверенно, как о решенном вопросе. – Там больше реальной жизни и переживаний. Поэтому разреши мне навестить родителей. Когда еще выдастся такой случай. От Новосибирска до Омска всего час лёта. Когда я с ними еще увижусь? Меня на афише нет. Никто мое отсутствие не заметит. Отпусти на последний день! Богом прошу! Соскучилась по родителям. Хоть денек с ними проведу! Отпусти!

– Родители – святое дело, – даю я разрешение.

Утром следующего дня мы с Любой направляемся в центральный гастроном. Накупаем двухсотграммовые пачки бутербродного масла. В Омске нет даже такого. В руки дают только две пачки. В очередной заход нас с Любой у кассы задерживает милиционер.

– Зачем вам столько масла? Для спекуляции? – язвительно замечает он.

– На хлеб намазать! Для ам-ам! – восклицает Люба. – Лечу в Омск к родителям. Хоть маслицем их побалую. Разрешите!

– Берите последний раз, – снисходительно бурчит милиционер.

У Любы прекрасное настроение. Концерты прошли отлично. На требовательной культурной публике. Первые «Вечера смеха» в Новосибирске. На всех концертах был аншлаг. Зрители прекрасно принимали Любу. Даже в суровую зиму дарили ей цветы. И самое важное – она летит к родителям, чего совсем не ожидала, да еще с подарком, весьма дефицитным в городе. Я провожаю Любу в аэропорт. Она приветливо машет мне рукой перед тем, как спуститься с трапа в самолет. Мне грустно и жаль расставаться с этой душевной, отличной и откровенной артисткой. Думаю, что и

ей наши выступления понравились. Значит, еще увидимся.

Глава третья
Годы выживания

Через годы становления и упрочения в своей профессии проходят многие артисты, и вообще количество рядовых, не известных массовому зрителю служителей Мельпомены, во много раз превышает число тех, с кем знакомы, кого любят зрители. Жизнь остальных проходит незаметно, в маленьких и неярких ролях. Я уже не говорю об артистах периферийных театров. А артистов из актерской глубинки, засиявших под московским театральным небом, можно пересчитать по пальцам. Это, как правило, люди фанатично влюбленные в искусство, недюжинной воли и силы, неприхотливые в еде и месте проживания. Наиболее примечателен из них артист Художественного театра Иннокентий Смоктуновский. Начинал актерскую деятельность в Норильском драматическом театре и при росте северных надбавок вскоре перекрыл разрешаемый городскими финорганами оклад для человека его профессии и был отчислен из театра. Менять профессию не захотел. Вспомнил, что еще два года назад инспектирующий работу театра руководитель Московского театра имени Маяковского Гончаров похвалил его игру и сказал, что для такого артиста, как он, место в его театре всегда найдется. Смоктуновский поехал в Москву, но Гончарова, отбывшего в четырехдневную командировку, не застал. Была ранняя осень, и ночевки на лавочке в парках не застудили Смоктуновского. Наконец его принял Гончаров и… не узнал, не вспомнил своего посещения Норильска, ни обещания, данного Смоктуновскому. И гневно заключил разговор: «Не морочьте мне голову, молодой человек, я вас вижу в первый раз!» Об этом в книге воспоминаний рассказывает Смоктуновский. Он огорчился, погоревал, но не пал духом, начал обход московских театров и всюду получал отказ в приеме на работу. Высказался против его приема и художественный совет Малого театра. Лишь старейшая актриса коллектива Народная артистка СССР Зуева, любившая противопоставлять свое мнение коллегам, заверещала фальцетом из своего кресла: «А мне этот молодой человек нравится! В нем есть что-то необычное! Я – за!» Зуева считалась в театре живой легендой, спорить с нею никто не решился и будущая звезда русской культуры оказалась принятой в Академический Малый театр. Этот случай единичен и нетипичен. Подавляющее большинство периферийных актеров после таких выездов в столицу возвращалась домой, навсегда распрощавшись с мечтой о

театральной столичной карьере.

Более повезло алтайскому пареньку Михаилу Евдокимову. Он, прибыв в столицу, как и Смоктуновский, на свой страх и риск, даже без обещания кого-либо их эстрадной элиты помочь ему, ночевал на скамейках в сквере. Разговорился с присевшим на скамейку москвичом, рассказал ему о своей неудавшейся судьбе, а также об умении пародировать популярных артистов. Москвич отвел его к эстрадному администратору Феликсу Семеновичу Кацу. Тот прослушал паренька, уловил его способности и после нескольких репетиций оформил ему через Росконцерт актерскую ставку, и, что было редчайшим случаем – начинающего артиста направили на гастроли во Дворец спорта города Ижевска, хотя во Дворцах спорта, где за исполнение номера платили двойную ставку, посылали только опытных и шлягерных артистов. В Ижевске Кац поручил заботу о Евдокимове мне: «Напиши ему пародии. Я заплачу лично. И вообще объясни, что к чему на эстраде, – попросил он меня, – явно способный парень!»

Просьбу рассказать о сути эстрады я выполнил легко, сказал Мише, что с его номером – три музыкальные пародии – в дальнейшем, если он собирается расти как артист эстрады, можно только заканчивать свое выступление, и надо постоянно наращивать сатирический материал в виде рассказов и фельетонов, а пародии могут стать эффектной бисовкой. Молодой, обаятельный парень с лукавым прищуром глаз внимательно выслушал меня и, когда я выходил на сцену, устраивался поблизости за кулисами. Парень оказался толковым, правдивым, только представился почему-то родом из Алтайского села Сростки, где родился писатель Василий Шукшин, хотя появился на свет в другой деревне. Это был своеобразный обман, по крайней мере весьма бескорыстный, и сделан, наверное, лишь потому, что деревня Сростки – родина великого Шукшина, была на слуху у людей. Евдокимов имел успех у зрителей, особенно с пародией на Юрия Никулина.

«Для начала – хорошо, – заметил я ему, – но маловато. Репертуаром, увы, помочь не могу, не умею писать такого рода пародии. Обратись к другим авторам, попробуй что-нибудь сотворить сам. Ведь те пародии, что исполняешь, написаны тобой. И главное – постарайся поступить в театральный институт. Очень постарайся».

Паренек благодарно улыбнулся мне и через месяц на гастролях во Дворце спорта Ростова поразил меня и зрителей удивительно точной и смешной пародией на Иосифа Кобзона, исполняя одну из песен, напетых певцом в кинофильме «Семнадцать мгновений весны». Сходство, утрированное до

гротеска, выражало и каменное, как бы застывшее в патриотическом экстазе лицо певца, и однообразное серьезно-фальшивое звучание песни, и внешне похожего на стоящего по стойке «смирно» солдата. Гордо задрав подбородок, воинственно и грозно выставив вперед скулы, Кобзон выглядел учебным манекеном советского воина, готового к борьбе с врагом. Это был действительно тот случай, когда зрители от смеха падали со своих стульев. Но, увы, на концертах в других Дворцах спорта эта пародия в репертуаре Евдокимова отсутствовала. Молодому артисту дали понять, кто есть на эстраде кто, ведь своей пародией он превзошел другого молодого, но уже ангажированного пародиста, дружившего с Кобзоном. Мише, как и Любе Полищук, сразу показали, что нечего вылезать вперед, что таким, как они, надо выживать, а не жить полной творческой жизнью и стремиться к совершенству. Потом, в почти аналогичной ситуации, Миша поступит иначе, чем Люба, отойдя от искусства.

Можно считать, что и с устройством в Москве Полищук повезло больше, чем Евдокимову. Она – член постоянного коллектива «На эстраде – омичи», обеспечена крышей над головой – общежитием, о ее учебе и репертуаре заботятся режиссер и заведующий литературной частью студии. Лично ее учебу курирует начальник Росконцерта Юровский, и наконец ее принимают на работу в самый крупный и значимый коллектив Росконцерта – Московский мюзик-холл. Она сразу – на виду, но в творчестве пока ничем особенным не выделяется, читает хорошо, но обыкновенные тексты, не вызывающие такой зрительский интерес, как монолог «Душа населения» у ее предшественницы на эстраде в женском сольном номере – великой Марии Владимировне Мироновой. Монолог Мироновой написан блистательно одним из самых лучших, если не лучшим, автором эстрады Владимиром Дыховичным: «В газетах пишут о том, сколько и чего приходится в стране на душу населения, сколько угля, нефти, газа, металла и других полезных ископаемых, помимо всего прочего. А ведь душа населения – это я. Я и есть душа населения. И только я знаю, чего мне хватает, чего не хватает, чего бы хотелось, какой колбасы, как у меня обстоят дела с марганцем, свинцом, хватает ли прокатного металла…»

Чтение такого остросоциального монолога Любе Полищук никогда не разрешили бы – ни по отсутствию авторитета, набранного и заслуженно народной артисткой СССР Марии Мироновой в ее предыдущих и отличных программах, ни даже по возрасту молодой актрисы, слишком молодой души населения для серьезных размышлений.

Тем не менее не знаю – догадывалась ли Люба, что в каждой

концертной организации существует свой ранжир артистов, и в зависимости от их мест в этом ранжире их допускают на те или иные концертные площадки – на лучшие, второстепенные и сельские. Лучшие безоговорочно отдавались Марии Мироновой, но актриса уже находилась в довольно преклонном возрасте, и на ее место предполагалась Любовь Полищук. Не знаю – ведала ли Люба об этом. А то могла бы довольно беспечно и обеспеченно просуществовать на эстраде. Конечно, не без трудностей, не без постоянной и кропотливой работы с авторами, борьбы с массой завистников. Возможно, Люба об этом знала, но уже в мюзик-холле, увидев зачатки театра, была пленена чудодейственным созданием спектаклей, когда разные по амплуа и таланту артисты создают нечто целое, умное и прекрасное, оставляющие память не только в сознании массового обывательского зрителя, но и целых поколений истинных любителей искусства.

И еще ее пугали козни завистников. Стоило ей эффектно отсняться в фильме «12 стульев», лишь во фрагменте, и ее заметили, взяли на прицел коллеги. О ней начали злословить, следить буквально за каждым поступком, за тем, кому она улыбнулась, кто их мужчин ей оказывает особое внимание, кто после концертов провожает домой, и к ней, доброжелательной и скромной молодой женщине, прикрепили клеймо хищницы – «полищучка». И между собой иначе не называли. А она была в том прекрасном возрасте, что прозван возрастом любви, она, красивая и обаятельная, нравилась многим мужчинам, и были среди них те, что нравились ей. Тем не менее надо много работать, читать, смотреть спектакли коллег, и, чтобы успевать за жизнью, она вынужденно и с болью в сердце отдает Алексея в интернат. И делает все, чтобы приблизить время, когда они снова смогут жить вместе.

Однажды мы с Любой совершенно случайно встречаемся в Театре на Таганке на любимовском спектакле «Мастер и Маргарита». Удается сесть рядом. Она не отводит глаз от сцены, рассматривая декорации, наверное, предвкушая удовольствие от ожидаемого зрелища. Она говорит мне, что дважды прочитала роман, что обалдела от него.

«Обалдела» – ее слово. Потом я узнаю, что она набралась немало эстрадных жаргонов, даже может залепить матерком, но не решаюсь осудить ее за это. То ли не хватает смелости, то ли от понимания того, что она делает это специально, чтобы казаться своей среди артистов, снизить тем их негативное отношение к ее таланту. Мол, смотрите – я такая же, как вы, могу ругнуться, пропустить с вами рюмку-другую. Мне кажется, что в ее устах даже мат звучит ненарочито и столь естественно, что вызывает не

отвращение, а улыбку. По крайней мере – снисходительную.

В наиболее напряженные сцены спектакля меня не покидает ощущение, что Любы рядом со мной нет, что она на сцене священнодействует с участниками спектакля. Ее присутствие на соседнем кресле иногда выдают лишь учащенное дыхание и вспышки черных глаз.

Кончается спектакль. Зрители аплодируют стоя.

– Он – гений! Гений! – восклицает Люба.

– Кто? Булгаков или Любимов?

– Оба! Но почему Любимов после спектакля на поклоны первыми выпускает актеров, играющих Мастера и Маргариту. А только потом актеров из свиты Воланда. Ведь успех у свиты значительно больше, чем у главных героев. Смотри – на сцене снова главные. В чем дело – не пойму?

Я тоже задумываюсь, и версия разгадки этого приема великого режиссера приходит быстро.

– Понимаешь, Люба, Булгаков не писал «Мастера и Маргариту» как пьесу. А она заключается в судьбе Мастера и Маргариты, а не в эпизодах со свитой, выглядящих на сцене очень забавно. Любимов специально пошел на нарушение театральных законов – не выпускать первыми на поклон артистов, имеющих наибольший успех в спектакле. Он желает сказать зрителям – это театрализованный роман и его главные герои – Мастер и Маргарита, думайте о них. Переживайте их судьбы.

Люба морщит лоб, видимо, внутренне споря со мной, но постепенно моя мысль все-таки овладевает ее сознанием.

– Умничка, – говорит она мне и одаривает очаровательной улыбкой. – Надо с тобой ходить в театры, – приветливо машет она мне рукой и ступает в раздевалку, где ее ждет жгучий брюнет, готовый накинуть на ее плечи теплую шубу.

В отличие от Любы, ее сын Алексей не все свободные вечера проводит в театре и признается: «Увы, не могу назвать себя дисциплинированным спортсменом, готовым к самоистязаниям. Вот мама могла… репетировать до изнеможения. Пока не получится то, что она задумала. У каждого мужчины должен быть свой дом, где живет его семья. И дети должны расти на природе, а не на улице. И друзья в доме должны жить неделями, и чтобы этот котел и кипел эмоциями… Это мечта всей моей жизни. Мне очень хочется вернуть ощущение того детства, когда мы все жили в трехкомнатной квартире в Омске: я, мама, ее брат, сестра, бабушка, дедушка и кошка. Мы ведь все, несмотря на возраст, хотим вернуть самые сладкие ощущения детства, когда мы только открывали мир, и все было свежо и ново. И нам все в нем безумно нравилось, и мы жили в постоянном ощущении счастья.

Когда ты вырастаешь и понимаешь, чего стоит взрослая жизнь, испытываешь жуткое разочарование. Но я буду стремиться к поставленной цели и не отступлюсь…»

Перед ним был яркий пример. Мама никогда не отступала от намеченной цели. Сын заметил: «Куда легче копошиться в течение 30 лет в театре, в ожидании роли, и вечерами сидеть под водочку на кухне, презирая и уничтожая всех остальных».

Были ли такие дни в жизни Любы?.. Наверное, были. Может дни, часы, но не более. Она была упорна в достижении цели. Упорна до жестокости к себе, репетируя до изнеможения. Находясь в кругу ее друзей, на репетициях, представлениях Алексей усвоил: «Ничего не стоит встать в позу: «Я такой гениальный, но ни фига не признанный. Меня никто не жалеет и не зовет, ну и не надо. Буду водку пить!» И спиваются так люди, и умирают – там же, на кухне. А я считаю, что опускать руки нельзя, иначе все, тебе конец: как человеку, как личности, артисту. И ты уже не будешь никому интересен – ни зрителю, ни продюсерам, ни друзьям. Почему маму прозвали Полищучкой?.. Ведь она никому и никогда не сделала ничего дурного. И если могла – помогала. Прозвали от зависти, и говорили о ней как об алкоголичке. Могла с друзьями выпить, после представления рюмку-другую. Но могла ли алкоголичка каждый вечер играть на сцене? Днем сниматься в кино? Утром репетировать? Заниматься сыном? Хозяйством? И при этом не формально, а от души, вникая в каждую роль до мелочей. Даже многие женщины вообще не смогли бы сделать это. Даже совсем не пьющие.

Я в детстве не ходил ни в театральные кружки, ни в студии. Моими студиями были Московский мюзик-холл, в котором мама пахала десять лет, и театр «Эрмитаж» Михаила Захаровича Левитина, где она потом вкалывала. Думал, что вся артистическая жизнь – это некая непрекращающаяся феерия: на время выкладываешь себя полностью, а потом – праздник. Я ведь не осознавал тогда, что помимо тяжелейших психологических нагрузок профессия артиста – это и чисто физический труд, порой очень тяжелый и опасный. На горьком примере мамы осознал…»

Люба научила сына умению переживать несчастья и вообще терпению – умению ждать, когда пробьет твой час, изменится к лучшему твоя ситуация, ситуация в стране. Терпению дождаться человека, который станет твоей любовью и судьбой. Многое она осуществила. Она мечтала о таком большом доме, где будут жить попугаи, бегать кошки, собаки и чуть ли не лошадь стоять в стойле. Она не успела реализовать эту мечту, но осуществила главное. То, ради чего живет человек. Что собирается совершить

именно свое, в данном случае, задуманное ею самой – Любовью Полищук.

На это ушли годы выживания. Позднее они стали перемешиваться с годами более выраженных удач, радостей, счастья… И чего из них было больше, – что их них доставило ей самое огромное удовольствие, – знала только она.

Обаятельный талантливый, но не накачанный повадками и настроениями городской актерской жизни, Михаил Евдокимов жил и творил, как думал, не ведая о наличии у опытных артистов пресловутой осторожности. Получив крепкий щелчок от начальства за пародию на Кобзона, он посчитал это личной неприязнью и трусостью певца. Начал писать юмористические монологи на сельские темы, будучи, по сути, ее первооткрывателем на эстраде. Смешил людей забавно и незлобиво и был допущен в популярную телепередачу «Аншлаг». Ни один выпуск этой передачи не обходился без участия Миши. Особенно понравился зрителям, да и начальству, его монолог «Рожа красная», рассказывающий о нелепых поступках подвыпившего человека с соответствующим выпитому цветом лица. После трех монологов о поступках «рожи красной» он попытался изменить содержание своих произведений, сделать их более социальными, вскрыть появление и суть «рожи красной» как отражение одной из сторон нашей жизни.

Тут ему намекнули: «Стоп! Хватит! Нам этого не надо!» Но Миша, обладая недюжинным талантом не только юмористического рассказчика, но и писателя, вводя в рассказы остро подмеченные черты поведения героя, не понимал, почему он не должен расти как артист и писатель, а лишь зацикливаться на «роже красной».

Его новые рассказы записывали на телевидении, но на экран не выпускали. И когда он понял – почему, то сказал: «Если не могу помочь людям словами, то попробую делами». А, наверное, стоило поступить иначе. Пойти в театр, как Люба Полищук, где он мог бы совершенствоваться в творчестве. К этому времени он обрел невероятную популярность в народе, видевшем в его монологах смешную, но и не очень завидную народную жизнь. И народ решил – почему бы нам не выбрать своего земляка, родного по настроению и духу своим губернатором. И выбрал. Евдокимов сразу приступил к наведению порядка в области. Это не понравилось очень многим чинушам из прежнего руководства, он ломал мафиозные структуры, выводя из них наиболее рьяных преступников. Местная печать сразу ополчилась против Евдокимова, начались нападки на него. И весьма серьезные, дошли до Москвы. Зная Мишу Евдокимова как честнейшего и

благородного человека, я, не отрицая возможность его отдельных ошибок, выступил в защиту этого правдивого благородного человека в «Вечерней Москве» со статьей «За что вы Мишу Евдокимова?» В районах, где он работал, люди стали собирать подписи в его защиту. Но 7 августа 2005 года случилось непоправимое: «Мерседес» Евдокимова на скорости предположительно 200 км в час летел по трассе Барнаул – Бийск. На повороте к селу Плешково водитель Евдокимова Иван Зуев попытался обогнать стоявшую практически посреди дороги «Тойоту-Марину». «Мерседес» чиркнул по машине и вылетел в кювет. Иван Зуев, охранник Александр Зуев и Михаил Евдокимов погибли. Жена губернатора Галина Евдокимова чудом осталась жива.

Такова краткая хроника инцидента, потом правленая властью, с учетом якобы возникших новых моментов катастрофы, вплоть до вины правого руля. Но в газетах не сообщалось, что за несколько дней до гибели Евдокимов с горечью признавался руководителю Комитета промышленников Вольскому: «Видимо, угробят меня, папаша».

Младшая сестра Евдокимова Татьяна – единственная из родственников, кто живет на его родине в селе Верх-Обском, говорила: «Я не хотела, чтобы он занимал такую должность. Вспомнила, что губернатор Лебедь погиб. А он не боялся, всем об этом говорил: «Я никого не боюсь».

Зная о грозящей ему опасности, Михаил Евдокимов пренебрег элементарной осторожностью. В день, когда он выехал в злополучную поездку, ему почему-то не выделили машину спецохраны, обязанную предоставить губернатору. За это отправили на пенсию местного генерала МВД, а талантливого артиста и, возможно, со временем, не менее талантливого губернатора не стало.

В артистическом мире пренебрежение осторожностью тоже иногда заканчивалось трагически. Смелый по своему времени и лучший в стране конферансье Анатолий Милявский был лишен выступлений на основных городских площадках. Луч надежды на возвращение к прежнему положению забрезжил, когда записали его номер в популярной юмористической телепередаче «Вокруг смеха». Но номер вырезали, и Милявский умер от стресса, сидя у телевизора.

Наивные и смелые люди, верующие в справедливость, в правдивость советских постулатов, часто терпели крах в своих надеждах. Известный певец и композитор Александр Градский долго выступал на левых концертах, поскольку ни в одну концертную организацию его не брали, считая репертуар певца

едва ли не антисоветским. Убрав наиболее острые социальные песни, он наконец-то был принят в Московскую областную филармонию, потом в Росконцерт. Перед XXV съездом партии в крупных городах страны проводились партийные конференции с неизменными концертами после них. Генеральный директор Росконцерта А. С. Ходыкин – прекрасный организатор эстрады и благородный человек, направил концертную бригаду из лучших своих артистов на партконференцию в Киев, категорически запретив Градскому исполнять свою песню о Высоцком, зная отношение местных партийных бонз к великому певцу и артисту. Градский не внял указанию Ходыкина, чем вызвал гнев киевского партийного руководства, и был уволен из Росконцерта. Случайно встретив Градского на улице, я спросил у него: «Саша, почему ты не выполнил обещание Ходыкину, подвел доброго и уважаемого человека?» – «Я не собирался этого делать, – признался Градский, – но когда увидел в зале хари, гробившие Высоцкого, по сути дела, убивающие великого человека, то, забыв обо всем, бросил им, уверенным в своей бесконечной власти и безнаказанности, песню о Володе. Их рожи покраснели от возмущения, они стали покидать зал, демонстративно хлопая креслами, а я ощутил себя человеком, выполнившим свой долг перед совестью и правдой».

Я тогда понял Александра Градского и больше не осуждал его. Подобный случай произошел со мною совсем недавно на записи телепередачи «Пусть говорят» с Андреем Малаховым. Тактичный и умный ведущий на предыдущей записи, где я, как и на этой, выполнял роль консультанта, остановил одно мое выступление, заметив, что передача «Пусть говорят» отнюдь не политического свойства. Замечание Малаховым было сделано в аргументированной и корректной форме и убедило меня. Но в последней записи телепередачи о насилии над женщинами рядом со мной появился Владимир Вольфович Жириновский. Нервный, напряженный, готовый к любому эпатажному выступлению, он крутил головой, подыскивая подходящую жертву. Она появилась из-за кулис в виде миловидной девушки и скромного парня. Малахов объявил, что девушка приехала в Москву с маленьким ребенком и стала работать проституткой, а пришедший на передачу парень развозил ее по клиентам. Но такое их взаимодействие длилось недолго. Молодые полюбили друг друга, бросили свои прежние занятия и поженились.

«Что вы скажете на это?» – обратился Малахов к Жириновскому.

Тот скорчил недовольную гримасу: «Проститутка всегда останется проституткой. Москве нужны рабочие на сотни

специальностей, а эта выбрала наиболее легкий путь заработка – раздвигать перед мужиками ноги. Ничего из этого брака не выйдет. Муж никогда не простит ей занятие проституцией, и она скоро вернется к ней».

Зал недовольно зашумел. Я забыл о том, что надо иногда быть осторожным, особенно имея дела с таким человеком, как Жириновский. «А ведь вы тоже начинали на панели», – тихо, но уверенно вымолвил я. – «Когда?» – выпучил глаза Жириновский. – «Лет десять назад. Вы стояли с рупором в руках у Кузнецкого моста в районе книжных магазинов и что-то вещали случайным прохожим. Вас охраняли двое крепких и очень похожих по внешности и одежде мужчин». – «Да, я люблю КГБ, – согласился Жириновский. – И это было. Но я говорил правду». – «Возможно. Был мороз, и я вас не слушал, – заметил я. – Вы обещали съездить к парку Сокольники и через два часа вернуться сюда». – «И это было, – кивнул головой Жириновский. – Мало кто где начинал. Но я теперь вице-спикер, а эта проститутка останется проституткой и сутенер сутенером».

Возмущение зала возросло. Еще один консультант передачи, известная киноактриса Людмила Иванова, женщина немолодая и больная, нашла силы подняться с места и заметила Жириновскому, более осторожно, чем я, но веско: «Мне кажется, внутренне вы более лучший человек, чем показываете себя!»

Зал встретил ее слова аплодисментами. И мои – тоже, но убранные при монтаже программы. Тем не менее, я впервые увидел Жириновского, чувствующего себя неловко, не в своей тарелке. После передачи он подошел к Малахову и о чем-то переговорил с ним. После этого инцидента меня больше в телепередачу «Пусть говорят» не приглашали, и я не жалею, что забыл тогда об осторожности.

Человеку, высказавшему правду и не испугавшемуся сильного мира сего, пусть об этом никто не говорит и помнит только он сам, преодолевшему страх, ему теперь действительно ничего в жизни не страшно. Ощутить себя честным, сильным и смелым – большая удача для любого человека. Любовь Полищук не терпела фальши, даже если кривил душой авторитетный кинорежиссер, и не раз теряла роли в фильмах, о сценариях которых говорила то, что думает.

Могла ли представить себе в 1977 году молодая и талантливая Любовь Полищук, что танцуя на равных с самим Андреем Мироновым в фильме «12 стульев», наверняка, забыв об осторожности, стараясь станцевать более ярко, чем он, обретет себе завистливых коллег, что ее заметят соперники по эфиру, возьмут на своеобразный прицел. Спас ее от неминуемой

расправы московский мюзик-холл – эстрадный театр со своим штатом, постоянно функционирующий, но не способный найти замену столь красивой и талантливой актрисе, как Любовь Полищук. Она была украшением мюзик-холла и ждала, ждала долгие годы, пока не обустроит в Москве себя и сына и не подготовится творчески к новому шагу в искусстве.

Глава четвертая
Против течения, к тайнам «Эрмитажа»

Миграция между артистами эстрады и театра существовала с давних времен, с того момента, когда возникли эти концертные организации, и носила в основном односторонний характер – из театра на эстраду, где артисты могли заработать значительно больше. В престижном московском театре «Современник» его ведущие артисты Галина Волчек, Игорь Кваша и Валентин Гафт получали высшую ставку – по 220 рублей в месяц, что мог заработать самый средний эстрадник за счет количества концертов, мотаясь, к примеру, по колхозам и красным уголкам заводов и фабрик. И если уходили артисты из театра, то плененные эстрадными заработками. Некоторые из театральных актеров, облеченные популярностью и званиями, подрабатывали на эстраде в виде разовых концертов, в свободные от спектаклей вечера, а некоторые покидали театр умышленно и насовсем. Театр им. Евгения Вахтангова потерял весьма талантливых и характерных актеров – сатирика Геннадия Дудника и юмориста рассказчика Леонида Усача. Они успешно выступали на эстраде, получили звания заслуженных артистов, но, почти не вылезая из гастролей, исполняя один и тот же набивший им самим оскомину репертуар, резко ухудшали здоровье и актерскую форму. Геннадий Дудник сначала работал на эстраде с другим бывшим эстрадным актером Евгением Яковлевичем Весником, но тот, довольно быстро почуяв, что беготня по концертным точкам чем то свойственна халтуре, снова вернулся в театр. Дудник стал выступать вместе со своей женой, которая, к сожалению, по актерской яркости не способно было заменить Весника, и вновь созданный дуэт стал хиреть буквально на глазах. Из русского драматического театра города Вильнюса переехал в Москву красивый и темпераментный заслуженный артист республики Анатолий Исаевич Югов, работал конферансье на главных площадках, даже создал свой эстрадный ансамбль, где способствовал появлению на эстраде известной русской певицы Ольги Воронец, но в конце жизни, подбив творческие итоги, горько сожалел, что ушел из театра, где играл лучшие роли классического репертуара. Он опустился на эстраде до исполнения мелкотравчатых фельетонов и глупых пародий.

Покинул Большой театр уникальный танцор Владимир

Шубарин, создал на эстраде свой коллектив «Танцевальная машина», но, не раскрученный администраторами, недостаточно оцененный зрителями, постепенно заглох и вообще покончил с творчеством.

Подобным примерам не счесть числа. Но тем не менее многие актеры, даже еле сводя концы с концами, упорно держались за свои места в театрах. Популярный артист театра, кино и эстрады, начинавший свою карьеру еще в театре Мейерхольда, Сергей Александрович Мартинсон, жаловался Любе Полищук: «Уже много лет я служу в театре, последние годы в Театре киноактера. Играл в спектакле «Целуй меня, Кэт!» вместе с Людмилой Гурченко, но она ушла из театра в кино, и спектакль развалился. Среди трехсот актеров Театра не нашлось ни одной актрисы, умевшей двигаться на сцене, как она, пусть даже хуже, чем она, но прилично танцевать. Может, вы, милочка, пойдете к нам в театр. Я вас видел в мюзик-холле. У вас хороший шаг, чувство ритма, вы артистичны. Приходите. Вам не откажут.»

– Возможно, – польщенная приглашением мэтра театра, улыбнулась Люба. – Но к вашему театру приписаны несколько сот артистов кино. Среди них легко затеряться.

– Что правда, то правда, – согласился Сергей Александрович, – после кончины «Кэт» даже у меня осталась одна роль в «Дядюшкином сне».

Люба рассуждала логично: она в расцвете творческих сил, но не в начале карьеры, ей нельзя ошибиться, она должна выбрать театр, близкий ее душе и не переполненный популярными актерами, в очередь играющими одну и ту же роль. И театры в Москве совершенно разные, даже по творчески устремлениям, даже по оснащению сцены и бытовыми удобствами для актеров. Евгений Яковлевич Весник в одном из совместных поспектакльных застолий приводил такую градацию театров: «Работал я на эстраде. Пыльная контора. С буфетом типа вокзальной забегаловки. Зарплату приходится выбивать, стоять в очередях днями. Только первачам, к примеру, Утесову, Шульженко, Ружене Сикоре, Шурову и Рыкунину, Мирову и Новицкому, а потом и мне, кассир лично привозил деньги домой. За хорошую благодарность. И при этом в самой конторе царят шум, беготня, при встрече все друг с другом целуются, а потом отходят в сторону и отплевываются. Мерзкая обстановка. Потом я перешел в Театр сатиры. Это уже не контора, а что-то подобное главку. Беготни тоже хватает. Но не в таком бешеном темпе, как в Мосэстраде. Есть секретарша. Отдельно – машинистка. Есть приемная художественного руководителя, и к нему можно попасть на прием. Есть художественный совет. Действующий!

Приличный буфет со спиртным из-под полы. В вестибюле висит расписание спектаклей и список участников. Ну прямо главк! А теперь я работаю в Академическом Малом театре. Тишина. Никто резко не повышает голос. Говорят тихо, но слышно и понятно о чем. Ковры иногда чистят, раз в год. Буфет с горячими блюдами функционирует. Коньяк наливают без наценки. Это уже не главк, а министерство. Сюда без пропуска с фотографией не пустят. В гримерных стоит новая мебель и по радио сообщают, через сколько минут тебе выходить на сцену. Домой могут отвезти на машине, репертуар бывает старомодный, впрочем, как и не нова режиссура, как и игра большинства актеров, но это министерство, как ни посмотри. А в министерстве перемены и новизну не любят. Хотя играть приходится по старинке, но чувствуешь себя если не артистом-новатором, то приличным и уважаемым человеком. Кстати, там и звание быстрее, чем в другом месте, отхватить можно, даже телефон и квартиру пробить. Одним словом, Министерство!»

Люба с улыбкой и удовольствием слушала полупьяные разглагольствования маститого артиста, но мыслила о театре, о творческом настрое в нем, зависящем от главного человека в театре – от режиссера, его художественного руководителя.

Слух о том, что Любовь Полищук – звезда мюзик-холла – собирается уходить из театра, быстро распространился по эстраде, хотя Люба ни с кем не делилась своими планами. Наверное, этому способствовало ее более свободное поведение, без унижения перед начальством и радостное состояние, в котором она пребывала даже при отнюдь невеселых обстоятельствах. Завистники шушукались:

– Неужели в артистки возьмут? Или в любовницы? А может, на совмещение профессий? Вот Полищучка! Вот хищница! Такие, как она, всегда пробиваются, куда хотят. А сына куда денет? Оставит в интернате? А вдруг найдется такой влюбленный дурак-режиссер, что возьмет ее с сыном? Это уже будет слишком. Для этого надо найти очень большого дурака. Или мужика с вредным комплексом. Оглянитесь вокруг и увидите, что сейчас почти каждый мужчина – или дурак, или сквалыга, или пьяница, или импотент. Или комбинация из этих качеств. Это сейчас улыбается Полищучка. Посмотрим, что с нею будет через месяц-два. Но внутренне даже завистники отмечали смелость и настойчивость Любы, уходящей с пригретого места, с неплохой зарплаты в неизвестность, черт знает куда, в дотационный нищий театр. В Художественный без блата и протеже наверняка не возьмут. «Поплыла против течения девушка, – ухмылялись завистники. – Увидим, куда ее прибьют волны, не разбиться бы ей при этом о

прибрежные камни! Костей не соберет». При этом некоторые коллеги Любы знали, что есть актеры, как суперклеем приклеенные к своим, не ахти каким театрам, от которых их не оторвешь даже силой, даже неприглядной нищетой, живущие с гардеробом из трех рубашек и вконец изношенным костюмом с блестящими от носки локтями. Чего это их в театре держит? Чего? Неужели наивная честь служить Мельпомене? И если вдруг пускаются в плавание, то к кормилице-эстраде, а эта Полищучка поплыла против течения. Против течения! Наверное, рехнулась после стакана! Или кто-то из недоумков любовников надоумил?!

Мой любимый писатель Михаил Афанасьевич Булгаков утверждал словами одного из свои героев о том, что «рукописи не горят». Не думаю, что он считал, что так происходит со многими рукописями в реальности. Обожествляемый им писатель Николай Васильевич Гоголь самолично спалил второй том «Мертвых душ». Сам Михаил Афанасьевич уничтожил свои первые пять пьес, считая их несовершенными и не достойными внимания зрителей. Одну из них – последнюю – мне удалось найти в виде суфлерского текста во владикавказском драматическом театре. Пьеса называется «Сыновья муллы», один из которых после революции примкнул к большевикам, другой остался белым офицером. Но после откровенной беседы братья решают не воевать друг с другом, а вместе создавать для людей, независимо от своей партийной принадлежности, более лучшую жизнь.

Под словами «рукописи не горят» Михаил Афанасьевич, вероятно, подводил философский и мистический смысл, по крайне мере русскую пословицу: «То, что написано пером, не вырубишь топором».

Если с сохранностью рукописей и документов дела обстояли более-менее благополучно, то воспоминания современников, если не записывались, то постепенно, но постоянно исчезали из сознания людей. И в этом не было ничего удивительного. Склероз, различного рода сотрясения мозга и другие болезни делали свое черное и непоправимое дело. Лишь единицам из людей удавалось сохранить до преклонных лет чистоту ума, ясность мышления и события прошедших лет, даже в их деталях и мелочах. Я знал такого девяностолетнего москвича, собирателя художественных произведений, картин начала века, кстати, инженера по профессии, знавшего о Москве буквально все – по крайней мере кто где жил до революции и позже, и что кому принадлежало. Он рассказывал мне, что на Поварской улице в здании нынешнего немецкого консульства жил глава еврейских богоугодных заведений, после революции или убитый, или успевший смотаться за границу. А во дворе, на противоположной

стороне, располагалась конка, а позже там же был оборудован спортивный зал общества «Спартак», где к летнему сезону готовилась истинно народная команда страны, куда приходили ребята из московских дворов, ребята талантливые и бескорыстно преданные спорту, получавшие за свой нелегкий труд зарплату среднего рабочего.

Это уже было при мне: Рязанцев, Тимаков, Огоньков, Жмельков, Масленкин, Парамонов, Нетто, Татушин, Исаев, Симонян, Глазков, Сальников, Дементьев, Ильин, Крутиков… Спортивные кумиры моей юности. Во главе со своим капитаном, центральным защитником Василием Соколовым и тренером, выигравшим с ними в 1946 году Кубок СССР, эстонцем Альбертом Вольратом, о котором, увы, ныне даже в Эстонии забыли.

Жизнь простых людей, даже популярных футболистов была скромнее и честнее, когда Любаша Полищук появилась в Москве. И моя юность состоит из неотъемлемых воспоминаний и о спорте, и о незабываемой прелестной и доброй красавице из Омска, приехавшей покорять театральную Москву, если поначалу не актерским мастерством, то красотой и оригинальностью – это уже точно.

Мы расстались на недолгое время, чтобы вскоре приступить к написанию номера, с которым Люба Полищук должна была и, как я считал, удачно, если не блестяще предстать перед московскими зрителями, в том числе на центральной московской площадке – эстрадным театром сада «Эрмитаж». Выступить там – считалось престижным для актера самого высокого ранга. Лет двадцать тому назад этот деревянный, плотно собранный театр из мореного карельского дуба, простоявшего более полувека и готового отработать еще дольше, сгорел. И спасти не успели, не спешили. То ли по халатности, то ли, как обычно говорится, – от короткого замыкания, то ли по умыслу дельцов, желавших разместить на освободившемся месте торговые точки.

Но Люба Полищук, как она рассказывала мне, успела выступить там с программой «На эстраде – омичи». И интуитивно почувствовать, на какую святую для артистов сцену она выходила. Некоторые артисты оставили на стенах гримерных свои автографы. Я их кратко расшифровал Любе.

Ф. Шаляпин, И. Собинов (без комментариев); Дм. Покрасс (известный композитор, «Могучая, кипучая, никем непобедимая»); певец В. Козин (тогда еще сидящий на Колыме, но песни которого люди не забыли: «Когда простым и нежным взором меня ласкаешь, милый друг»); К. Шульженко («Синий платочек», «Давай закурим», «Бабье лето»); Г. Великанова (пела в надежде, что «между мною и тобой ниточка завяжется»); Арк. Райкин

(каждое лето гастроли на 2–3 месяца и, видимо, напевавший любимой, как зданию театра: «…Ты в общем самое огнеопасное»); Гр. Ярон – неподражаемый комик оперетты, маленького роста, хрупкого телосложения, но сгусток эмоций и юмора); Л. Русланова – народная певица с природным уникальным голосом; М. Гаркави – импозантный остроумный конферансье: «На Нюрнбергском процессе один журналист говорит другому: «Кажется, Геринг сильно располнел?» – «Ничего, – ответил ему другой, – скоро отвисится!»); А. Милявский – лучший конферансье-сатирик страны; Б. Бенцианов – ярчайший фельетонист и куплетист из Питера. Написал мне, что всей популярностью обязан моим куплетам, исполненным на «Голубом огоньке» «Москва – город герой»; Э. Рознер – не сломленный лагерем великолепный трубач джазист. Любины предшественники – артисты мюзик-холлов Александра Конникова и среди них юморист А. Белов, написавший две профессиональные писательские повести; популярнейшие певцы М. Магомаев, Н. Брегвадзе и вообще, что ни имя – эстрадная звезда; Л. Утесов, вступая среди лучших молодых певцов своего времени, 80-летний артист, буквально взорвал аплодисментами «Эрмитаж», исполняя пародию о том, что якобы джазовый шлягер – аналог «Одессы-мамы» создал в Америке какой-то одессит; Джорджи Марьянович – югославский артист, спевший «Три года ты мне снилась» так задушевно, что сам расплакался; певица из Новой Зеландии – гениальная эстрадная певица (по нашим тогдашним меркам); Л. Кравцова (одаренная музыкальная фельетонистка); К. Бобров и М. Гринвальд – оригинальный музыкально-сатирический дуэт; А. Муравский – старый ленинградский фельетонист с нестареющим репертуаром; Орлов и Нечаев, П. Рудаков – популярнейшие ленинградские куплетисты; Р. Сикора – никому не подражавшая певица; А. Кторов – артист Художественного театра, часто приглашаемый на концерты в «Эрмитаж»; Г. Гилл – первая певица из Израиля, приехавшая на гастроли в Москву, и Э. Горовец – первый певец, эмигрировавший в Америку, – оба талантливые; М. Александрович – оперный певец на эстраде; В. Ворошило, дивной экспрессии артист Большого театра; Уланова, Плисецкая, Беззаботнова – балерины Большого театра, примы в прямом смысле слова. Любезнов – рассказчик, юморист; М. Ножкин – куплетист от Бога, выдавленный завистниками с эстрады. Лев Шимелов, Евгений Фролов, Владимир Махин – мягкие, доброжелательные конферансье; Е. Заболотнов – дважды дипломант Всероссийского конкурса артистов эстрады; Костя Яницкий – друг из Киева, блестящий артист; бард Владимир

Красновский, лиричная пианистка Людмила???

Говорят, что у многих из них была своя тайна, связанная с «Эрмитажем». У кого заветная аллея или чем-то примечательный киоск, у кого – приносящая удачу гримерка или птица, иногда сидящая на карнизе гримерной. Артист Театра сатиры Владимир Яковлевич Хенкин каждый год находил подосиновик у дерева, растущего в пяти метрах от входа в театр, торжественно показывал своим коллегам как символ успеха, хотя, поговаривали, что этот гриб он каждый раз покупал на рынке. Но, пожалуй, самой интересной тайной сада «Эрмитаж» является рождение здесь известной артистки театра, кино и эстрады Любови Григорьевны Полищук. И не в знаменитом деревянном театре, построенном по проекту каменного, с партером, ложами и амфитеатром, а в своеобразном городском мезонине, расположенном невдалеке от входа в парк, мимо которого ежевечерне десятки, сотни зрителей проходили к эстрадному театру, и лишь единицы из них, стесняясь и незаметно проскальзывали к входу в театр, поначалу называемый «Зеркальным», а после исчезновения эстрадной реликвии – театром «Эрмитаж».

Воспоминания могут касаться чего и кого угодно, но воспоминание о Любе Полищук предполагает как минимум двух героев – артистки и режиссера.

Существуют понятия: «мой артист», «мой режиссер», то есть творческие люди близкие по мироощущению, по своим возможностям и замыслам.

Режиссер, о котором пойдет разговор, Михаил Захарович Левитин, любил стихи немецкого поэта Магнуса Энценсбергера: «Люди только мешают, путаются под ногами, вечно чего-то хотят, от них одни неприятности. Ах, если бы не было людей!»

В этих словах, по мнению Левитина, полных скорби, звучит боль человеческая: детей бы не было, открытий, догадок, озарений и, наконец, театра.

По его миропониманию, «актер – феерическое приспособление, его способности так выразительны, что руки в любое время могут обрести подвижность щупальцев. Возможно создание такой среды, в которой люди будут многообразны и легки как рыбы». «И это может быть только в театре, – думал Левитин. – Не смейтесь. Океанское дно – один из интереснейших театров… Я искал законы, способные нарушить нашу повседневную пластику и стать основой новой пластики – театральной. В готовом спектакле зритель этого воображаемого мира не увидит, но чье-то присутствие, какую-то тайну ощутит – тайну рождения спектакля». После сдачи дипломного спектакля

своему любимому режиссеру Юрию Петровичу Любимову у Левитина с ним возник сложный разговор: «Ну что с того, что вы – режиссер? Мой вам совет – научитесь слушать старших», – говорил Любимов Левитину, который понял: «Спектакль переделывали не потому, что хотели мне зла, а потому, что он не был похож на другие спектакли театра. Я жил и живу в театре счастливо. Преображенной жизнью. Я учусь ее создавать, и первую возможность этого мне подарил Театр на Таганке».

Левитин, не отрицая общепринятых законов театра, искал новый чувственный узел – актера и пространства. Как передать актерам свое ощущение пространства? Надо не поместить их в это пространство, а пространство спроецировать в них. Они его в себе носят. Сценическое пространство чутко к присутствию в нем людей. И поэтому каждое движение персонажа носит характер пространственно-психологического пространства.

«Запомни, – говорил себе Левитин, – поворот головы – это уже событие, шаг – кульминация». Самое дорогое из воспоминаний Левитина – когда он нерешительно протянул руку сцене, и она ответила ему мощным долгим рукопожатием.

Не случайно Михаил Левитин в одном из первых своих спектаклей обратился к творчеству многим непонятого и даже осуждаемого писателя Даниила Хармса (настоящее имя Даниил Петрович Ювачев). И псевдоним он взял себе странный – Даниил Хармс. Имя было подлинное, а вместе с необычайной фамилией походило на цирковой фокус.

«Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении», – писал он. Его занимала абсурдность существования, действий, поступков отдельного человека или группы людей, помноженная на абсурд самой жизни, действительности, бытия. Он был писателем-новатором, и в этом была трагедия его жизни: «Нет уважения ко мне писателей. Нет между ними подлинных искателей».

Его арестовывали трижды, и погиб он в тюрьме в возрасте 35 лет. Говорят, что он умер от голода. В Ленинграде при блокадной нехватке продуктов просто закрыли на ключ тюрьму и сделали вид, что забыли об ее обитателях. Он жил по общим меркам нелегко, а погиб страшно и дико, даже по самым грубым и нечеловеческим меркам.

Но именно Даниил Хармс еще в 1935 году в одном из своих кратких эссе предвосхитил появление актрисы Любви Полищук, не дословно ее, не портретно, с ее красотой и обаянием, а с ее характером.

«Одна особа, ломая в горести руки, говорила: «Мне нужен интерес к жизни, а вовсе не деньги. Я ищу увлечения, а не

благополучия. Мне нужен муж не богач, а талант, режиссер, Мейерхольд!»

Люба никогда вслух не говорила о подобном, о нежелании иметь богатого мужа, но о способном и талантливом думала. И о хорошем режиссере мечтала. При этом необязательно о мужем-режиссере. Тем более Мейерхольде. Даже упоминать его имя тогда уже было небезопасно. Он поставил спектакль «Земля дыбом» и посвятил его на афише первому командарму Льву Троцкому. «Уже тогда было ясно, что Мейерхольд обречен, что дни его сочтены», – рассказывал мне его ученик.

Левитину было легче, чем его любимому автору: «Театральная жизнь с ее массой каждодневных потрясений отвлекала его от мыслей реальных, звала и удаче». У Мейерхольда хватало потрясений числом поболе и качеством построже и опаснее. Но выживать в условиях постоянных потрясений помогало ему тоже творчество.

Я уверен, что неустроенность Любы Полищук, вечные выговоры родителей о необходимости реальной работы, трудности материального свойства – все это заставляло заняться в самодеятельных студиях, воплощать в жизнь мечту стать актрисой, и наконец, состоялось официальное признание ее способностей – принятие в эстрадную студию при филармонии. Любе сказали, что Юрий Петрович Любимов однажды заметил Михаилу Левитину: «Вы балетмейстер, а не политик». Это не испугало ее, ни в какой мере. И не отвадило Полищук от нового для нее интересного режиссера. Ведь после репетиций в танцевальной студии она была ближе к балету, чем к политике, и по профессиональным данным и по интересу – к социальным вопросам бытия. Она признавала необходимость знания текущих и злободневных дел в стране и была не прочь их понять и проанализировать, но позже, после освоения балетных новаций. Однажды в гастрольной поездке в Новосибирске она призналась мне, что ее увлекают мои разговоры с публикой, знание быта людей, их запросов. Ее по-настоящему волнует игра Валентина Гафта, Иннокентия Смоктуновского. «Но я, наверное, никогда не смогу быть такой умной и интеллектуальной, как Смоктуновский, – произнесла она. – Им, наверное, нужно родиться». – «Или научиться быть, – возразил я, – создавать вокруг себя на сцене интеллектуальное поле и вовлечь в него зрителя. Для этого надо многое знать и уметь сопереживать бедам людей. Чувству сопереживания не научишься, отзывчивым и добрым человек бывает от природы. Реже – злым, зачастую человека отупляет и обозляет жизнь, неумение сопротивляться плохому в нашем бытие, а всякого грязного и лживого в нем

хватает. Я ей привел пример того, как в стране был брошен клич в каждой республике иметь своего Павлика Морозова, борющегося с родителями-кулаками. Не знаю, как во всех республиках, но в Узбекистане такого «борца» нашли в Ташкенте. В честь него назвали улицу – «Улица мальчика Бориса Адылова». Михаил Левитин говорил: «Это тема вряд ли подвластна пластическому изображению, здесь нужно то, что мы зовем гражданским пафосом, драматизмом. Мои занятия пластикой и пространством вовсе не отрицают драму и трагедию. Это высшие сферы искусства, но одно не должно мешать другому. Где-то на стыке разных подходов к театру рождается истинный театр, театр самых высоких чувств».

Люба Полищук доставала записную книжку, шариковую ручку и быстро записывала услышанное.

– Зачем ты это делаешь? – однажды с улыбкой спросил у нее Левитин.

Она ответила:

– Для раздумий. На это требуется время. И для воспоминаний. Чтобы потом можно было вспомнить и понять, где я была права и в чем ошибалась.

– Жаль, что не ведет такой дневник Михаил Жванецкий, – вздохнул Левитин, – я работал с ним, Карцевым и Ильченко в Одессе, в Театре миниатюр. Спектакль назывался «Представление для…» Не получился полностью. Жванецкий из тех одесситов, которые должны постоянно суетиться, чтобы собирать вокруг себя людей, вести разговоры, участвовать в каких-либо непредсказуемых событиях. Поначалу его активность нравилась мне, но со временем я понял, что искусство не терпит суеты, а требует размышлений и сделанных не на ходу, а в спокойной обстановке, с холодной головой и горячим сердцем, находясь вне уже прошедших событий. Миша умен, талантлив, но он едва ли не ежедневно, не ежечасно, требовал подтверждения своей гениальности. «Ну, как я сказал? Как поступил? Правда, здорово?» – постоянно интересовался он у окружающих. Он был умным, талантливым на сцене и тускнел на бумаге. Его монологи слушались, всегда, но читались редко и с трудом. «А если юмор на сцене исчезнет? – говорил он. – Чем я тогда буду заниматься?»

На семинаре писателей Жванецкий познакомился с настоящим драматургом Александром Вампиловым, которому не нравились выступления Миши на эстраде.

«Ты выступаешь перед зрителями, а потом кланяешься, как официант! Еще выпрашиваешь у них чаевые в виде аплодисментов, которые доказывают тебе, что ты нужен».

Жванецкий обиделся на Вампилова, а зря.

Драматург говорил правду. Как-то весною в Сочи я выступал в санатории «Металлург» вслед за Жванецким, на следующий день после его концерта. Особый санаторий с непростым контингентом зрителей. Минут тридцать Миша читал свои монологи, но зрители ни разу не улыбнулись. Он попал в трудное себе и своему творчеству пространство. Минут через сорок прочитал свой самый смешной монолог «Концерт на коньячном заводе», и зал ответил на это гнетущей тишиной. И чем больше «кланялся» Жванецкий зрителям, чем больше заискивал перед ними, чем больше и скорее жаждал получить у них подтверждения своей гениальности, тем выше и глуше росла стена, разделяющая их. В результате он не доработал концерт до конца. Зрители негодовали.

Выслушав мой рассказ, Люба улыбнулась.

– Ты тоже после номера слишком быстро покидаешь сцену, чтобы заполучить аплодисменты, или ждешь их, стоя у микрофона. Отойди от него, стань между роялем и выходом со сцены, вроде раздумываешь, уйти тебе или нет. И доверь решить этот вопрос зрителям. Не смотри вопросительно на них. Улыбайся, но не кланяйся. Веди себя достойно и, поверь мне, зрители сами решат – заслуживаешь ли ты бурных аплодисментов или даже скандеж.

Эти слова Любовь Полищук сказала мне во время наших совместных концертов в Новосибирске. Молодая начинающая актриса дала отличный совет бывалому артисту и оказалась права. Зрители, как и артисты, тоже являются хозяевами на сцене и могут подсказать тебе там твое место. Но ни при каком случае нельзя терять контакт с ними.

Я не записал, но навсегда запомнил эти слова Любови Григорьевны Полищук. Учиться никогда не поздно. В любом возрасте. Но с годами все меньше надо надеяться на свою память. Записывайте все интересное, что увидите и услышите. Это будет вашим творческим багажом, поможет тем, кто не задумывался над этим или в свое время считал необязательной мелочью. На сцене и в творчестве мелочей не бывает.

Люба демонстративно не носила косметичку сумку, вернее, брала ее с собой, но покоилась она на дне более крупной сумки, где лежали блокнотики для записи наблюдений. Она впитывала как губка все новое, интересное и полезное для себя, и поэтому творческий рост ее был непрерывен.

Однажды на дне ее большой сумки явно вырисовывалась бутылка спиртного.

– А это для чего? – иронически заметил я. – Тоже для наблюдений?

– Тоже, – совершенно спокойно ответила Люба. – Знаешь, как интересно наблюдать за людьми, находящимися подшофе. И самой за собой следить любопытно. Оказывается, я могу быть чудесно красивой, особенно когда расслабляюсь, и всякие неприятные условности не давят на мозг. Я пью от радости, реже от горя, хотя, увы, бывают моменты, когда надо помянуть рано ушедших от нас и талантливых людей. Интересно, как устроен мир. Под разными предлогами люди общаются и стараются не забывать друг о друге.

Однажды, выйдя после вечернего спектакля из своего кабинета, Михаил Левитин встретил в вестибюле театра Любу Полищук в окружении других актеров, спорящих о чем-то до одурения, до выкуривания сигареты вместе с фильтром, и вдруг тихо обратился к ним. Так необычно для себя тихо и многозначительно, что самые вертлявые головы остановились, а болтливые языки утихомирились. Взоры артистов приникли к нему как магниты. Он говорил всем, а вроде бы обращался только к одному:

«Начинай репетицию не сразу. Пусть будет большая пауза. В ней ты можешь позволить себе все. Стоять спиной к актерам, двигаться по репетиционной комнате из угла в угол. Рассматривай невидимое. Пусть прекратится гул голосов, исчезнет нервозность, возникшая там, за дверью. Все они поглядывают на тебя, недоверчиво, по-актерски. Твоя сосредоточенность непредвиденна, она озадачивает, но трудится молчание, трудится тишина, и возникает тайна. На самом деле ее нет, но она будет, потому что ее уже ждут актерские нервы и актерское воображение. Теперь начинай. Скажи им:

– «Мы свободны! Здравствуйте! Мы свободны навсегда, на целую вечность, все наши беды остались за дверью, и нет у нас секретов друг от друга».»

Эти слова и мысли не были удачным экспромтом, они долго, но упорно рождались в голове режиссера, иногда противореча себе, но всегда уступая логике мышления и эксперимента, и собирались воедино.

«Мы были правы или ошибались», – решит главный и непререкаемый судья – сцена, – закончил монолог Михаил Левитин.

Так неожиданно открылась одна из тайн театра «Эрмитаж», может быть, самая главная.

Глава пятая
Ах, «Эрмитаж»! Ах, «Эрмитаж»!

Глубина истории бесконечна и людям в разной степени удается, разумеется, при их чисто научном бескорыстном интересе докопаться до истины определенного уровня. Уже на моем веку менялась и продолжает меняться история России, отдельных ее правителей, в зависимости от характеров тех, кто приходит к власти, исходя из их желания представить прошлое в нужном им свете.

Свой отсчет истории «Эрмитажа» мы начнем с шестидесятых годов девятнадцатого века, на месте нынешнего здания, в котором расположился Театр миниатюр под руководством писателя сатирика Владимира Соломоновича Полякова. На мой взгляд, это был лучший автор эстрады советского периода, человек скромный, отнюдь не тщеславный и в полном смысле слова порядочный. Пятнадцать лет он писал программы для великого артиста эстрады Аркадия Райкина. Они не поссорились, но разошлись. Возможно, Полякова не удовлетворяло то, что успех его произведений полностью относился на счет артиста или упоминание о его авторстве лишь мелкими буквами в правом углу афиши, может еще что-либо другое. Но Владимир Соломонович решил организовать свой театр миниатюр, конечно, в пику райкинскому, что, впрочем, не помешало Аркадию Исааковичу прийти на 60-летний юбилей писателя в ЦДЛ и сказать: «Нашему театру 30 лет. Пора молодости, подкрепленной опытом и успехами прошлой работы. 30 лет – пора зрелости и признания зрителей. За пятнадцать из них тебе, Володя, вечное и сердечное спасибо!»

Так расходились великие эстрадники прошлого, не без обиды друг к другу, но при полном соблюдении приличий. А после этих слов Райкин исполнил два лучших монолога Полякова из их предыдущих программ, самые острые, по социальности и поднятых проблем, не имеющие себе равных до сих пор. Разошлись артисты и углубились в работу. Поляков включил в штат своего театра молодых и талантливых юмористов – Дмитрия Деранкова (второго по значимости артиста в уже для него бывшем театре Райкина), Марка Захарова, Зиновия Высоковского, Рудольфа Рудина, Владимира Высоцкого, Савелия Крамарова и других, писал для них великолепные программы, но при всех усилиях перебить мастерство и инерцию интереса зрителя к Райкину не смог и не смог бы это сделать никто из артистов в

Советском Союзе. Ведь сам Поляков отдал Райкину лучшие годы своего творчества, написал для него сценарий популярного фильма «Мы где-то с вами встречались», сам создал кумира для всей страны и через пару лет понял, что второго такого артиста в стране не будет, несмотря на все авторские титанические старания. К тому же Владимир Поляков сумел, что было очень нелегко, издать две хорошие книги рассказов, смешных и грустных, в издательстве «Советский писатель», и как одержимый носился по вестибюлю ЦДЛ с криками: «На что я угробил свою жизнь? На что ушли мои лучшие годы?! Я мог бы стать писателем! Писателем!» И был прав, став лучшим эстрадным автором страны, но не писателем, чье творчество не угасает столь стремительно, как эстрадное, и не зависит от исполнителя, а живет долго по себе уготованной своим талантом срок, иногда и бессрочно.

Театр миниатюр после ухода из него Владимира Полякова просуществовал еще один год, инсценировав лучшие рассказы из Клуба 12 стульев «Литературной газеты», в том числе и мой, исполняемый Р. Рудиным.

А потом Театра миниатюр в стране не стало вообще. Ушел из жизни Аркадий Райкин, и сын его Константин, тяготеющий к драматическому искусству, постепенно выдавил из театра молодых и талантливых сатириков, набранных в труппу еще отцом, и начал ставить в театре спектакли, где преобладали пластика и движения артистов, а не слово, пошел по пути, похожему первым творческим шагам молодого режиссера Михаила Левитина, получившего руководство над поляковским театром.

У молодых режиссеров не было еще достаточно опыта и знаний для создания серьезных спектаклей классического уровня, и чтобы чем-то выделиться в театральной сфере, они обратились к музыке, песням и танцам. К тому же для зрителя, привыкшего к сложным, проблемным спектаклям, их работа выглядела занимательно, по крайней мере для некоторых из них.

Спектакль театра «Эрмитаж» назван затейливо – «Безразмерное Ким-танго». Главное в нем – творчество и фамилия незаурядного барда – Юлия Кима. Я уверен, что если бы он выступал один и пел свои песни под гитару, то интерес к нему был бы больший, чем к спектаклю с его участием. А так на сцене сменяют друг друга папуасы, пингвины, школьницы в белых фартучках, пьяницы, пенсионерки, Пушкин с Гоголем, Карменсита со свитой испанцев, Гамлет со своим «быть или не быть».

Танцуют то, что поется в песнях. Смысла не добавляют.

Получается театрализованный концерт. Танго насмешливое, танго ироничное, танго роковое, анекдотическое и даже танго любви (хореография Т. Борисовой и С. Цветкова). Шапки, общего названия в концерте нет, а жаль. В песнях Ю. Кима достаточно философии, чтобы подыскать концерту умное и современное название. Режиссер-постановщик Михаил Левитин определил свое представление так: «Бравада, шизофрения, буффонада, пародии бреда». А вопрос ставится один – «Надо это или не надо?» Кто может быть против танго? Даже репертком – за. И насчет шизофрении и бреда особых возражений нет – все равно лучше, чем осмысленный спектакль с сатирической целью. Но для Любы Полищук главное в другом – это театральный спектакль, и первый в ее жизни. Она принимает участие лишь в одном танце, в дуэте с Б. Романовым, но она чувствует рядом с собою дыхание людей, заряженных на общий успех концерта, пусть еще не очень уверенную, зато самоуверенную руку режиссера, а для молодого артиста очень важно верить этому человеку, от которого зависит решение и успех всего спектакля. Рецензии – благорасположенные. Заведующая отделом искусства «Московского комсомольца» талантливая журналистка Марина Райкина замечает: «Чепуховина, дурь, безрассудство. Проносится, пропрыгивает, протанцовывает, протявкивает… С помощью композитора Андрея Семенова, Любови Полищук, одной овчарки и нескольких охотничьих такс. Просто так, ради шалопайского загула с контролирующим рефреном позади:

– Не надо, я умоляю вас, не надо…

– Нет, – отвечаем мы. – Так надо.

Шизофрения, буффонада.

Просит душа хоть изредка, хотя бы раз потрогать нематериальность жизни, подержать ее в кулаке».

Я бы добавил – в противовес бесконечной партийно-патриотической жвачки газет и театров. Ведь существует кроме нее другая жизнь, делающая кругозор человека шире, разнообразнее, веселее.

Однажды после спектакля Люба выпила, крепко, одна, сна ни в одном глазу, и потекла в ее сознании давняя жизнь, когда соученики прозвали Любу не «Полищучкой», а «Арифметикой». С какой стати? Она до сих пор не поймет. То ли потому, что не любила этот предмет и перед уроком мучилась: «Ах, сейчас эта чертова математика!» То ли потому, что ей плохо давался этот предмет? То ли потому, что не любила вообще математические дисциплины, а заодно физику с химией?

У нее было немного подруг. «Она умная и рассудительная, и никогда не подведет», – говорила Люба о писательнице Алле

Боссарт. И часто рассказывала ей о своем детстве, родительском доме, а та записывала ее слова и на свой лад, по-писательски, но жизненно точно, пересказывала их: «В 67-м году в Омске курносую, ногастую 18-летнюю певицу развернули из студии эстрадного искусства и отправили доучиваться в 11-й класс. Слыхали песню: «опа-опа, жареные раки, приходите девки к нам, мы живем в бараке!» Вот именно там и проживала «Любка-певица», популярная у соседей-зэков и блатных. При этом тяга к настоящей жизни была такой, что выучила язык глухонемых и подружилась с глухонемой девочкой, чтобы ходить к ней через овраг – смотреть телевизор. На всю жизнь запомнила эту грамоту. Лет сорок спустя на Арбате подошли глухонемые и попросили автограф. И народная артистка Любовь Полищук сказала им руками – «Спасибо».

Степан Полищук, царство ему небесное, служил сперва пожарным, потом железнодорожником. Очень рано потерял родителей, с восьми лет батрачил. Потом пошел в маляры, там больше платили. Это папа артистки. А мама, поскольку у нее было трое детей, день и ночь шила. На Полищуков с их надомным промыслом охотно стучали, швейную машину изымали с понятыми. Под рев пацанвы».

Общаясь довольно часто с Любой, особенно в Коктебеле, я через многие годы после знакомства спросил у нее:

– Как родители?

– Мама жива. А папа умер, – горестно произнесла она, сказала доверительно, как близкому человеку, наверное, помнила, что я когда-то отпустил ее с Новосибирских гастролей домой, навестить родителей.

Она помнила добро, и в этом я убедился потом не раз. Однажды в Коктебеле я одолжил у нее 50 долларов.

– Когда вернешь? – заметила она, но не зло, по-человечески.

– До первого сентября, перешлет через проводника племянница, – объяснил я.

– Хорошо, – кивнула она головой.

Деньги я вернул раньше договоренного времени, дважды не застал Любу дома и попросил ее друга и соседа Леонида Николаевича Петрова, в прошлом директора Дома творчества писателей, сделать это за меня. С Петровым у меня были давние и приятельские отношения. Еще будучи директором Дома творчества, он говорил мне: «Варлен Львович, мне дарят свои книги почти все отдыхающие в Коктебеле писатели. Ваши книги отличаются от многих их творений, ваши читать можно». И я нисколько не сомневался, что он без труда вспомнит мою просьбу и даже забыл о ней. Встречаю Леонида Николаевича через пару

недель.

– Люба благодарит вас! – торжественно объявляет он.

– За что? – искренне удивляюсь я.

– За деньги.

– Так это я должен благодарить ее, а не она меня, – возражаю я.

– Дело в том, – улыбается Леонид Николаевич, – дело в том, что вы первый из ее должников, который отдал деньги. Другие не возвращают. Считают, что Люба богатая, и обойдется без одолженных людям денег.

Я не знал так хорошо ее детство, как Алла Боссарт, есть вещи и случаи, о которых женщины стесняются рассказывать мужчинам.

Люба поведала Алле, что во время войны ее мама чуть не умерла, когда в общественном сортире возле рынка продовольственные карточки выпали у нее из кармана прямо в яму с экскрементами. А это же война. Без карточек – голодная смерть. И мама с подружкой держали друг друга за ноги и по локоть в дерьме их там ловили. И выудили. Слушая Любу, ее маленькая дочь Маша удивляется: «Какие карточки?» – «Клубные!» – объясняет ей бабушка. – «А что это?» – не понимает Маша. – «И слава богу, что ты не понимаешь, – говорит мама. – Впрочем, знать о том, как жили родные, тебе не помешало бы…»

К утру Люба полностью восстанавливается. В голове – ни хмелинки. Она спешит на репетицию. Вечером у нее, по сути, бенефисный спектакль – «Квартет для Лауры», где она занята единственной из актрис.

Этот спектакль всегда шел при аншлагах. Люба сожалела, что в России очень мало кто знал Габриэля Аруйо – очень талантливого драматурга. «Квартет для Лауры» – это легкая французская комедия с хорошими костюмами, прекрасной музыкой и танцами. И партнеры у Любы были отличные, уже известные москвичам по спектаклю «Служанки» в театре у Константина Райкина.

Лаура – эксцентричная особа, которая обзавелась любовником, намеренно ставит об этом в известность мужа – просто из любопытства посмотреть на его реакцию. Когда Лаура попадает в неудобное положение, актрисе жаль свою героиню. По этому поводу она высказывает свое нетрадиционное мнение в одном из интервью: «Я очень люблю всех женщин. И всех мужчин тоже люблю. И это замечательно, когда они доставляют удовольствие друг другу. Всякая профессия имеет право на жизнь – и шпиона, и могильщика, и проститутки. Женщины оказывают мужчинам сексуальные услуги за деньги с незапамятных времен –

эта профессия одна из самых древнейших. Так разумно ли закрывать на эту очевидность глаза? Это глупость, из-за которой страдают и те и другие, от болезней, бандитского беспредела, милицейского произвола, мошенников и садистов. Если это дело легализовать, всей этой криминальной грязи станет намного меньше. Это наши обстоятельства мучениц. И совершенно зря находятся люди, считающие, что в «Интердевочке» я сыграла свою героиню, сочувствуя ей. Посмотрите, что творится вечерами на нашей Тверской. После недавнего спектакля я просто выехать не могла. Только в нашем дворе два десятка молодых девчонок стояли плотным строем под светом фар и, распахнув шубки, весело демонстрировали свои прелести. И думаете, они стали путанами, посмотрев фильм «Интердевочка» с моим участием? Их толкает на это жизнь и им плевать на чьи-то осуждения или запреты. Подумайте, почему это творится? Или никто не хочет думать об этом или кому-то это просто выгодно?»

В актерской карьере бывают самые непредвиденные обстоятельства. Режиссер Житинкин пригласил Любу Полищук и ее сына в спектакль, где сын должен играть роль маминого мужа. Была там одна эротическая сцена, где он берет маму на руки. На первых репетициях у обоих были странные ощущения, но им повезло – спектакль был комедийным, и у обоих хватило здорового чувства юмора преодолеть неприятные ощущения.

В конце концов Люба Полищук настолько развеселилась, что вспомнила и точно, почему ее в детстве прозвали «Арифметикой». Да просто потому, что она лучше других пела песню про «Арифметику», хотя этот математический предмет явно недолюбливала.

Подобные случаи бывают в сознании людей, – неожиданно вспыхивает в сознании факт или событие далекого прошлого, на которые в свое время не обращалось особого внимания. Вдруг я вспоминаю и весьма отчетливо красивое лицо совсем юной Любы перед выходом на сцену в Новосибирске. Первый концерт. Она стоит за кулисами в черном платье с маленьким вырезом, не напряжена, спокойна, и только из умело подведенных глаз неожиданно льется поток грусти. С чего бы это? Почему? Тогда я не задавал себе этого вопроса. Она предупредила меня, что начинает гастроли после сильного запоя, что потом все будет в порядке, но и тогда перед выходом на сцену я не ощущаю в ней ни капельки опьянения. Только сейчас я начинаю понимать происходящее с нею в те далекие годы. Из ее же записок тех лет. Они сохранились.

«Я не люблю говорить о болезнях. Лет десять назад у меня была травма позвоночника. Врачи фактически приговорили меня

к инвалидности. Но благодаря вовремя принятым мерам и колоссальной поддержке родных – выкарабкалась. Уже после этого встала на пуанты и танцевала в сложнейшем вокально-хореографическом спектакле «А чой-то ты во фраке?» А когда мы были на гастролях в Израиле, у меня случился отек связок. Лечится это в основном молчанием и покоем, а мне приходилось петь».

Она не сорвала гастроли, проявив актерский и гражданский героизм, после чего руководство театра решило поощрить ее, предложив вступить в партию. «Вы что, с ума сошли?!» – вскидывает она брови, выражаясь на самом деле более жестко. Руководство в растерянности и даже испуге отступает, пятясь к двери.

Поговаривают, что актриса Любовь Полищук перед началом спектакля регулярно опорожняет бокал со спиртным. И никто не противится этому, даже не делает ей замечания. Удивительно, но теперь понятно мне и это, и ее грустнейшие глаза в Новосибирске. Спиртное как своеобразная анестезия смягчало или вообще купировало боли в спине, и Люба могла нормально работать. Понятно ее волнение на гастролях. А она обещала мне не брать в рот ни капли спиртного. Перерывы между концертами маленькие, и если происходят переезды из зала в зал, то в одном автобусе со мною. Она дала мне слово и сдержала его, хотя, наверное, ей это стоило больших мук. Она уезжала в Омск за день до завершения гастролей в Новосибирске. Ждали такси в аэропорт к часу ночи, а до этого распили с Любой бутылку коньяка, на прощание, за удачные гастроли. Мы с ней тогда выполнили почти месячный план прибылей филармонии.

Я был доволен, что выступал с отличной актрисой, которая за десять минут пребывания на сцене настолько разогревала зал, что работать после нее было намного легче. Я имел право брать в сольный концерт один номер и часто пользовался этим, давая возможность подзаработать актерам и побывать в крупнейших городах, в том числе и курортных. Однажды взял на гастроли в Калининград Клару Новикову – новоиспеченную лауреатку Всесоюзного конкурса артистов эстрады, поделившую первую премию с Геннадием Хазановым. Громкий успех Любы был несравним со скромным выступлением Клары. К тому же Люба, единственная из всех артистов, с которыми я работал, выходя на поклон после концерта, останавливалась в шаге, не доходя до меня, и протягивала руку в мою сторону, показывая, что я основной герой и исполнитель концерта. Клара иногда выпрыгивала даже вперед. Но не это мне хотелось бы сейчас вспомнить, а радостное, улыбающееся лицо Любы. Столь

счастливой я больше никогда не видел ее и причины тому, видимо, были две-три: она ехала домой, и гастроли прошли чисто, и полстакана коньяка, выпитые на прощание, сняли до этого мучившие ее боли.

В лечении Любы принимали участие родные, и в первую очередь сын Алексей. Мама очень много курила, и Леша, еще будучи школьником, своеобразно боролся с этой вредной маминой привычкой: он развешивал по квартире плакаты с изображением дымящейся сигареты на фоне черепа и костей, а маленькие листочки с такими же рисунками она постоянно находила в своей сумочке и холодильнике.

Люба была против его занятия актерской профессией, но не возражала этому. Однажды сказала мне: «Алеша очень талантливый артист, но еще не нашел своей роли». А через десяток лет у рынка в Коктебеле поведала мне: «Ты слышал об артисте Алексее Макарове?» – «Слышал». – «Так это мой сын! Играет в киносериалах!» – с гордостью произнесла она.

В ее записях я нашел такое признание: «Актерская профессия – это моя любовь на всю жизнь. Вряд ли могла бы с таким удовольствием заниматься чем-либо другим. Однажды после тяжелой операции (наверное, после автокатастрофы. – *В. С.*) должна была отдыхать три месяца. К исходу первого я взвыла и вышла на сцену. Театр для меня – это всё, вся жизнь. Я не могу без этого, даже сны снятся про театр!»

Родители долгое время не разрешали ей ехать в Москву, считая актерскую профессию несерьезной и не дающей заработка даже для нормальной жизни. В конце концов отец, смирившись с выбором дочери и понаблюдав за тем, как она трудится, сказал: «Каторжный труд. Пошла бы в строители – гораздо спокойнее».

В отличие от многих коллег, Люба наверняка знала диагноз своей болезни и понимала, что все ее работы на сцене скоротечнее, чем у других актеров. Снималась в кино, если разрешали киноверхи, о чем расскажем отдельно. Старалась сыграть в каждом новом спектакле «Эрмитажа», даже в эпизодической роли. С громадным удовольствием взялась за роль героини булгаковской «Зойкиной квартиры». Этот спектакль тогда шел во многих театрах – наконец-то разрешили ставить Булгакова. Я видел его во Владикавказе, в драматическом театре, где его играли впервые, почти полвека назад. Актеры возрастные, но старательные, играли с воодушевлением. Слабее всех выглядела актриса в роли героини, владелицы пошивочной мастерской Зои Пельтц, содержавшей под видом ателье публичный дом. Актриса однообразна во все сценах – циничная, хищная, деловая женщина. Наверное, эта роль так и была

задумана Булгаковым. Но в исполнении Любови Полищук мы видим героиню в трех ипостасях. В образе обворожительно-обманчивой, внешне блестящей хозяйки заведения, расчетливой мошенницы и отнюдь не чуждой любви женщины. При появлении на сцене энергичной и хитроватой Любы зал оживал в предвидении необычных событий. Люба не только прочитала и выучила роль, но и вникла во все нюансы характера героини.

В первом акте героиня переходит в наступление, встретив незадачливого братца, неожиданно нашедшего ее.

«**Зоя.** Тебя же расстреляли в Баку?

Аметистов. Пардон, пардон, так что же из этого? Если меня расстреляли в Баку, я, значит, и в Москву не могу приехать? Меня по ошибке расстреляли, совершенно невинно.

Зоя. У меня голова закружилась.

Аметистов. От радости?

Зоя. Ничего не понимаю.

Аметистов. Ну, натурально, под амнистию подлетел. Кстати, что это у тебя за племянница?

Зоя. Это моя горничная, Манюшка.

Аметистов. Тэк-с, понимаем, в целях сохранения жилплощади…

Зоя (*меняется в лице, ищет точки соприкосновения*). Что же ты хочешь прежде всего?

Аметистов. Брюки.

Зоя. Молчи. Я дам тебе место администратора в предприятии. Но, смотри, Аметистов, выкинешь какой-нибудь фокус – тебя угроблю».

Люба – неистовая поклонница Булгакова. Я это хорошо знаю, и когда пишу книгу о нем, вставляю туда фрагмент с участием Любы, конечно, придуманный, фантазийный, но нисколько не искажающий ни содержания, ни смысла книги. У меня выработалась привычка отмечать в своих книгах настоящих друзей как добрую память о нашем знакомстве. Действие происходит на туапсинском пляже, где рядом оказываются уже сильно постаревшая первая жена Булгакова Таисия Николаевна и молодая актриса из эстрадной группы «На эстраде – омичи» Люба Полищук. Жена Булгакова, узнав, что Люба родом из Омска, вспоминает, как она с отцом – будущим тестем Булгакова – приехала зимой в этот холодный морозный город, как вывалилась из саней на повороте улицы, но все-таки добралась с отцом до места, где должно было начаться строительство новой казенной палаты – финансового управления города. Рассказывает про

тогдашнюю жизнь Омска, о видах на красивые озера, лечение мамы кумысом. Люба слушает с интересом рассказ о неизвестной ей жизни родного города, но с гордостью отмечает, что в строительстве казенной палаты мог принимать участие ее дедушка, как и отец, – строитель по профессии. Делится с женой Булгакова своими планами, желанием уйти из эстрады в театр. Узнает, что отец собеседницы, хотя и заведовал финансами, безумно любил театр, был актером-любителем и довольно известным в городе. Перед началом спектакля продавала программку с его портретом: «Актер Лаппа – 5 коп.». Люба рада, что бывшая жена Булгакова Таисия Николаевна Лаппа поддерживает ее мысль о переходе в театр.

Вот как выглядит встреча бывшей жены Булгакова Татьяны Николаевны и Любы в книге (Москва, 2000 год).

– У вас в руках яркий журнал. Заграничный? – интересуется Татьяна Николаевна.

– Это журнал мод из Японии. На обложке – я, узнаете?

– Еще бы! Узнаю! Вы очень красивая девушка!

И весьма неглупая – в глазах проскальзывает любопытство и отнюдь не праздное! – похвалит девушку Татьяна Николаевна и вернется к воспоминаниям об Омске. – Я там жила в те годы, когда была моложе вас. Не все здания в городе, но Казенная палата должна сохраниться, строилась на века. Неужели не помните солидное здание на площади?

– Слева от обкома? С резными наличниками?

– С резными, – подтвердит Татьяна Николаевна.

– Так сразу бы и сказали, – улыбнется Люба, – это здание, возможно, строил мой дедушка. А вы кто по профессии будете? Похожи на учительницу!

– Почти угадали, – скажет Татьяна Николаевна, – я работала в реальном училище классной дамой.

– До революции что ли? – спросит Люба.

– Да, – вздохнет Татьяна Николаевна, – мне уже знаете сколько… Я еще застала Колчака.

– Врага революции? – нахмурит лоб Люба.

– Великого ученого и флотоводца! Писатель Куприн называл его «лучшим сыном России». А Иван Алексеевич Бунин… Знаете такого писателя?

– Слышала. Но мы его не проходили.

– Когда-нибудь будут проходить, – чувственно произнесла Татьяна Николаевна. – Бунин писал об Александре Васильевиче Колчаке: «Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную память, будет начертано Его имя в летописи Русской земли».

– А место, где он жил в Омске, я знаю. Усадьба на берегу реки. Туда иногда туристов водят. Буду дома – обязательно зайду. Вы правильно заметили – я очень любопытная, – согласилась Люба.

– А я уже старая, но кое-что помню.

– Зато душа у вас молодая, глаза блестят, живые, значит, молодая. И профессия у вас была интересная. Слова-то какие «дама», к тому же «классная». Обалдеть можно! Сейчас даму можно встретить только в старых пьесах. У нас в Омске их редко ставят. До московских театров нашему драматическому еще далеко. А я мечтаю играть в театре. Начала с эстрады. Другого выбора не было. Все таки стала ближе к искусству. Я на многое пошла, чтобы остаться в Москве. Уехала от родителей. Скучаю без них. Мне дедушка рассказывал, что до революции получал больше, чем после нее. Могло быть такое?

– Могло, – ответила Татьяна Николаевна.

– А вы из богатой семьи?

– Ну, не скажу, что мы были богатыми, но на свадьбу отец подарил мне большую золотую цепь и набор столового серебра. Они нас с Мишей потом, в трудные годы, здорово выручили. Миша мог писать.

– Это ваш муж? Он писатель? – не сдержала любопытства Люба. – Скажите фамилию!

– Зачем, девушка? Мы с ним давно разошлись… Но я его не забывала никогда. И не стыдилась, когда его не печатали, когда над ним измывались, – погрустнела Татьяна Николаевна, – звали его Михаил Афанасьевич Булгаков.

– Тот самый! Знаменитый! – воскликнула Люба. – И я сейчас загораю рядом с вами! Это же чудо! Даже не верится! Я мечтаю играть в его пьесах!

Люба, видимо, очень внимательно прочитала мою книгу, хорошо помнила отдельные детали, и во время встречи со мною в конце разговора настороженно заметила:

– Стрёмно как-то. Я и Булгаков. Стрёмно!

– Но я же хорошо пишу о тебе, и ничего не выдумываю. Ты уже давно работаешь в театре. Просто я хотел, чтобы таким образом сохранилась память о нашем знакомстве, нашей дружбе. Разве я поступил плохо?

– Почему плохо? – говорит Люба. – Спасибо. Но все-таки я и Булгаков – стрёмно как-то получается.

– Привыкай чаще слышать о себе, – улыбнулся я. – Каждый артист стремится к славе.

– А если не каждый? Если только хочет стать хорошим артистом, сыграть интересную роль? – спрашивает Люба.

– Еще лучше! – соглашаюсь я и мы, довольные беседой, расходимся по рынку. На выходе случайно встречаемся снова, и, кажется, какой-то небесный магнит притягивал нас в тот день.

– Я чересчур доверчивая, – неожиданно говорит Люба. – Еще раз спасибо за то, что отдал деньги. Не в долларах дело. Главное – отдал, не обманул. Меня столько раз обманывали – не сосчитать.

А ты – ни разу. Даже помогал. Не приставал ко мне, как другие авторы. Я родилась в провинции. А там народ чище. Здесь, не обижайся, намного больше грязи. Я на собственной шкуре и очень хорошо почувствовала эту разницу, когда приехала в Москву. Я женщина привлекательная, каждый мужик западал на меня, и тебе я нравилась, но ты отнесся ко мне по-человечески, не стал вешать лапшу на уши, не воспользовался моей наивностью, хотел работать для меня, даже накормил хорошо. Я все помню и поэтому, как увижу, меня тянет поговорить с тобой. Я тебе во всем доверяю, но все равно не открываюсь полностью – стала сдержаннее. Зачем навязывать свои проблемы другим. У каждого свои боли. Я переживала, когда узнала, что тебя с телевидения бортанули. Ведь ты лучшим сатириком был. И я знаю, чьих это рук дело, не терпящие конкуренции люди. А без нее человек останавливается в творческом росте, деградирует. Их жизнь накажет. Увидишь!

– Каким образом? – удивляюсь я.

– Они обречены копаться в эстрадной чепухе и никогда не станут настоящими писателями. Вот увидишь! А ты уже написал о Булгакове. Я показываю твою книгу приятелям и горжусь, что знакома с автором, даже выступала с ним вместе.

– Я тоже горжусь, что выступал с тобою, – говорю я, – и мы должны быть благодарны людям, которые отлучили нас от эстрады. Я, к примеру, искренне благодарен им. Позапрошлой зимой Жванецкий подошел ко мне в ресторане ЦДЛ и спросил:

– Ты еще жив?!

Он думал, что без показов на экране телевизора я помру от голода. А я уже тогда четвертую книгу писал. Я ему не ответил. Сделал вид, что не заметил его. Он от раздражения наморщил лоб, засуетился и был таков.

– Учти, он очень мафиозный человек, и у него крепкие связи на канале культуры, – предупредила Люба.

– Пускай, – отмахнулся я, – писатель рождается за письменным столом, а не на экране телевизора.

– Это раньше так было, – возразила мне Люба, – а сейчас, чтобы тебя издавали, надо чаще мелькать на экране.

– Значит, надо вместо СП открыть СТП – союз телевизионных

писателей.

– Может быть, – усмехнулась Люба, – но меня чаще снимают в телефильмах, чем картинах общего проката. Говорят, что у меня иностранное лицо.

– Что? В Омске объявился новый Колчак и отделился от СССР? Правит Антанта? – улыбаюсь я.

– Грустная шутка, – вздыхает Люба. – Я не одна такая простодушная и доверчивая. Даже великий Окуджава поет: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть по одиночке». А ведь по «одиночке» изловить труднее, чем в группе. Она заметней и в нее легче внедрить стукача. Нет, какое же у меня лицо? Какой страны? Англии? Франции или Испании?

– Зимбабве, – с ироничным видом заключаю я.

– Что? – переспрашивает Люба. – Африканское?!

– А почему бы нет? У тебя, извини, международное лицо. Я думаю, что ни одна страна не отказалась бы от такой красавицы, как ты! Ни одна организация.

– Кроме Комитета по делам кинематографии Союза Советских Социалистических республик! – с пафосом произносит Люба. – А народ меня любит. На рынке мне продают продукты вдвое дешевле.

– А мне лишь на треть, – признаюсь я. – Тебя любят больше, и я ни капельки не завидую тебе. Главное не в том, на сколько сбрасывают цену, а в том, что уважают. Ты цветную капусту нигде не видела?

– Видела, на лотке через дорогу, – говорит Люба.

Темнеет. И наши пути на этот день расходятся окончательно.

Рассказывая о Любе, я не придерживаюсь строгой хронологии. От встречи к встрече, от одного знакомства с ее работой, к другой, от одного семейного случая к другому, но ни на йоту стараюсь не отклониться от ее образа, характера, изменений в жизни.

Наконец в 1981 году на родной земле она неофициально, но признана женщиной с советским лицом, хотя и греческого склада. Она блестяще отснялась в телефильме «Эзоп» (экранизация известной пьесы «Лиса и виноград»). Сыграла в одной компании с Калягиным, Гафтом, Табаковым… Любимейшими и великими актерами страны. Сыграла на равных, достойно. Не выделялась чем-то особенным и не стремилась к этому. Хотя играли они роли из античных времен, но ни у кого из критиков не поднялась рука назвать их лица иностранными. Даже Любовь Полищук не прибавила к ним «иностранщины». Зрители ждали ее очередного появления на экране, любуясь ее лицом, красивым и страстным.

В «Эзопе» Люба играла роль красавицы Клео – жены богача

Ксанфа, которой муж решил сделать оригинальный подарок – бросить к ее ногам самого уродливого и смешного раба – Эзопа. Но кроме отчаянной уродливости Эзоп обладал необычайным умом. И во время споров богача и Эзопа по блестящим и устремленным на Эзопа глазам красавицы становится видно, что ум беззащитного урода побеждает жажду наживы богача. «Выпей море, Ксанф», – не раз иронически советует Эзоп хозяину, и Клео – красавица из красавиц Клео… явно симпатизирует разумному и остроумному рабу. Непростую, требующую незаурядной искренности роль героини Люба проводит под стать своим именитым коллегам.

Не всякая актриса, даже с большим стажем, чем у Любы, решилась бы сыграть рядом с лучшими артистами страны. Что это? Нахальство? Безответственность? Безразличие к своему реноме? Нет. Это талант, но неосторожный, не боящийся что-либо не дотянуть, в чем-то сорваться, талант, уверенный в своих силах и возможностях, проверивший себя ранее, в менее ответственных ролях.

Люба сыграла во многих фильмах, хороших и неудачных, в ярких ролях и блеклых, старалась в каждом фильме, но одной не под силу было вытащить плохой сценарий или неточно выписанную роль. Она знала об этом. И шла на это.

Однажды с телеэкрана поведала зрителям: «Я знаю, что меня ругают за участие в антрепризах. Это, как правило, спектакли, рассчитанные на зрителей с низким вкусом, идущих не на интересную пьесу, а на громкое имя занятого в ней артиста. Но хороших спектаклей очень мало. А зарабатывать надо. Поймите меня».

Она не строила из себя этакую показную героиню, жертвующую искусством ради блага семьи. Она не отрывалась от реальности, надеясь, что зрители, живущие одной с нею жизнью, одними заботами, правильно поймут ее. И нельзя сказать, что антрепризы с ее участием не доставляли зрителям удовольствия. На спектакле «Искушение», где партнерами Полищук были Щербаков и Безруков, постоянно был аншлаг, и аплодисментов собиралось немало.

Люба со мною разговаривала лишь о работе, родителях и сыне Алексее. Говоря о необходимости заработков, она, наверное, думала о помощи родителям и сыне, наверное, чувствуя вину перед ним за то, что отдала его в интернат, уделяла ему недостаточно времени и переживала, что он не сразу нашел свое место на сцене.

«О том, что Алексей Макаров мой сын, до недавнего времени не знали даже в театре им. Моссовета, где он работал. Сам он

категорически это скрывал. Он и фамилию по этой причине не поменял – охранял свою независимость. Я даже не знала, что он поступил в театральный, в ГИТИС. Была против, пока не убедилась, что в нем скрыты актерские способности, и незаурядные. Дети ведь абсолютно уверены, что они умнее своих родителей. Только теперь он говорит: «Мам, какая ты у меня умница».

Более подробно и своеобразно, с позиции своих лет, рассказывает об этом Алексей: «Окончательное убеждение, что я взрослый, пришло ко мне, когда я стал зарабатывать деньги, сравнительно недавно, в 2000-м году. А до этого жить было трудно. После того как снялся в первой своей картине «Ворошиловский стрелок», в стране случился дефолт. Кино оказалось в полном провале, артисты жили впроголодь. Около 20 лет я проработал в театре Моссовета и получил там зарплату, немногим более чем сто долларов в месяц. Хватало только на то, что бы оплатить проездной, носки новые купить и куриные окорочка, которые шли на первое и второе. А на остальное денег просто не было. Когда совсем люто прижимало, я приходил к маме и говорил: «Мам, дай трояк». И она давала сто долларов. Всегда помогала. В 99-м стало совсем чудовищно – кино не снимается вообще, в театре ролей никаких, а на свою скудненькую зарплату невозможно даже сводить девушку в кафе-мороженое. После того как не смог свою лучшую подругу вечером довезти на транспорте – на обычном автобусе, до ее дома, то от злости заплакал. Ну не было денег даже на маршрутку. Упросил друга бизнесмена взять меня к себе торговать резиной. И торговал. Вот до какого остервенения дошел. Но тут вспомнил слова Олега Меньшикова, который, уходя из Театра Советской армии, сказал: «Уходить всегда надо в никуда, тогда судьба вырулит». Вот так я и поступил – не знал, что буду делать, как жить. И, поверите ли, буквально через пару недель мне потихоньку начинали поступать какие-то предложения с «Мосфильма» – раз сериальчик, два и… тьфу-тьфу-тьфу, понеслось. Все-таки Господь ко мне милостив…»

И тут мне, автору, почему-то упорно водворилась в голову мысль, что, кроме Бога удачи, могла напомнить режиссерам о своем сыне мама. Телепатически. Силой желания. Как Вольф Мессинг. Мол, посмотрите, попробуйте. «И понеслось» (*В. С.*).

В рекомендации талантливого человека ничего плохого нет. Это результат доброжелательного отношения к человеку, заботы о нем. И как показала жизнь, Любовь Полищук помогала многим. Тем более артистам. Она как никто понимала, что значит для актера театр, насколько он захватывает его душу и сердце и с

чего эта болезненная любовь к театру начинается.

Вот как понимал это ее сын: «Я много раз бывал за кулисами на спектаклях у мамы или на каких-то масштабных шоу, в которых она участвовала. И очень хорошо запомнил свои ощущения. После того как действо заканчивалось и зал, взрываясь, вопил: «Бра-а-а-а-во!!!» – у меня от этого мурашки бежали по коже, и пульсировала только одна мысль: «Я хочу также выкладываться на сцене до последнего, до разрыва аорты, а потом уходить, тяжело дыша и обливаясь потом, за кулисы. И чтобы все кругом восторженно говорили: «Молодец, ну ты вообще дал сегодня». Вот о чем я мечтал. И наверное, тяга к публичности была заложена на генетическом уровне, все-таки отец и мать актеры. И бывают в артистической карьере помимо непрестанного труда и психологической зависимости настоящие праздники души, и я не забуду, как мама выходила из театра радостная и воодушевленная, напевая, едва слышно, вроде только для себя, но весело пела: «Ах 'Эрмитаж'! Ах 'Эрмитаж'»!»

– Это ты отчего, мам?

– От жизни, сынок. Не стоит она на месте. Я вспомнила, как стала лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Первая премия. А за что? Я, конечно, придуривалась, играя грубую неграмотную проводницу поезда. Кривляюсь, сморкаюсь, вытирая нос воротником рубашки. А текст… Недавно вспомнила – жутко стало. Неужели я могла такое со сцены людям нести. А автор того текста до сих пор подобной халтурой пробавляется. Раньше более-менее скромничал, лишь глазами сверкал, выражал удовольствие собой и паузы делал длинные, намекая зрителям, что за ними какой-то особый смысл скрывается. Настолько тянул, что некоторые зрители начинали смеяться, веря ему. А теперь размордел и гордится собою, еще не сказав ни слова. А скажет – глаза отвинтит до максимума и, не дожидаясь реакции зрителей, задирает нос: «Ну как я сказал?! А?! А теперь я вам такое расскажу, такое…» И большей частью несет бред. Жалко его, остроумный был человек, но посчитал, что достиг всего, что можно, думать перестал и сейчас сам научился финансировать свой успех. Зал молчит, а он выбрасывает руку вверх, как победитель, и причмокивает, цокая языком, мол, смотрите, чего я выкинул. И говорить о нем не хочу. Не изменится он уже, а еще больше станет деградировать… Жаль…

Помню, как я в театре начинала… «Хармс! Чармс! Шардамс! Или школа клоунов». Стала клоунессой. Старалась как можно больше ролей отхватить. Со сцены не слезала. И радовалась, как дурочка. Я – артистка театра! Артистка театра! Я к тому времени подросла до метра семидесяти пяти, и Левитин подобрал мне

партнеров, ростом намного ниже меня, и это добавляло комизм спектаклю. Я до того обрадовалась, что даже не прочитала самого Хармса. Хотя, по-моему, его книгу тогда еще не издали. Ходила в рукописях. Много заумного, мне не понятного. Но я верила режиссеру и читала, и играла. Одна «Елизавета Бом» чего стоила. А чего – я врубиться не могла. Или «Полет в небеса матери»: «На одной ноге скакала и плясала я кругом бессердечного ракиля, но в объятиях с врагом…» Или «Хорошая песенка про Фефиолю»: «Хоть ростом ты и не высока, зато изящна как осока». Припев: «Эх рмонт, рмонт, рмонт! Первококин и Кинеб!» Твой лик бровями оторочен. Но ты для нас казиста очень. Припев: «Эх, рмонт, рмонт, рмонт! Первакокин и Кинеб!» Может, у зрителей возникали свои, мне непонятные ассоциации с их жизнью. Некоторые смеялись. Или ржали, считая, что я несу чушь. Ведь над чушью тоже смеются. Тем более если она встречается в жизни. Режиссеру виднее. Я ему благодарна, что он выпустил меня на сцену. Я постепенно приживалась к ней, а сейчас меня со сцены тягачом не вытащишь. Сроднилась я с нею. Но не так, как раньше. Раньше физически, а теперь и духовно.

«Квартет для Лауры», «Зойкина квартира», даже «Безразмерное танго». Ведь я с него начинала. Скажи, сынок, ведь если бы не театр, меня не пригласили бы в кино, на съемки «Эзопа». Я когда была на просмотре, увидела себя на экране, даже глазам своим не верила. Табакова – вижу, Калягина – вижу, Гафта – вижу, а себя – не признаю. Красивая женщина. Говорит с чувством. Но вроде не я. В конце концов сама с собою согласилась – я это. Значит, доросла до этой роли. Жизнь движется, сынок. И у тебя будет роль – самая главная в жизни. Ради которой стоит жить. Но и другие не помешают, если яркие и значительные. Вот меня многие запомнили по эпизоду в «Моей морячке», хотя рядом, мою подругу, играла не кто-нибудь, а сама Гурченко. Живая легенда кино. А один режиссер… Очень известный… пригласил сниматься. Я без раздумий согласилась. Но смотрю, режиссер при встрече со мною смущается. Честный человек. Прямо сказал: «Я тебя взял, Люба, чтобы заработать деньги. А фильм выйдет дерьмовый». Не обманул. Я, снимаясь, и дерьма наелась, и деньги хорошие заработала. Без компромисса в искусстве жить трудно. Ты знаешь, моя любимая актриса – Раневская. Многие ее знают по «Подкидышу». А главная ее роль в фильме «Мечта» Михаила Роома. Как ему удалось пробить этот фильм, да еще во время войны – один Бог знает. Но пробил. И Раневская там сыграла бесподобно. Старую мать, собирающую гроши на осуществление проекта сына-архитектора. А проект провалился. И сын деньги прогулял. Она переживала, не один

день, поседела, до корней волос, устроила сыну истерику. Но не оттолкнула от себя. Потому что он – сын. Этот фильм не стыдно будет показывать и через сто лет. Тема всем понятная и близкая. Из тех, что вечно живут в любой стране. И ты, Алеша, жди, жди своего фильма.

– А ты, мама, сколько лет уже ждешь? Ведь время бежит, как ты говоришь. Или я не прав?

– Прав, сынок. Многие считают, и я в том числе, что лучшая роль еще впереди. А так ли это? Моя лучшая подруга, которой я очень доверяю, утверждает, что свою лучшую роль, из вечных, я уже сыграла.

– В «Интердевочке»? В «Зойкиной квартире»? В «Квартете для Лауры»?

– Не угадаешь, сынок. «Зойкину квартиру» играли в десятках театров. И, не сомневаюсь, что там были Зойки не хуже меня, а может, и лучше. И Лаур во всем мире не сочтешь. А вот героиня фильма «Любовь с привилегиями» я одна. И другой может не быть и в другой стране.

– Как называется картина?

– «Любовь с привилегиями».

– Не слышал.

– Сначала называлась «Городские подробности».

– А кто авторы сценария?

– Брагинский и Черных. Отличные авторы и режиссер – Владимир Кучинский.

– И ты играешь главную роль?

– Вместе с Вячеславом Тихоновым.

– Со Штирлицем? А он другие роли играть может? Похлеще Штирлица?

– Может. И еще как. Сыграл гениально, поверь мне, сынок. «Семнадцать мгновений» сняты по заказу. И там много натяжек. С моей точки зрения. Кстати, моя подружка со мною согласна.

– Что ты, мама, Штирлиц – общепризнанный герой. Любимый в народе.

– Все так, сынок. Но если серьезно подумать, мог ли наш разведчик пробиться на такой высокий пост в фашистской Германии. В «Литературной газете», в юмористическом «Клубе 12 стульев» вышла очень смешная пародия на этот фильм. Там в правительстве Абвера все наши – и Геринг, и Гиммлер, и Геринг… Враг и фашист только один – Гитлер. Смешные ситуации возникают. Очень смешные. А судя по реалиям нашей жизни, Штирлица должны были убить.

– Кто?

– Кто именно – не знаю. Знаю где – в подвалах Лубянки или в

какой-либо пересыльной тюрьме. Почти всех наших агентов, к тому же самых лучших, после возвращения на родину обязательно убивали. Они и знали больше, чем следовало им знать, по мнению верхов, и их имена и дела со временем могли всплыть. С живыми много возни. Только одному нашему разведчику Сталин клятвенно обещал сохранить жизнь. Тому, кто организовал убийство Троцкого. И сохранил. Но и тот под конец жизни оказался во Владимирском централе. Об этом мне поведал мой ярый поклонник – чекист.

– Усатый?

– Нет. Усатый… Это не поклонник, а почти что жених!

– Что значит «почти что». Жених или не жених?..

– Я еще окончательно не решила, Алеша, думаю… И фильм «Любовь с привилегиями» не выходит из головы. И режиссер Кучинский. Тонкий, психологичный человек, не любит внешних эффектов. Мне с ним работается очень легко. И Тихонову тоже. Подружка считает наш альянс счастливым, но без будущего. По ее мнению, такому режиссеру не доверят другие фильмы. Слишком они будут выделяться среди нашей серятины. И я благодарю Бога, что он соединил меня с этим режиссером, Тихоновым… Там и в эпизодах отлично играют Табаков, Шукшина… И наш быт, наши нравы схвачены точно. Скоро фильм выйдет на экраны. Успеха особого иметь не будет. Но, если верить подружке, фильм рассчитан не на широкий круг зрителей, а на вечность. Художественная копия нашей эпохи, а больше походит не на копию, а на саму жизнь. По этому фильму и через века можно будет судить о ней. Так считает подружка.

– Почему же ты не пригласила меня на просмотр?

– Ты был в отъезде, Алеша, но еще успеешь, увидишь.

– Но как ты попала в такой фильм? Расскажи, мама? Может, мне пригодится…

– Как попала? Был кастинг. Моя кинопроба прошла. Я не ожидала. Ведь начальство считало меня несоветской женщиной, а комиссия меня выбрала – как именно советскую и красивую. Шел 1989 год. Времена менялись. Ну и кое-какие мнения, суждения. В общем-то, я считаю, что мне повезло. Вызывает режиссер. Знакомится. Кучинский, – протягивает он мне руку. Глаза чистые, проникновенные, но в душу не лезут, не копаются в ней, а пытаются выяснить, чем я живу. Актриса ли в душе?

– Любовь Григорьевна Полищук, – отвечаю я, для солидности полностью называю имя и отчество.

– Нет, Ирина, – качает он головой. – Отныне вы в этом фильме Ирина – девушка из Сочи. А это ваш жених и в скором времени муж, Константин Гаврилович, – показывает он на

артиста Вячеслава Тихонова.

– Не может быть, – растерянно произношу я. – Штирлиц?

– Не Штирлиц, но чином повыше, – говорит режиссер и заставляет улыбнуться Тихонова.

– Я зампред чего-то, – объявляет Тихонов, – но чего – до сих пор не выяснил.

Познакомились хорошо, по-человечески и снимались легко, без волокиты и споров.

Константин Гаврилович приехал отдыхать в Сочи поздней осенью. Разумеется, в партийный санаторий. Съемки шли на натуре. И отдыхающие натуральные – из глубинки.

«Что за серая публика?» – морщится Константин Гаврилович.

Ему объясняют, что сейчас не сезон, приходится продавать путевки всем, кому придется. В основном представителям производства.

Он заходит в очень модный бар и видит меня. Останавливается рядом и внимательно рассматривает. Я нахально смотрю ему в глаза, догадываясь, что передо мной большой начальник.

– Ухаживать будете? Или хотите сразу переспать? – в лоб говорю я иронично. Трудно далась мне эта фраза. С 10-го дубля.

Он улыбается. Значит, собирается ухаживать. Ведет в валютный ресторан. Туда людей с улицы не пускают, а мне с ним швейцар любезно открывает дверь.

– Константин Гаврилович, а у вас валюта есть?! – удивляюсь я.

Он в ответ опять улыбается и угощает вином неведомой мне прежде вкусноты. Дает понять, что я с ним попала в другой мир. Я об этом мире слышала, но толком не знала. Он, наверное, об этом догадался, и стал знакомить с этим миром. В течение всего фильма я стараюсь вести себя культурно. Я его домой привела, с родными познакомить. А мой зять как увидел его, то сразу ощерился: «Это вы нас загнали в Афганистан и съели нашу колбасу?»

Константин Гаврилович человек деликатный, тактичный, спорить с ним не стал. Мало того, распорядился поставить нам телефон, в очередь на который мы уже стояли десять лет. А вот у типа, стоящего рядом со мной, спросил:

– Муж? Любовник?

– Ни тот, ни другой, – говорю я, – иногда спит со мной.

– Подсыпаю, – ухмыляется тип, – у меня таких…

И что удивляет, мой новый знакомый с ним не ругается, его, такого партийного начальника, не смущает, что я работаю водителем пикапа, завожу в санаторий продукты. Встречает меня.

Иногда случайно. Иногда умышленно. Дарит цветы. И вдруг предлагает мне стать его женой.

– Это как? – выпучиваю я глаза. – Какой женой? И где?

– Нормальной. В Москве, – спокойно говорит он.

Через пару дней уезжает. Я о нем стала забывать, и вдруг от него приходит телеграмма: быть в Москве такого-то и во столько-то. Зять меня ругает на чем стоит свет, считает, что он меня обманывает, что такие, как он, дурачат всю страну. А я ему говорю: «Поеду! Лучше с Константином Гавриловичем жить, чем с пьянью и рванью». Приезжаю. Меня иномарка встречает. С водителем. Но ключ от машины водитель передает мне, «мол, шуруй». Я от московского движения едва с ума не сошла, запуталась в указателях и светофорах, расплакалась, а Константин Гаврилович приказывает: «Возьми себя в руки и езжай. Привыкай к новой жизни и побыстрее!»

Я в конце концов освоилась.

И от увиденного чуть глаза на лоб не лезут. От квартиры Константина Гавриловича, похожей на большой и дорогой музей с картинами ценою в дом. От специальных магазинов и ресторанов, где бесплатно кормят его и таких, как он, а теперь и меня, как его жену. Всем кланяюсь и говорю: «Большое спасибо», а надо произносить одно слово – «Благодарю», чтобы чувствовали разницу со мною. Везет по магазинам, где такие вещи висят – обалдеешь. Все напрочь итальянские и французские. Выбирай, что душе угодно. Я девушка скромная и не транжира, но кое-что отобрала. Если дают. И бесплатно.

Оказывается, что у таких начальников, как Константин Гаврилович, есть специальные привилегии на то, что простому народу не полагается. И знают они все друг друга. И на даче живут рядом. Знакомит меня Константин Гаврилович с соседом по даче. Играет его Табаков. Обаятельный, улыбчивый сосед, как сам Табаков. А сосед оказывается одним из руководителей КГБ. Совсем не похож на Дзержинского. Глаза добрые и часто улыбается, приглашает меня на семейный обед. Я даже подумала, что зря в народе считают всех кагэбэшников зверями. Не все злыдни. Есть даже очень приятные и человечные. Предлагает свои услуги. «А мне они зачем?» – думаю я, но вскоре пригодились. Ведь я по сюжету фильма в Москве родилась. В 1952 году отца арестовали и расстреляли, мама в Воркуте, в лагере скончалась. Я в детдоме выросла. На шофера выучилась. Живу, как все люди. Думала, что у меня полно привилегий: и на работу водителем, и на мужиков, что подворачивались, на продолжение потомства, дочку родила, хотя и без мужа…

Вечером пиво пью, танцую на дискотеке. Чего еще человеку

надо? О том, что можно жить богаче и разнообразнее, – просто не знала. Не приписаны нам были эти привилегии, что Константину Гавриловичу. Почему? Все-таки конституция на всех одна. И отличий за ним особых не числилось, кроме поста, который он занимал.

В громадной стране образовалась, на первый взгляд, небольшая группа людей с особыми привилегиями. И откуда они взялись – не знаю. Вроде сами себе организовали. И тайком. Народ об этом не знает, даже мой въедливый зять лишь чует, что не все в порядке у него в стране, и поругивается.

А если к этой группировке привилегированных присовокупить партийных работников всех уровней на местах, чекистов! В каждом городе, районе и более-менее значительном предприятии, обслугу ГУЛАГа и прочих «закрытых» номерных точек, то эта кучка людей может достигнуть по численности целой армии, и вероятно, не одной. И сколько они наплодили генетически гнилых душой и рвущихся к привилегиям потомков, и если посчитать, какой урон материальный и моральный все они принесли стране…

Об этом даже страшно подумать. А необходимо обязательно. В первую очередь надо извиниться перед теми людьми, что невинно сгнили в лагерях, за счет бесплатного труда которых вырастали привилегии, перед их родственниками. Извиниться перед всеми репрессированными народами, а их около тридцати, и хотя бы вернуть вклады старикам, откладывавших по грошам деньги на сберкнижку, на лечение болезней, на собственные похороны. Не отделаться обесцененной подачкой, а вернуть полным рублем. И стремиться к той обстановке, при которой любой человек, честный и работящий, мог обходиться без охраны, поскольку он не ворует, у него нечего красть и нет никаких привилегий.

Историки утверждают, что первые привилегированные возникли у нас в 1926 году, в городе Сочи, где отдыхали Ленин и Троцкий. Горком Сочи послал в бухгалтерию Кремля требование оплатить пребывание и отдых гостей в городе, на что получил приказ взять эти расходы на местный баланс. Когда это было… Да и привилегии были ничтожными – оплата дач и питания. А сейчас – громадный перечень привилегий, вплоть до бесплатной стрижки. Когда-то, наверное, это все было в диковинку, а сейчас – нормально, люди с этим смирились.

Я постепенно к новой жизни с привилегиями привыкаю, но одна мысль меня заботит – ведь я в Москве родилась и должен быть дом, где мы с семьей жили.

Ищу этот дом. Упорно. Примерно место помню. Людей

расспрашиваю. И вдруг одна старушка вспоминает и моего отца, и мать, и ночь, когда их отвозили на черном воронке. А дальше об их судьбе ей ничего неизвестно. И тут я решила воспользоваться услугами соседа по даче из КГБ, попросила его узнать судьбу моих родителей. Он обещал помочь. Это так сценаристы изобразили. В то время уже каждый человек мог обратиться в приемную КГБ, что на Кузнецком мосту, и подать нужный ему запрос о пропавших в годы репрессий родных.

Но в фильме этого решили не показывать, страшились, что после показа фильма великая очередь выстроится на прием в эту приемную.

Поэтому мне дело отца показали вроде как по блату, по знакомству, через чекистского начальника.

Открыла я пухлое дело. Слева на обложке фотография отца в профиль и анфас. У меня глаза от слез набухли. И только. Это в фильме. А в реальной жизни, в каждом деле были собраны документы о пытках, и о том, как и в чем заставляли заключенных признаваться. Не все родные выдерживали эти выбитые силой признания. Ко многим вызывали «скорую». Поэтому сценаристы решили или им предложили это место обойти, кстати, лишив меня весьма правдивых и эмоциональных сцен, которые я мысленно себе представляла. И вот – пред финал фильма. Я нахожу среди подписей под приговором отца к расстрелу фамилию своего нынешнего мужа. Спазмы сдавливают горло. Я чувствую, что могу лишиться рассудка. Настолько чудовищно выглядит для меня подпись Константина Гавриловича. Узнав, что я ознакомилась с делом отца, он объясняет мне, что первой под ним стояла подпись Маленкова. Ведь тех, кто отказался бы подписать этот приговор, тоже могли расстрелять. Одного наказать проще, а когда много подписей, то это сделать намного сложнее. Это они вынесли себе такую привилегию, чтобы избежать сурового суда, если их приговор будет признан ложным. И привилегия сработала после смерти Сталина, хрущевских разоблачений культа личности. Были расстреляны только те чекисты, (Абакумов, Рюмин, Берия), кто лично разрешал следствие с пытками, лично подписывал расстрельные приговоры. (Обычно это делала не масса лживых подписантов, а тройка юристов КГБ.)

И тут не могу не сказать о Тихонове. Мне казалось, что роль Штирлица давалась ему легче, как героическая и романтическая, что ее играть намного легче, чем суровую и неприглядную правду жизни. Герой Тихонова в этом фильме суров и жесток в своих поступках до конца. Отказывает жене в получении жилплощади, не желает делить свою многокомнатную квартиру и легко

добивается этого с помощью оставшихся у власти друзей с привилегиями.

Они, чтобы освободить его от претензий жены, в нарушение законов и безнаказанно выделяют ей комнатку в Ново-Косино, где она ютится с дочерью, своим ребенком и мужем. Но… Лицо ее спокойно, она купает внука, и когда к ней приезжает Константин Гаврилович, предлагая оставить эту комнату семье дочери, а самой вернуться к нему и жить с ним вместе, она прямо и без робости глядит ему в глаза, под взглядом которых он морщится и тускнеет. Он понимает, что ради получения привилегий в ее глазах выглядит палачом и является палачом на самом деле. А она, в своей убогой комнатке, в застиранном халатике свободна, и душа ее чиста.

Заманчивый груз привилегий не сломал ее, и она теперь не променяет свою честную жизнь ни на какую другую, даже самую богатую, с самыми большими привилегиями, – останавливается Люба, чтобы перевести дыхание.

– Ну и выдала ты, мать! – восторженно смотрит на нее сын. – Но неужели ты считаешь, что не снимешься в другом, не менее интересном фильме? Ведь ты сама говоришь, что жизнь бежит. Откуда ты знаешь, что ждет тебя через день, месяц или год?

– В театре ходят слухи, что собираются ставить спектакль по «Мастеру и Маргарите», – говорит Люба.

– И конечно, Маргаритой станешь ты, мама! Я не сомневаюсь в этом! – восклицает Алексей.

– Может быть, мне обещали, но время бежит, очень быстро, сыграть Маргариту моя заветная мечта. Но… Время бежит и меняется. А «Любовь с привилегиями» я уже сыграла. В 2000 году на международном кинофестивале в Сан-Франциско я получила приз за лучшую женскую роль, а в 2002 году на кинофестивале игровых фильмов во Флориде лучшим был признан и сам фильм. Правда, о церемонии награждения меня наши киноверхи не оповестили. Хотя приглашение пришло. Так что приза у меня еще нет. Обещали передать. Не вручить, а передать. Скажут, когда зайти за ним. Но если верить подружке, а я ей верю, считаю ее редкой умницей и честнейшей женщиной, если верить ей, то я уже прожила свою жизнь не зря.

Глава шестая
Любовь Любы

Существуют в основном два вида состояния одного и того же актера: во время репетиций и после. Актер во время репетиций, разучивающий роль, еще внешне вялый, если текст не очень нравится, делающий вид бывалого человека, у которого все получится само собой, и после – собранный, волевой, готовый к бою – к сдаче спектакля. Бывают подвиды, зависящие от таланта и характера актеров, схватывающих замечания режиссера на лету или принимающих их со скепсисом, считая не способными создать полноценный театральный продукт.

Любовь Полищук относилась к третьему и весьма редкому типу актеров, работающих над ролью во время репетиций, дорабатывающих роль уже после того, как спектакль стал премьерным, потом репертуарным, вплоть до его закрытия, даже потом заряженное когда-то на роль ее сознание могло привести к новому решению той или иной мизансцены и сожалеть о позднем прозрении. И это при том, что Люба была буквально завалена предложениями, текстами пьес, сценариями фильмов и в большинстве из них играла, перелетая из одного города в другой, с концертной площадки на киностудию, она часто давала интервью, которые не любила, отвечала на трафаретные вопросы журналистов о творческих планах, семейном положении и, конечно, о том, собирается ли она выйти замуж или остаться холостячкой, что, наверное, считает наиболее приемлемой для актера жизнью, свободной от бытовых забот и полностью отданной театру.

– Я уже была замужем. У меня растет прекрасный мальчик, – обычно отвечала Люба.

– Значит, уже побывали там! Хватит! – радостно водили по блокноту шариковыми ручками журналистки с неудавшейся семейной жизнью и считавшие, что встретили коллегу по несчастью или, наоборот, – осчастливленную после развода с мужем-бездельником, пьяницей и ловеласом, что обычно сочеталось в одном лице.

Люба понимала, что иногда спешит, не дает отдохнуть ни голове, ни организму, соглашаясь играть в слабых малоинтересных ролях. Но тут, видимо, срабатывали остатки комплекса актерской невостребованности, в которой она пребывала несколько мучительных лет, и не раз испытывала безденежье, вплоть до голодных дней. Мечтала сыграть в какой-

нибудь роли из пьесы Булгакова. Задорно и с воодушевлением, не чураясь своеобразной философии героини, играла Зою Пельтц в «Зойкиной квартире», но звездной и самой яркой, казавшейся недосягаемой, была для нее роль Маргариты в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». В России и, кажется, в Чехословакии и Польше, играли инсценировки этого романа. В Москве актеры Художественного театра создали гастрольный спектакль «Мастер и Маргарита». Именно для показа в других городах. Само руководство театра считало его неприемлемым для своей центральной и легендарной сцены. И не без оснований. Спектакль игрался без специальных декораций, без соответствующих костюмов и грима, но с участием неплохих артистов, особенно хорош и сочен был артист в роли Воланда, но с явно небулгаковской Маргаритой, роль которой исполняла симпатичная длинноногая молодая женщина с ужимками, более свойственными советской секретарше или недалекой аспирантке, чем божественной во всех отношениях Маргарите, какой представляла ее себе Люба. Тем не менее спектакль собирал аншлаги. Люба видела его в Сочи, в малом зале театра, благо он начинался в четыре вечера, и Люба успевала на свое представление. Она шла на спектакль как на праздник, радовалась, что нашлись умные и смелые люди, решившиеся перевести уникальный роман Булгакова на сцену, вопреки множественным театральным критикам, утверждавшим, что постановка «Мастера и Маргариты» на сцене, даже в кино, невозможна, так как при этом пропадает гениальная булгаковская проза, лучшие мысли и непревзойденные яркие сцены, полные искрящихся фантазий и глубокой философии. На первый взгляд, казалось, что эти критики были правы, настолько своеобразным и трудным виделась инсценировка романа. И наверное, только талантливая и смелая молодежь Художественного театра, кстати, почти не занятая в других спектаклях театра, решительно и неробко заявила о себе, о своих незаурядных способностях, взявшись за работу, по общему мнению, неосуществимую. Полноценного спектакля, конечно, не получилось, на что постановщик и не рассчитывал, но отдельные сцены по мотивам романа явно удались. Тот спектакль был по-своему предтечей любимовского «Мастера и Маргариты» в Театре на Таганке, где удачно переплетались не все, но основные линии романа, и спектакль стал явлением в истории русского театра.

И была актриса, возможно, не одна, была Любовь Полищук, мечтавшая сыграть Маргариту еще до первых инсценировок романа. Она перечитала его несколько раз и вслед за автором повторяла наиболее сильные в ее представлении места из романа:

«Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами! Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его».

Сердце Любы едва не останавливалось, когда она читала эти строки. По своему пониманию жизни, по творческим возможностям она была намного выше материала, который исполняла на сцене. Знала ли она об этом? Думала ли? Переживала и страдала ли от этого? Кто скажет? Заметил ее душевные порывы и возможности молодой кинорежиссер Владимир Кучинский – постановщик фильма «Любовь с привилегиями». Не заметили или не хотели замечать другие кинорежиссеры, живущие вполне обеспеченной жизнью, пробавляясь съемками фильмов о гражданской войне, борьбе с кулаками и басмачами, врагами народа, ставившие бледные трафаретные фильмы о Великой отечественной войне, примитивные кинокомедии, фильмы о послевоенном строительстве на уровне ударной укладки бетона и робкого поцелуя героев в конце фильма. Были исключения, картины страстные, полные боли за нищету людей, воевавшие с бюрократизмом и серостью жизни. Но такие фильмы можно было сосчитать по пальцам одной руки. И кто, кроме самой Любы Полищук, думал о ее судьбе, невостребованном в необходимой мере ее таланте? В общем-то, мало кто. В последнее время – Марк Захаров, Эльдар Рязанов… Хотели дать интересные роли. Но ее на эти роли не утверждали киноверхи. На одном из собраний в Театре «Эрмитаж» Михаил Левитин, докладывая труппе о планах театра, перечислил пьесы и авторов, с которыми театр собирается сотрудничать в ближайшие годы. Послышалось: «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова.

– Что? – переспросила Люба.

– «Мастер и Маргарита», – повторил Левитин.

С годами он осознал, что прав был Любимов, назвав его, своего ученика, в большей мере балетмейстером, а не политиком, далеким от социальной темы в пьесах. Но шло время, серьезнел Левитин. Его ум стали занимать Чехов, Достоевский, лучшие зарубежные драматурги, и название спектакля по роману Булгакова он объявил без особых эмоций, в ряду других. А Любовь Полищук вспыхнула, уже загорелись глаза и, чтобы не привлекать к себе внимание других артистов, она, прикрыв лицо рукой, вышла из зала. Ведь роль Маргариты не официально, а

предварительно, в разговорах о спектакле, была обещана ей. Люба дала себе установку – успокоиться. Когда еще дело дойдет до работы со спектаклем. И планы часто остаются планами. Увы, такова наша жизнь. Даже индустриальные, не говоря о театральных. И волнений другого рода у нее хватало.

Сначала на горизонте, а потом все ближе и ближе замаячил жених. Дружа с Любой, я почему-то никогда не задумывался о ее личной жизни. Раз-два, не более, видел первого мужа. Нормальный с виду парень. В личные отношения их не вникал, и вообще чужая личная жизнь для меня была запретной для размышлений. Раз, подумав, удивился, что такая красивая женщина ведет одинокий образ жизни. Может, официально числится холостой, а на самом деле…

В 1978 году, когда я звонил ей домой и договаривался о поездке в Новосибирск, чаще всего трубку брал юноша, почти детский голос сына сообщал мне, что мамы нет дома и когда будет. Несколько раз, может всего один, поднимал трубку молодой мужчина с цыганским или южным акцентом – не помню. Говорил уважительно. А сама она в разговорах со мной о своих поклонниках не упоминала. Это понятно. О таких делах чаще говорят с подругами. И вообще года два с лишним моя судьба сложилась так, что я ни разу не виделся с Любой. Но вот как-то стою я на набережной курортного поселка Коктебель, в разгар жары, прячась в тени, под деревом у столовой Дома творчества писателей, и вдруг ощущаю на себе чей-то пристальный взгляд. Поднимаю голову и вижу крупную женщину, беременную, с очень большим животом, а над ним возвышается головка Любы Полищук. Она скользнула по мне взглядом и отвернулась, видимо, не захотела объясняться, и чувствовала себя стеснительно. Ведь последний раз мы виделись в Новосибирске, когда она была стройной и хрупкой. Женщина в положении, подумал я, обычное дело. Теперь года на два выпадает из театральной жизни. О том, кто стал ее мужем, я узнал позднее и не узнать не мог, так как он, как и вся его семья, были старожилами Коктебеля.

Я отдыхал там с 1966 года, почти каждый год, до вступления в Союз писателей жил в частном секторе, а он – в Доме творчества, и сферы общения у нас были разные. Мужем Любы Полищук стал Сергей Цигаль – внук известной писательницы, лауреата Ленинской премии Мариэтты Сергеевны Шагинян, автора нашумевшей Ленинианы. Потом у нее появился в Коктебеле собственный дом. Как произошло знакомство и замужество Любы и Сергея, я узнал из описания одной из ее самых близких подруг – писательницы Аллы Боссарт, к тому же

женщины умной и тактичной, а иных подруг, кроме тех, что были под стать Алле Боссарт, в те годы у Любы не существовало. Могла бы еще стать Алена Стрельмах – душевная и трепетная женщина.

В первый раз Сергей увидел Любу в телеспектакле «Эзоп». Увидел женщину античной красоты, как говорили киночиновники, с несоветским лицом, безумно влюбился в нее и без раздумий сказал друзьям: «Это – моя!» И так хотел познакомиться с нею, что быстро разыскал в театре миниатюр у Михаила Левитина. И каждый вечер, когда игрался спектакль «Хармс, Чардамс, Шардам, или Школа клоунов» ходил в театр как на работу. С букетом цветов. Спектакль был своеобразным, с массой режиссерских выдумок, с уморительной до смеха игрой клоунессы Любови Полищук, и смотреть его часто было не зазорно, а даже поощрительно. Тем более для человека темпераментного и обладающего незаурядным чувством юмора. Но весьма скромного и даже стеснительного в таком важном деле, как знакомство с очень нравившейся ему женщиной, к тому же актрисой.

Люба отвечала в одном из интервью: «После развода с первым мужем мы вдвоем с сыном прожили 12 лет. А потом я встретила Сергея – своего второго мужа. Знаете – сначала я его не «разглядела». Но мужчина не должен сдаваться сразу. Он обязан быть упрямым, настойчивым, завоевать женщину. И Сергей меня завоевал. Через какое-то время я поняла, что это – мой человек, что мы совпали».

Алла Боссарт считает, что Любе повезло бы в жизни больше, если бы ее мужем стал какой-нибудь великий режиссер. При ее мощном трагикомическом характере на эту роль лучше других подходил Феллини. «Но им стал Серега Цигаль, художник, врун, болтун и хохотун, больше похожий на нее, чем она сама. И это, думаю я, было самым крупным выигрышем в игре – жизни Любы Полищук», – утверждает Алла Боссарт.

Не буду с ней спорить. Зачем? Во-вторых, с тем, что апробировано одной жизнью, может поспорить только другая жизнь. А где ее взять? Действительно, поначалу Сергей Любе не «глянулся». Тогда его стали обкладывать как волка. «Пол-Москвы включилось в это знакомство. Золотой мальчик из коктебельско-арбатской детской должен быть ей представлен. Серьезно. И по полной форме. Ему сказали, что она любит цыган – якобы в это время у нее с цыганом был роман. Ромэн-роман. Отбить и перебить! И является. Рожа круглая, щеки красные, на голове какая-то чащоба – всей этой красоты с косичкой и здоровенными усищами еще не было. Брючки короткие, ботинки на высоком каблуке и ходит как-то боком, как петух, заваливаясь на сторону».

Я в те годы Сергея не знал, и полностью отдаюсь мнению подруги. Не спрашивать же у Сергея, каким он в то время был. Он мог бы и забыть, к тому же такой пылкий влюбленный человек бывает не полностью адекватен.

Подруга у Любы честная и не завистливая. Ей и слово: «Ботиночки жали, одолженные у дружка. Любка же длинная, особенно на сцене, боялся, что будет ниже ростом. Смотрит красавица, примечает: ох и чучело, и грязь под ногтями (а грязь рабочая, между прочим, ювелиркой жил, въедается намертво).

«Не сойдемся, – думает, – разгильдяй какой-то, я и сама такая».

Но после прокатил ее по льду на своем «жигуленке» – грязном, все в шерсти от собак, но пахло вкусно… И машину занесло, и он бедовый! Глянулся – короче. После театра, как водится, поехали в ресторан ВТО, там Люба, чтобы получше выглядеть, махнула для начала три бутылочки пивка. Маленькие такие бутылочки… «Двойное золото». Сказочное было пиво. И все понравилось! Все! Что все 49-го года, все тельцы, как и она. Прекрасные художники, прекрасные мужики… А этот с ногтями, на каблуках – прекраснее всех. Никогда не было Любане так тепло и уютно. Все на душу легло, все – свое. Может, созрела? Сережа, сравнительно молодой холостяк, был в том замечательном состоянии, какое бывает между браком первым и вторым. Но чтобы прямо немедленно жениться… (Тут он призадумался и малость испугался. – *В. С.*) Но невеста оказалась беременной. Сама даже удивилась, вроде так мало знакомы. А один сыночек уже живет без отца. Хватит, пожалуй. И Люба произносит фразу, знаменитую в семейных анналах: «Либо ты делаешь мне предложение по всей форме. Либо я делаю тебе аборт». Чувствовала, что в ней девочка. Ужасно хотелось ее, маленькую, носатенькую, с хрустальным голосишком, с 42-м размером ноги».

Возможно, в мечте о ребенке Алла Боссарт допускает свои фантазии. Но важно другое – в ее воспоминаниях четко и интересно описаны характеры Любы и Сергея, их пред брачные взаимоотношения, которые непременно скажутся в дальнейшей актерской жизни Любови Полищук.

Пора рассказать о семье, в которую непросто было войти Любе, в очень известную семью писательницы Мариэтты Шагинян, награжденной орденом Ленина, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Знаком Почета, удостоенной звания героя Социалистического труда и Лауреата Ленинской премии (1952 г.).

Многочисленные награды оценивают лишь одну сторону научно-литературной деятельности Мариэтты Сергеевны Шагинян, посвященную жизни и работе создателя советского государства Владимира Ильича Ленина. Но существовала и другая, не менее, если не более интересная часть ее деятельности, относящаяся отнюдь не к ленинцам, а к противникам его режима, полная дружеского к ним расположения. Как уживались в характере этого неутомимого писателя и научного работника эти две противоположные сферы – ответить трудно, и разгадка этого странного явления, по-моему, еще впереди.

Отец Сергей Давыдович Шагинян, сын армянского священника, талантливый врач-диагност, умер совсем молодым, сорокалетним. Мать, Пепронэ Яковлевна, из армянского купеческого рода Хлытчиевых, отлично играла на рояле. Братья и сестра – незаурядные музыканты и художники.

Смерть отца настигла Мариэтту, когда ей было тринадцать лет. Поскольку у матери не было средств, Мариэтту и ее младшую сестру Лину определили в привилегированный полу дворянский пансион Ржевских. Девочка растет с сознанием, что с самого начала должна надеяться только на себя. Позднее она гордилась тем, что «начала свою трудовую биографию в том же возрасте, что и большинство производственных рабочих». Поэтический дебют девочки был удачен. Она примыкает к поэтическому течению символистов, где тон задавали Александр Блок, Анна Ахматова, Валерий Брюсов. В поисках истины Шагинян металась от религиозно-философского общества декадентов Зинаиды Гиппиус и Мережковского до рабочих кружков.

Осмысливая свой трудный путь к истине с озарениями и блужданиями, Шагинян написала: «Я не могла при всей моей личной любви к Гиппиус не видеть, что это смешно и что мои «боги» – слабые, никчемные, больные фантазеры, ни для какой настоящей борьбы непригодные».

Великая Октябрьская революция ускорила социальное развитие Мариэтты Шагинян. Влюбленная в творчество Гёте, она вдохновенно пропагандировала читателям его творчество.

Революцию она встретила на Дону и считала усилия генералов Деникина и Краснова задушить революцию «роковой ошибкой в важнейшую минуту столетия».

Работая над повестью «Перемена», Шагинян говорит об исторической обреченности монархистов и белогвардейцев, интервентов и гетманов. И с симпатией рисует характеры тружеников революции. В дни, когда Шагинян работала над очерком «Фабрика Торнтон», совпали с годовщиной смерти

Ленина. Поэтому на титульном листе очерка ее посвящение «Памяти Ленина», а в приложении документы из собрания его сочинений. Она пишет взволнованное стихотворение «Смерть Ленина», а затем статью «Ленин». Одновременно Шагинян заявляет о себе как писательнице детективного жанра. Ее романтическая трилогия «Мисс-Менд, или Янки в Петрограде» потом удачно экранизирована с участием ведущих актеров И. Ильинского и А. Кторова. Основная пружина действия фильма – противоборство рабочих и капиталиста, который через сомнения и курьезы приходит к пониманию Октябрьской революции, к «чувству реальности нового мира, создающегося на Земле Советов».

С осени 1927 г. Мариэтта Сергеевна поселяется в рабочем бараке на строительстве Дзорагэса и создает повесть «Гидроцентраль», собирает для нее материал «не как грибы, а подобно меду, т. е. путем собственной шкурной биографической переработки». За участие в строительстве «Дзорагэса» Шагинян награждают орденом «Трудового Красного Знамени». «В победу верю», – с этих позиций она создавала свои огневые очерки о тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны.

В 1943 г. она пишет исполненные лиризма и задушевности «Воспоминания о Рахманинове», с которым была знакома и который отобрал из ее сборника несколько стихотворений для своих романсов. В том же году встречается с Дмитрием Шостаковичем и в будущем создаст произведение «Пятьдесят писем Д. Д. Шостаковичу». В его сочинениях, рожденных в блокадном Ленинграде, она услышала выражения собственных мыслей и желаний. А ведь оба ее знакомых гения были не в чести у Советской власти. Но она не побоялась защищать Шостаковича от несправедливых нападок Сталина и его соратников. А Рахманинов, о котором она писала с искренней теплотой и признанием, вообще был эмигрантом и поборником Февральской революции. Вот, как может показаться странной, вторая сторона деятельности Шагинян, дружба с людьми талантливыми и гуманными.

Тем не менее она, верная принципу историзма, считала закономерностью свершение великой Октябрьской революции и появление ее вождя – Владимира Ильича Ленина. Ее Лениниана – это романы-хроники о вожде революции, начиная с его юношеских лет, с описания его семьи и дальнейшей революционной деятельности, до полной победы социализма в стране. Но тут она совершает «политическую» ошибку или просто говорит, как честная и принципиальная женщина, о том, что мать Ленина – Маша Бланк – имела еврейские корни. Ей долго не

могут простить этого и принимают в партию лишь в 1943 году. Но она упорно продолжает описание его жизни и буквально идет по следам человека, которого считает величайшей личностью эпохи, великим борцом за дело пролетариата и мыслителем-теоретиком коммунистического общества. Она узнает о нем буквально все, вплоть до сложных интимных отношений с Крупкой и Армад. Она не могла не читать слова о Ленине Ивана Алексеевича Бунина, Лауреата Нобелевской премии по литературе: «Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру как раз в самый разгар своей деятельности нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки мир настолько сошел с ума, что среди бела дня спорят, благодетель он человечества или нет?» (Из речи, произнесенной в Париже 16 февраля 1924 г. – *В. С.*).

Мимо Мариэтты Сергеевны не мог пройти факт, отмеченный наркомом здравоохранения Семашко о том, что при вскрытии в голове Ленина вместо мозга обнаружили зеленую жижицу.

Мариэтта Сергеевна прожила большую жизнь – 94 года и, конечно, читала высказывание ученого историка Д. А. Волкогонова о том, что рано или поздно в истории все становится на свои места. Еще в 1955 году он напомнил людям, что «история лаврами победителей увенчивает своих лауреатов обычно много лет спустя. Ленин казался победителем на все времена, но в его октябрьском триумфе Милюков, Мартов, Плеханов, Керенский и другие проницательные россияне увидели смутные очертания неизбежного исторического поражения. Сегодня мы знаем, что именно они оказались правы». Мы – это еще не значит весь народ. Даже в среде интеллигенции ходит мнение и весьма уверенное, что святое дело Ленина исказил Сталин. На полных аншлагах идут спектакли, посвященные этой теме: «Мы – победим», «Большевики»… Даже такой смелый и прогрессивный поэт, как Андрей Вознесенский, со свойственным ему темпераментом требует: «Уберите Ленина с денег». Мариэтта Сергеевна, уже, наверное, многое понявшая из происшедшего в стране за последние 80 лет, не высказывается на эту тему. Трудно, а может, и невозможно расставаться с образом человека, создаваемого ею в литературе всю свою жизнь. Ее творчеством восхищаются многие умные и известные люди, приезжают с визитами дружбы к ней в Дом творчества «Переделкино» Райкин, Утесов, Русланова и Гаркави… Одну из своих лучших книг посвящает Аркадию Райкину – «борцу за справедливость».

Шагинян в юные годы была прекрасной шахматисткой, разбирала партии ведущих гроссмейстеров мира. Очень ждала

матча на первенство мира между русским эмигрантом чемпионом Александром Алёхиным и надеждой советских шахматистов – молодым и талантливым Михаилом Ботвинником. Внезапно Алёхин умирает. Своей ли смертью? – мучает Шагинян вопрос. Ведь советское правительство не было уверено в победе своего представителя, а поражение его пережило бы очень сильно и расценило как удар по системе социалистических приоритетов и ценностей. Говорят, что причиной смерти Алехина стала застрявшая в его горле кость. В те же годы от отравления с голливудском ресторане умирает композитор Самуил Покрасс, эмигрировавший в Америку автор песни «Красная Армия всех сильней» и написавший там музыку к фильму «Три мушкетера», обошедшему весь мир, что очень разозлило Сталина. Отравление свалили на белую эмиграцию. Как было на самом деле? Кто теперь ответит на этот вопрос? Найдутся ли какие-нибудь документы по этому вопросу? Может, в закрытых делах Лубянки или в секретных думах Мариэтты Шагинян, если они существовали. Она любит своих родных и заботится об их будущем. Свою последнюю книгу «Человек и время» посвящает «дочери Мирэли, внучке Леночке, правнуку Славику, внуку Сереже» – будущему мужу Любы Полищук. О Ленине Мариэтта Сергеевна писала много и вдохновенно, о Сталине – ни слова.

Люба Полищук ощущает в своем новом доме атмосферу свободы и раскованности, демократизм мнений, гуманизм поступков: сама Мариэтта Сергеевна даже не упоминает о Ленине, доброжелательна к Любе, а свекровь считает, что если ее любимый сын выбрал в жены эту женщину, то она самая прекрасная на свете, и впрочем, многоопытная свекровь была недалека от истины.

Знакомство с нею произошло неожиданно. Люба шла к себе домой по Арбату, позвонила, жених говорит: «Заходи давай, мама навертела котлет». Котлеты терпеть не могла, но пошла. Заходит, вся из себя индифферентная. А квартира то! До потолка – картины. Третьяковка. (Мирэль Шагинян – отличная художница. – *В. С.*) Книги бесконечные, портрет Мариэтты Шагинян – Люба и не знала, что Серега ее внук. В семье считали, и не без юмора, что бабушка, то есть сама Мариэтта Шагинян, сказала две великие вещи. Провожая внука в армию, в Туркмению, охранять зэков в пустыне, Мариэтта вскричала: «Что, Ашхабад? Только не есть немытых фруктов!» Вторая гениальная фраза была: «Имей в виду, что тебя будут бить дети рабочих и крестьян», Как считает подруга Любы Алла Бассарт, невеста как-то мало знала о женихе и не придавала этому значения. Главное – парень из интеллигентной семьи, с художественным уклоном, близок к

искусству, а значит, и к театру. Ведут Любу в гостиную, дают котлеты. С испугу съела одну – понравилось. Котлеты назывались «крэм».

А через пару дней, «по всей форме», как требовала Люба, является жених с веничком гвоздик: «Ну вот. Руку и сердце предлагаю». Люба, между прочим, гвоздики ненавидела и с ходу, придумав, говорит: «А мама твоя мне сказала, что тебе дали деньги на розы, подлюка». Вот так замечательно, весело и щедро, работая и шутя до изнеможения, открытым для гостей домом Цигаль и Полищук зажили счастливой жизнью. А зажима мнений, «ленинской дисциплины», неукоснительного единомыслия, которые якобы существовали в семье Мариэтты Сергеевны Шагинян и ее родных, Люба ни разу не ощутила. Однажды Любе раздался звонок из Кремля. Приглашали на вручение диплома Народной артистки России. Приглашали от имени президента Бориса Николаевича Ельцина.

– Не пойду, – вдруг огрызнулась Люба. – Пусть сначала выведет войска из Чечни.

– Не пойти нельзя, – сказала Мирэль, – все-таки приглашает наш президент.

И Сергей поддержал маму. Люба вернулась из Кремля недовольная и буркнула только одну фразу: «Был трезв. И на руке не хватало двух пальцев». А через пару месяцев, когда у Ельцина спросил телеведущий: были ли у него за время президентства какие-нибудь серьезные ошибки? Ельцин склонил голову: «Была одна и очень серьезная ошибка – война в Чечне. О чем очень сожалею». Слушая его ответ, Люба ткнула пальцем в телевизор:

– Я же тебя предупреждала!

«Жизнь прожить – не поле перейти», тем более прочувствовать чужую жизнь, о которой пишешь книгу.

Я вновь вспоминаю Любу перед выходом на сцену, притаившуюся за темными кулисами в концертном зале Новосибирска, ее грустноватые с оттенком обиды глаза. И опять думаю, почему именно меня она предупредила о том, что пускается в гастроли после запоя. С одной стороны, понятно – я пригласил ее в поездку и ответствен за концерт. Но она была абсолютно трезвой. В ней не сидело ни грамма хмеля. Она вела себя нормально, вполне адекватно происходящему и в аэропорту Домодедово, и по приезде в Новосибирск, и в концертном зале. Разыгрывала меня? Проверяла на человечность? Не устрою ли я ей экспертизу на алкогольное отравление, как водителю дальнобойщику? У меня было много врагов, циничных и жестоких, но додуматься до такого – даже у них просто не хватило бы хитрости. В чем же дело? Остается думать, что Люба

чего-то боялась. Человеку, не посвященному в жизнь студентов эстрадной студии, расположенной под сценой летнего театра на ВДНХ, мой вывод может показаться странным, но иного я не нахожу. Люба боялась голодного обморока, могущего произойти с нею на сцене во время номера, когда будут напряжены последние силы. Признаться мне в том, что не ела несколько дней, и хотя бы одолжить деньги – стеснялась. И вот придумала не существовавшую пьянку, на всякий случай, если что произойдет и она не сможет довести номер до конца. Чтобы понять ее состояние, нужно знать, что стипендия студентов эстрадной студии была в несколько раз меньше самого низкого прожиточного минимума. И случалось, довольно часто, что студенток студии, как и находившихся в таком же материальном положении учениц школы циркового искусства, милиция задерживала на Курском вокзале, где они промышляли проституцией и не для обогащения, а ради элементарного пропитания. Начальство студии и школы знали об этом, сочувствовали своим студенткам, но помочь дельно не могли. А нагрузки в этих учебных заведениях, особенно у гимнастов, жонглеров и других представителей оригинальных жанров, были очень велики.

В дни знакомства с Любой Полищук я работал, а точнее, писал тексты для новоиспеченного выпускника эстрадной студии Евгения Петросяна (тогда еще Евгения Петрова. – *В. С.*). Он участвовал в молодежной программе «В жизни раз бывает восемнадцать лет», обаятельный, живой паренек, искренне стремившийся познать секреты эстрадного разговорного жанра и стать профессиональным конферансье. Постепенно обрастал сатирическими текстами. Около пяти лет мы с ним работали дружно и благотворно, но потом он стал увлекаться чисто развлекательными монологами, и пути наши разошлись, хотя мы остались друзьями. Я рассказываю в этой повести о нем не случайно. Мне пришлось побывать на его свадьбе с Олей – дочерью известного певца Ивана Семеновича Козловского. Оля готовилась стать филармонической чтицей, наверное, рассказывала о друзьях отцу, и тот однажды позвонил мне и сердечно похвалил за рассказ «Белые вороны», напечатанный в «Литературной газете».

Петросян уже получал ставку конферансье – 9 р. 50 к. (при 15–18 концертах в месяц), но почти все деньги отдавал режиссерам телевидения, постепенно продвигавшим его на экран.

Но даже он, уже дипломированный артист, смог пригласить на свою свадьбу только пять человек и, будучи человеком не расточительным, но и абсолютно не жадным, угощал гостей

котлетками люля-кебаб из обычной кулинарии (13 копеек за штуку), помидорами и огурцами. Спиртное гости принесли с собой.

Можно себе представить, как жила Любовь Полищук с сыном, отдавшая все свои крошечные сбережения на приобретение квартиры. Насколько грустной она выглядела перед началом концерта в Новосибирске, насколько радостной, если не счастливой, веселой, шутливой и даже игривой после расчета за них в бухгалтерии филармонии, получила деньги сразу за двадцать концертов (больше месячной нормы в Москве), да еще с надбавкой за ведение, которую я записал на нее как премию за отличную работу. И, видимо, нечасто светила ей удача в жизни, если она запомнила этот случай и спустя тридцать с лишним лет напомнила мне о нем.

Примерно такую же радость, но уже более серьезную, сердечную, испытала Люба, очутившись в доме Сергея Цигаля. Обстановка культурной добропорядочной семьи приподняла ее в собственных глазах и главное – пришло душевное спокойствие, никогда не испытанное раньше. Будущий муж сразу не «глянулся» ей – ростом ниже ее, с «чащобой» на голове, немного неугомонный, но уже первый его мужской поступок – приглашение жить в их доме ее сына Алексея сделал его в ее глазах рыцарем из рыцарей. Истосковавшаяся за время отсутствия сына, она даже не могла сразу осознать, что завтра он будет с нею, и послезавтра, и так каждый день… Хотела поблагодарить за это каждого члена семьи в отдельности и стать на колени перед мужем.

Вот что по этому поводу рассказывает сам Алексей:

«Я долгое время, до 13 лет, учился в интернате – мама отдала меня туда, потому что другого выхода у нее не было, и, естественно, общался там с людьми из соответствующих семей. У многих ребят родители пили, у большинства отцов не было вообще. А ребенок ведь все воспринимает как данность. По-собачьи. Если собака сидит на цепи в будке, а рядом с нее миска с пойлом, ей кажется, что у всех собак в мире жизнь точно так же устроена. Ей и в голову не придет, что есть песики, которые лежат на пуфиках, которых носят на руках, холят и лелеют, кормят только деликатесами. Я рос в семье без отца, учился в интернате и думал, что так и должно быть, что все семьи так же устроены – родители сбегаются, заводят детей, а потом разбегаются. Нет, я, конечно, знал, что у кого-то бывают и нормальные семьи, с папами, но считал, что мы относимся к… другой касте, что ли. До того времени, пока у меня не появился отчим, Сергей Цигаль, и я не начал учиться в обычной школе».

Не исключено, что развод Любы Полищук с Валерием Макаровым произошел на материальной основе, ведь он получал такую же нищенскую стипендию, как и Люба, после рождения ребенка не мог содержать семью и ушел из нее, на другие заработки, на работу, далекую от престижной, переживал это, запил, но алименты переводил регулярно и, как говорила мама, «стихи замечательные писал…» Видимо, не все было так просто, как кажется Алексею. И не случайно мать Валерия обижается на то, что он ей не пишет, не звонит… «Она для меня посторонний человек, – рассудил он, – раз у меня не было отца, соответственно, и бабушки тоже». Вряд ли он прав. Бабушка есть бабушка, тем более любящая его.

Люба в первое же посещение дома Цигалей обратила внимание на стоящий на самом видном месте портрет Мариэтты Сергеевны. Глава семьи самый уважаемый человек здесь. И никогда ни одного плохого слова в ее адрес здесь не прозвучало. Даже упрека. Прощали ее глухоту, близорукость. Старались сделать так, чтобы она не замечала, не чувствовала свои физические недостатки. Лениным не восторгались, но и никогда не ругали его. Книги – гордость Мариэтты Сергеевны – занимали почетные места на полках. И Любе все это было приятно. Любовь и уважение к родному человеку передаются людям, даже не знакомым с ним.

Сережа Цигаль, внук Мариэтты Сергеевны, как-то наткнулся на связку писем одной из коктебельских старушек, принялся читать и нашел там строки о себе: «Смерч и маленькая обезьянка шатался только по потолку». Видимо, старушка отмечала его непоседливость, неугомонный характер и тягу к фантазийным приключениям, мысленную, в виде мечты. Потом, когда они с Любой были уже вместе, вдруг пускался в воспоминания: «Помнишь, на Арбате было потрясающее суфле? Немножко забывал, на каком он свете» (Алла Боссарт).

Люба хорошо помнила детство. Мать поднимала их в четыре утра. Любу в правую руку. Гальку, сестру, в левую, братика на грудь – и неслись по магазинам. Потому что в одном давали масло, в другом сахар, а в третьем – муку. Мама занимала сразу несколько очередей и предъявляла всех детей, чтобы наглядно были, мол, я не одна, а нас четверо. Одним документам могли не поверить. И так до девяти утра, перебежками, из магазина в магазин. Сережиным родителям тоже в эвакуации пришлось нелегко. Молодой художник Виктор Ефимович Цигаль ушел на фронт добровольцем в танковый корпус, и мама, дивная художница Мирэль Шагинян просто-напросто голодала, не имея рабочей карточки.

В Москве Любе пришлось несладко. После развода с мужем спала на полу, на одном матрасе с Лешкой, и не в отдельной комнате, а в трехкомнатной квартире, забитой шумным народным ансамблем песни и пляски. Из мебели кроме матраса ящики из-под овощей. Но при всем этом ухитрялась искать подходящие для исполнения тексты и репетировать их. В 1978 году на Всероссийском конкурсе артистов эстрады Любовь Полищук заняла первое место с монологом М. Жванецкого «Я рыцаря жду». Но показать его по телевизору ей не разрешили. Сама неизвестно кто. Горячая. Недоступная. Никто не замолвил о ней слова. И монолог грубоватый (по прежним временам дистиллированных текстов). Второе место на конкурсе поделили Виктор Винокур и Леонид Филатов. Театральные люди. Им было проще. А в душе Любы поселилась обида, и она стала мечтать о моноспектакле: «чтобы рядом не было никаких идиотов». На эстраде судьба у нее не сложилась. И слава богу. Театр выше и по драматургии и по актерской культуре. А между прочим, Люба по своим внешним и актерским качествам уже тогда могла претендовать на участие в самом блистательном шоу, как суперзвезда первой величины, как русская Лайза Минелли. За границей ей бы было легче. Там понимают толк в звездных актерах и не жалеют средств, чтобы раскрутить их. Люба видела, как «пропадал» изумительный танцор Владимир Шубарин. Вскоре начали травить гениального клоуна Владимира Енгибарова.

Но жизнь временами бывает весьма справедлива и приготовила Любе Полищук замечательную встречу с Сергеем Цигалем, рядом с которым забывались все прошлые неудачи и обиды.

Глава седьмая
Любовь Полищук в истории Коктебеля

Мариэтта Сергеевна Шагинян в послевоенное время приобрела за копейки заброшенный дом в Коктебеле и превратила его в своеобразную виллу советского образца. По нынешним временам это скромный, но ухоженный дом, где хозяйствует Люба Полищук, а поскольку десять месяцев из двенадцати она играет в московском театре, то заботы по уходу за домом ложатся на ее мужа. Он не очень прилежно, но усиленно справлялся с ними. Дом расположен в центре поселка, в тихом месте, где даже редко появляются машины. На стенах живопись и графика старых и новых мастеров, в том числе Сережиного отца – Виктора Ефимовича Цигаля. Дом охраняет собака – русская борзая. Спокойная по характеру собака. Когда тут последний раз была Мариэтта Сергеевна, наверное, не помнит даже она сама.

Но юность, проведенную здесь, невозможно выбросить из памяти.

Курортный поселок Коктебель – это чудо природы, раскинувшееся между красивейшей бухтой, полынной степью и диковинными, разноликими и разноцветными горами, в течение дня меняющими окраску в зависимости от расположения солнца. С давних пор Коктебель манил в свои объятия и необыкновенной красотой, и зарядом духовной и физической энергии, которые здесь получали писатели, художники, артисты и вообще люди, способные понимать прекрасное и поклоняться ему. В последнее время, приблизительно с 2000-го года, когда в Крым провели водный канал и «подмочили» целебный и сухой климат, и когда местная канализация, спускающая отходы в море, не смогла даже в удобоваримой степени справиться с числом отдыхающих, поселок посерел, погрязнел, вода в море помутнела, горловая и желудочная инфекция стали летним бичом поселка, он тем не менее в какой-то мере сохранил свою популярность, но не за счет москвичей и ленинградцев, ранее заполнявших его летом, а за счет своих новых гостей из разных городов Украины. Мариэтта Сергеевна долгое дачное время проводила в Доме творчества писателей вместе с Мариной Цветаевой, Алексеем Толстым, Осипом Мандельштамом, часто приезжающим сюда из Феодосии писателем Александром Грином и, разумеется, с основателем Дома творчества поэтом Максимилианом

Волошиным. Здесь отдыхал Михаил Булгаков со своей второй женой, тогда еще мало кому известный писатель, и, если бы Мариэтта Сергеевна знала, что он был лично знаком с женой Ленина Надеждой Константиновной Крупской и та помогла ему прописаться в Москве, то, возможно, обратила бы на него внимание, но этого не случилось. Здесь, на горе Планерной, построил свой первый планер великий первопроходец космоса Сергей Королев. Сюда приезжал молодой пианист Святослав Рихтер в гости к своему учителю профессору Станиславу Нейгаузу и дал для него и отдыхающих два концерта в летнем зале местного кинотеатра. Коктебель был излюбленным местом отдыха артистов, музыкантов, начиная от кинорежиссера Сергея Герасимова и его жены актрисы Макаровой, включая Викторию Лепко, Евгения Весника, Валентина Гафта, Савелия Крамарова, Геннадия Хазанова, Семена Фарады… Здесь отметился даже ставший телегероем Евгений Петросян, пройдя по центральной аллее Дома творчества до набережной, где пересел в машину и был таков. Сюда приезжала на открытие ресторана «Эллада» тогдашний министр культуры Екатерина Алексеевна Фурцева. Она окинула небрежным взглядом темнеющую гору Карадаг и, опустив голову, переместилась на сиденье черной «Волги». Наверное, государственные заботы не позволили ей разобраться в истории этого незаурядного поселка, тем более что она знала, что здесь постоянно работает Дом-музей Максимилиана Волошина, до сих пор привлекающий сюда любителей художества и истории со всего мира. «Волошин – это наше всё», – говорят коктебельцы, перефразируя известную фразу о значении Пушкина для России. И они по-своему будут правы, хотя в поселке побывало немало известных людей, но никто из них не сделал столько полезного для Коктебеля и не прославил его, как Волошин. Именем Волошина названа центральная часть набережной Коктебеля, уложенная красивой цветной плиткой и построенная на средства новых украинских олигархов во главе с Анатолием Киннахом. Здесь ежегодно проводят джазовые фестивали.

Люба побывала на первом из них. Проходила мимо скопища людей, глазеющих на аляповатый портрет художника, вокруг головы которого была разрисована гирлянда нот, послушала ростовский ансамбль, исполняющий блатные мелодии, и прошла мимо. Потом она заинтересуется жизнью Волошина, и ей в меру своих знаний пообещает рассказывать о нем истинный фанатичный историк Коктебеля Борис Яремко. Он помнил «Соловьевку» – дом, где у безногого инвалида войны Соловьева в шестидесятые годы собирались непризнанные властью художники, поэты. Писали картины, сочиняли стихи и заливали

неудачи дешевым сухим вином. Потом «Соловьевку» спалили как гнездо инакомыслия и «разврата». В голову Любы даже не пришла мысль о том, что она малой частью, но войдет в историю Коктебеля и не тем только, что здесь жила, но и тем, что спасла тут жизнь человеку Звали его Русланом, и родился он еще задолго до ее появления в Коктебеле.

В конце шестидесятых Коктебель еще не был перегружен отдыхающими, как сейчас. Писатели, которым тогда принадлежал Дом творчества, и около писательские «дикари» вечерами собирались на освещенной светом части набережной.

Мое внимание привлекла симпатичная девушка, быстро проходившая мимо группы писателей и тащившая за руку негритенка лет трех-четырех. Она опускала челку, чтобы не было видно ее лица, а мальчик пучил глаза, не понимая, почему его вдруг повели с такой скоростью.

Было ясно, что белая мама стеснялась своего чернокожего ребенка, что противоречило известному и пропагандистски эталонному фильму «Цирк», где американская циркачка в исполнении несравненной Любови Орловой только в Советском Союзе ощутила равенство людей, независимо от цвета их кожи. Кстати, мальчику из этого фильма пели колыбельную песенку ведущие артисты страны, и ее можно услышать и сейчас, так как этот фильм часто повторяют по телевидению. Мальчик рос и лет через двадцать стал известным поэтом Джеймсом Паттерсоном. Его печатали часто и выпускали с чтением стихов о своей новой родине на самые крупные концертные площадки страны. Я не раз выступал в одних с ним концертах и мило общался с этим добрым и совестливым человеком. Поражали его глаза: умные, проникновенные и грустные, всегда грустные, по крайней мере я никогда не видел его веселым. Несомненно, он понимал, что ему дают более широкую литературную дорогу, чем многим русским писателям, используя его в идеологических антиамериканских целях, переживал это, и я не удивился, когда он, пятидесятилетний, при первой возможности уехал в Соединенные Штаты, где сохранились его родственники, в том числе родные брат и сестра. Несколько лет назад его показали в нашем телевизионном репортаже, в кругу своей семьи, где я впервые увидел его улыбающимся, без тени грусти на лице.

Вообще-то судьба каждого негра в России интересна, начиная с арапа Петра Великого и обрусевших негров, работавших до революции униформистами в цирках, привлекая людей из глубинки, желавших поглазеть на невиданных цветных людей. Негры в России старались заниматься искусством, и самым известным из них стал Вейланд Родд-старший, блистательно

сыгравший в фильме «Пятнадцатилетний капитан». Его сын женился на известной русской эстрадной певице и пел в дуэте с нею. Северный климат был непривычен и суров даже для родившихся в России артистов, и особой теплоты от местных жителей они не ощущали. Ни они, ни их русские родители. Подобное произошло с негритянским мальчиком Русланом из Коктебеля и его мамой – Таней, работавшей в пансионате «Голубой залив». Она, еще будучи молодой незамужней женщиной, решила поступить на учебу в московский университет имени Патриса Лумумбы. Бросила работу и уехала в столицу. Там она познакомилась с аспирантом из Туниса, внешне человеком серьезным, который открыто встречался с нею и обещал жениться. Через год у них появился ребенок, но папа не проявил к нему никакого интереса и после окончания университета вернулся в Тунис, даже не попрощавшись ни с Таней, ни со своим сыном. Таня была в отчаянии. В университет ее не приняли, и она жила с сыном у аспиранта, которому полагалась отдельная комната. После его отъезда она в буквальном смысле слова очутилась на улице. Оставался один выход – возвращаться домой в Коктебель. Там она ожидала найти успокоение на берегу теплого моря, которое, как она считала, понравится Руслану, и местные жители проявят сочувствие к ее неудачной судьбе.

На работу горничной в пансионат ее взяли, но местные жители и даже сослуживцы с укоризной смотрели на белую маму и ее чернокожего сына, не так зло, как белые американцы в кинофильме «Цирк», но достаточно неприязненно. Таню томило одиночество. Аспирант уехал на родину, не признав ни ее женой, ни сыном Руслана. О замужестве с кем-то из местных мужчин Таня даже не мечтала, зная, что у них не хватит мужества создать нестандартную семью. Поэтому, когда Руслан подрос, Таня увезла его в Москву, где он поступил в музыкальное училище и стал учиться на манекенщика. И там и тут достиг успеха. Мальчик из Коктебеля превратился в статного красивого мужчину. Но и в Москве он не обрел друзей. Студенты-музыканты смотрели на него как на опасного конкурента, могущего помешать им успешно выступить на международном конкурсе. Мешали ему отдыхать в общежитии, крали у него ноты, а один из преподавателей моды начал и весьма настырно проявлять к нему гомосексуальные притязания. Руслан сразу и в корне пресек их. На подиуме он выглядел очень эффектно, и каждое его появление вызывало аплодисменты зрителей. Кто отравил Руслана – завистники-музыканты или соперники по подиуму – он узнать даже не пытался. Врач сказал ему, что он, по всей видимости, отравлен таллием – ядом замедленного действия, против которого у него

нет лекарства.

Руслан осунулся, стал лысеть и уже тяжело больным вернулся в Коктебель. Слух о несчастье с юношей быстро разошелся по поселку. Достиг Любы. Она поначалу растерялась – не знала, как помочь юноше. Говорила с его мамой, но кроме слез, причитаний и проклятий в адрес врагов сына ничего от нее не услышала. Ни в Коктебеле, ни в Феодосии не нашлось врача, готового победить эту болезнь. Тогда Люба поехала в Урочище, военный поселок, расположенный неподалеку от Коктебеля, надеясь, что там найдет нужного врача. В местном госпитале внимательно выслушали ее, объяснили, что талий относится к ядам военного значения, и прежде чем начать лечение, нужно провести следствие военными юристами, и это займет немалое время, а куда направят на лечение Руслана им неизвестно. В госпитале не было соответствующей лаборатории и врача-специалиста по борьбе с этой болезнью.

Лечение задерживалось на неопределенное время, а Руслан хирел и с каждым днем становился слабее, еле поднимаясь с кровати. И тогда Люба решилась на инициативу, не предусмотренную законом. Она разговорилась с врачом, который, по его словам, был знаком с действием этого убийственного препарата.

– Мне необходимо вылечить Руслана, – сказала она, прямо и честно глядя в лицо врача.

– Я вас понимаю, – смягчился врач.

– Сколько будет стоить лечение? – не смущаясь, спросила у него Люба.

– У нас бесплатная медицина, – неуверенно ответил врач.

– Мне необходима платная! – уверенно произнесла Люба.

Они договорились на одну тысячу пятьсот долларов. Сумму немалую по тем временам. Но об этом не знал ни Руслан, ни его мама. Мальчик постепенно оживал. И вскоре начал выходить на берег моря и продавать отдыхающим художественные миниатюры, выполненные на камне мамой. Но почему-то стоял лицом не к покупателям, а к морю, вглядываясь в очертания горизонта. Последний раз я видел его в 2003 году, бойким подвижным и интересным мужчиной. Знал ли он о том, что его жизнь спасла Любовь Полищук, сомневаюсь. Я никогда не встречал их вместе.

Местный бизнесмен и серьезный историк Борис Яремко собирается написать подробную историю Коктебеля, куда должна войти и статья о спасении Любой Полищук Руслана и фрагменты жизни семьи артистки и ее детей.

После смерти отца Люба привезла маму в Москву. Вместе им

было легче перенести эту утрату. Однажды она сказала маме:

– Ты знаешь, мамуля, может, я смогла бы спасти отца.

– Ты? Как?! – удивилась мама.

– Надо было бросить театр, хотя бы на время, на месяц-два, и уехать в Омск. Но мне стыдно признаться, мама, тогда у меня репетиции были в самом разгаре, и я об этом даже не подумала. И режиссер мог бы не отпустить. Дублерши у меня не было. Но попробовать уехать я все-таки должна была постараться. Готовить отцу, гулять с ним, со мною ему было бы легче, веселее.

– И со мною ему было неплохо, и я за ним ухаживала, как могла, – обиделась мама. – А едою моею он всегда был доволен.

– Небось выпивал, – вздохнула Люба.

– Клянусь… – осеклась мама, – только в большие праздники и когда друзья по работе в гости приходили. «Григорий! – звонят, – мы идем. Ты еще живой? Говоришь. Значит, жив».

Шутил: «Кто не курит и не пьет, то здоровеньким умрет!» А врач хороший был участковый. Разве врачи плохими бывают? Его все соседи уважали.

– Врачи бывают разные, – вздохнула Люба. – В Москве я могла бы показать его самому лучшему…

– Не печалься, дочка, человек полагает, а Бог располагает… Каждому человеку свое время приходит… Вот и Гришино пришло. Пусть ему земля будет пухом, дочка. Ты себя ни в чем не вини. За детьми смотри. И сыночек, и дочка у тебя уважительные. Однако не понимаю – почему они не Полищуки. Чем им наша фамилия не понравилась?

– Сын говорит, что не хотел, чтобы его воспринимали как сына популярной артистки. Можно подумать, что я зря репетировала, зря старалась каждую роль отыграть, как самую лучшую. Ведь я поздно ГИТИС кончила. Поздно обучилась актерскому мастерству. И то заочно – это не настоящая учеба. Больше для того, чтобы сдать экзамен. Вот певица такая была Лидия Русланова… Знаешь?

– Еще как, Люба. Она к нам в Омск приезжала. Мы с отцом на оба ее концерта ходили. Переживательная была певица и нас переживать заставляла. О горестном поет – у нас слезы на глазах стоят, о веселом – мы радуемся как малые дети. А ты чего ее вспомнила?

– К тому, мама, что она тоже, как и я, мало училась и говорила, что «тональности берет навзрыд». Через силу, значит. Через огромное напряжение сил. Я также многие роли играла через силу, не мастерством осваивала, а силой воли и интуицией, я тоже пойму, о чем роль, и репетирую, репетирую, пока не получится, как режиссер хочет, пока он не похвалит, а я иногда

толком не понимала, как у меня получилось, очень хотела, чтобы вышло, вот и добивалась. А потом от усталости с ног валилась. Вот время и возможности для отдыха почти не было. Я встряхнусь, внутренне соберусь и выпархиваю на сцену, как птица, готовая к полету, и никому в голову не приходило, что несколько минут тому назад я еще не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, даже язык к горлу прилипал. Я очень обиделась, когда сын взял фамилию отца – Макарова. Рассуждал так: если моя мама – узнаваемая актриса, все станут думать, что она будет мне помогать, всюду проталкивать. Значит, пробиваться в артисты надо так, чтобы никто не знал, что он сын Любы Полищук. А что в этом зазорного? Я свое имя ничем не запятнала. Всего добивалась сама. Виду не подавала, что обижаюсь на Алешин поступок. А переживала сильно. Он сейчас передо мной винится, кается, жалеет, что поступил так, ссылается на глупость молодости. А я до сих пор вздрагиваю и бледнею, когда моего сына объявляют Макаровым. Одно утешает – он меня искренне любит и вырос удивительно талантливым артистом, только еще свою роль не получил, ту настоящую, что делает знаменитым и любимым у зрителей. Я в него верю. И меньше обижаюсь. Теперь почти все зрители знают, что он – Полищук, мой сын. Вот с дочерью отношения складываются сложнее. Я чуть с ума не сошла, когда она тоже отказалась от моей фамилии. Досталась мне трудно. При рождении делали кесарево сечение. Много болела. Сколько ночей я у ее кровати просидела – не сосчитать и не надо. Мы ее назвали Мариэттой – в честь прабабушки. Вымахала ростом под притолоку, размер ноги – 42, и поступила сразу в два театральных вуза. В анкетах при поступлении в вуз написала: «Отец – Сергей Цигаль, художник, мать артистка». Разве профессия артистки для дочери в чем-то унизительна? Разве обо мне ей плохое говорили? Может, и находились такие люди? В нашем мире полно завистников и злопыхателей. Нашептывают гадости за спиной. Но при мне, в лицо никто на подобное не решался, ничего плохого даже не пикнул. И дом наш в Коктебеле, при всем моем добром отношении к Мариэтте Сергеевне, не мною, а людьми стал называться «дачей Полищук». И дочка каждый год жила в этом доме. В заботе и уважении. Кстати, дом построили на средства от капустника, который устроили известные поэты и писатели, что жили в доме Волошина. Он стоял заброшенный и практически ничей. Мариэтта Сергеевна подумала, что дочь ее художница, заканчивает Суриковское художественное училище, и решила сделать ей подарок.

После войны пара туфель стоила пять тысяч. И дом этот стоил пять тысяч. Для Мариэтты Сергеевны сумма вполне

посильная. И она подарила этот дом Мирэль. В 1951 году сюда привезли Сережку. А уж мы с Сережкой сделали дачу подходящим обиталищем для маленькой Мариэтты. Я помню, что после рождения она много болела. Стала нервной. Чересчур быстро стремится к самостоятельности. Недавно нашла у дочери зажигалку и косметику, которая, даже если она подделка, все равно стоит недешево. Она мне объясняет и не без вызова, что экономит деньги на завтраках, и имеет на это полное право. Я ей говорю, что таким правом она обладает, но все-таки лучше потратить деньги, оторванные от своего питания, с большой пользой для себя. И зачем покупать крем-пудру «Макс-Фактор», если у тебя прекрасная гладкая кожа? Маша ко мне прислушивается. И я с ней разговариваю. По всем интересующим ее вопросам: о любви, семье, домашнем хозяйстве, отношении к своему телу. Она иногда краснеет, слушая меня, значит, этот вопрос у нее «назрел» и ей надо объяснить его, если даже придется краснеть мне. Иначе ее в момент «просветят» более образованные друзья-подружки из ближайшей подворотни.

Мать Любы растеряна, испуганно озирается вокруг:

– Больно смело ведешь ты себя с дочкой, Люба. Надо постепенно, чтобы сама научилась разбираться в том, что к чему.

– Когда, мама? Они сейчас в детском саду знают обо всем, что им надо, больше, чем мы знали после окончания школы. С детьми надо разговаривать. Обо всем.

– Я не против, Люба, говори с дочкой, но не так прямо и открыто, как ты, – качает головой бабушка, – в наше время…

– Сейчас другое время, – прерывает Люба маму, – и дети другие, и воспитатели, и по телевизору показывают такое, о чем вы даже к концу жизни не ведали.

– Может быть, – задумывается бабушка, – мы свой век отжили. Я тебе доверяю, дочка. Ты ошибки не сделаешь. Сама стала артисткой. Сама. Без моей с отцом опеки.

– Почему, мама, могу и я ошибиться, – вздыхает Люба. – Но, на мой взгляд, лучше решать вопросы откровенно. У тебя – свое мнение, у дочки – свое. Хорошо. Давай посмотрим. У тебя – свои аргументы, у меня – свои. И есть еще логика, которая и решит, кто из нас прав, в чьих доводах больше пользы. Раньше у нас все отношения в семье разрешались просто и нормально. Ты же знаешь, мама, я родила Машу, когда Алеше было двенадцать лет. И он мне очень помогал. Отпускал нас с Сергеем по делам или отдохнуть, а сам кормил, укачивал и даже купал сестру. Подросла – стал читать ей книжки, рассказывать интересные истории. Стал для Маши большим авторитетом. И со мною, помимо конфликтных ситуаций, она ведет себя как девочка-подружка.

Очень любит примерять мои платья. Но главный воспитатель – Сережа, воспитатель строгий и справедливый. Его слово – закон для всей семьи. У меня, Сергея и Алеши пути в жизни почти определены. У Маши есть слух и неплохой голос, который при желании можно поставить. Но в выборе будущей профессии она пока еще не определилась. Главное – она забыла о своей фамилии. То называет себя Машей Цигаль, то Полищук. И я нисколько не обижаюсь на нее. Нас уже знают в Коктебеле все местные люди. И узнали, как я спасла от гибели Руслана. Говорят, что этот факт войдет в историю поселка, и я мечтаю о том, чтобы то, что сделает каждый из нашей семьи, тоже стало доброй историей.

Настольной книгой Любы уже больше года стал роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Когда Михаил Левитин говорил об артистах, которых он желает занять в спектакле, то первым делом посмотрел на Любу, потом его взгляд переметнулся на жену, молодую, красивую, но еще неопытную актрису, остановился на ней, а затем прочно обосновался на Любе. Михаил говорил, что актеры в этом спектакле помимо актерского опыта должны обладать и жизненным. Люба для этой роли подходила больше других артисток театра, по которым режиссер пробежал взглядом, и вновь завис на Любе. Хотя распределения ролей не было и, по всей видимости, Левитин еще не написал сценарий, лишь в уме намечал его фрагменты, Люба решила, что роль Маргариты будет безоговорочно отдана ей. Внимательно прочитав роман, она поняла, что эта роль может стать переломной в ее творческой жизни, изменить к ней отношение режиссеров, которые забудут про ее клоунесские и танцевальные наклонности и станут видеть в ней только драматическую или трагикомическую актрису, что была ее заветной мечтой.

Перед сном, а иногда и рано проснувшись, она открывала книгу и переносилась в другой мир, где были Сергей, Алеша и Маша, но не в качестве нетерпеливых потребителей завтрака, а послушных и внимательных зрителей. «Я боролся с собою как безумный, – постепенно входила она в роль. – У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова. Когда они затрещали и дверца застучала, мне как будто стало легче. Я кинулся в переднюю и там зажег свет, нашел бутылку белого вина, откупорил ее и стал пить вино из горлышка. От этого страх притупился несколько – настолько, по крайней мере, что я не побежал к застройщику и вернулся к печке. Я открыл дверцу, так что жар начал мне обжигать лицо и руки, я шептал:

– Догадайся, что со мной случилась беда. Приди! Приди!

Приди!

Но никто не шел. В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь. Тогда случилось последнее. Я вынул из стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начал их жечь. Это страшно трудно делать, потому что исписанная бумага горит неохотно. Ломая ногти, я раздирал тетради, стоймя вкладывал их между поленьями и кочергой трепал листы. Пепел по временам одолевал меня, тушил пламя, но я боролся с ним, и роман, упорно сопротивляясь, все же погибал.

Знакомые слова мелькали передо мной, желтизна неудержимо поднималась сверху вниз по страницам, но слова все-таки проступали и на ней. Они пропадали лишь тогда, когда чернела бумага, и я кочергой яростно добивал их.

В это время в окно кто-то стал царапаться тихо. Сердце мое прыгнуло, и я, погрузив последнюю тетрадь в огонь, бросился отворять. Кирпичные ступеньки вели из подвала к двери на пол. Спотыкаясь, я подбежал к ней, и тихо спросил:

– Кто там?

И голос, ее голос, ответил мне:

– Это я».

Люба сделала паузу и повторила: «Это я». Слова вновь зазвучали банально, и она от досады рассердилась на себя, подождала, пока успокоятся нервы, и сказала надрывно: «Это я», потом почти прокричала их: «Это я!», прокричала, как человек, прошедший преисподнюю, чтобы спасти другого человека. «Это я, – радуясь, что пришли к нему. – Это я». Потом Люба продолжила чтение романа: «Не помня, как я совладал с цепью и ключом. Лишь только она шагнула внутрь, она припала ко мне, вся мокрая, с мокрыми щеками и развившимися волосами, дрожащая. Я мог произнести только одно слово:

– Ты… ты? – и голос мой прервался, и мы побежали вниз. Она освободилась в передней от пальто, и мы быстро вошли в первую комнату. Тихо вскрикнув, она голыми руками выбросила из печки на пол последнее, что там оставалось, пачку, которая занялась снизу. Дым наполнил комнату тотчас же. Я затоптал ногами огонь, а она повалилась на диван и заплакала неудержимо и судорожно.

Когда она утихла, я сказал:

– Я возненавидел этот роман, и я боюсь. Я болен. Мне страшно. Она поднялась и заговорила:

– Боже, как ты болен. За что это, за что? Но я тебя спасу, я тебя спасу. Что же это такое? Я видел ее вспухшие от дыму и плача глаза, чувствовал, как ее холодные руки гладят мне лоб.

– Я тебя вылечу, вылечу, – бормотала она», а затем ее слова

повторила Люба и, казалось, что эти слова говорит одна женщина, пронзенная любовью и болью.

«Вроде получается», – подумала Люба, придумывая одеяние для героини, добротное, но не броское, представляя свои полные слезами глаза, а, может, только покрасневшие от слез. Ведь героиня ее была полна решимости.

«Она оскалилась от ярости, что-то еще говорила невнятное. Затем, сжав губы, она принялась собирать и расправлять обгоревшие листы. Это была какая-то глава из середины романа, не помню, какая. Она аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, перевязала ленточкой. Все ее действия показывали, что она полна решимости, и что она овладела собой. Она потребовала вина и, выпив, заговорила спокойнее.

– Вот как приходится платить за ложь, – говорила она, – и больше я не хочу лгать…» Люба почувствовала усталость и отложила книгу на тумбочку.

«Если я устала, то значит, переживала, как героиня. Значит, у меня что-то получается», – удовлетворенно подумала Люба.

Неожиданно заворочалась на кровати Маша:

– Мам-а-мам, ты снова не спишь, учишь Булгакова?

– Да, дочка.

– А я вчера вычитала у него, что в Коктебеле был замечательный пляж, полоса песку, а у самого моря полоска мелких, облизанных морем разноцветных камней – голышей, сердоликов, прозрачных камней в полосах и рисунках. Куда они подевались?

– Я их застала, дочка, когда папа первый раз привез меня сюда. В то же лето пришли машины, полуторки, в них погрузили золотистый песок с пляжей, изумительные по красоте камешки и перевезли в Урочище – военное место, а оттуда в тех же машинах доставили щебенку и такую острую, что босиком по ней ходить было нельзя, прокладывали деревянные дорожки. А еще красивее песок был в Тихой бухте, а сердолики – в Лягушачьей и Лисьей бухтах. В Тихой бухте снимали кинофильмы… «Короли и капуста». Там я впервые снялась в эпизоде. Заплатили три рубля. Это мой первый актерский гонорар. Крошечный, а запомнился. Рядом снимался Гафт и Весник… А теперь они со мною здороваются… Я не хвастаюсь, дочка.

– Пусть они хвалятся, что знакомы с тобою, – обиженно вымолвила Маша.

– Ты не права, дочь. Актерство – это единая братия. Все мы связаны одним ремеслом. Кто лучше, кто хуже. Рассудит жизнь.

– А мы, зрители, чего, не разбираемся? – удивилась Маша.

– Кто в чем, – задумалась Люба, – есть фильмы, которые по

мысли опережают время, есть, что и отстают от него. Разным по развитию и культуре людям нужны разные фильмы.

– Что ты чудишь, мамаша. Все одну школу кончаем. Один телик смотрим. Что в нас разного?

– Воспитатели у вас разные, разные родители. Честно говоря, если бы не моя настойчивость и твое любопытство, боюсь, что ты никогда не прочитала бы «Мастера и Маргариту».

– Ну и что, мама? Выжила бы! Без Булгакова! – развязно заметила Маша.

– Дай бог тебе здоровья, дочка. И папе, что заставляет тебя читать хорошие книги. И дедушке, что учит графике. И бабушке, от которой пошел славный род Шагинянов и Цигалей. Я горжусь, что к нему примостилась.

– Ты? Ты – мама всех их известней! Тебя знают все мои девчонки! Где мы сейчас живем? На даче Любови Григорьевны Полищук! Вот где!

– Живете здесь точно. А какими вырастете? Об этом все мои заботы! – сказала Люба и вновь взяла в руки роман.

– На сегодня хватит, мама. Пора завтракать!

– А папа еще спит?

– Спит. Они вчера с Игорем Иртеньевым «засухарились». Посмотри – полный стол бутылок. Я уберу. Смешно говорили. И сами смеялись.

– А я где же была?

– У Леонида Николаевича, на шашлыках. Неужели забыла? У него отличные шашлыки. И сад обалденный. Жена посадила. Я часто хожу смотреть. А если ты забыла, где была, то тоже хорошо клюкнула. С Леонидом Николаевичем. И Ириной Викторовной. Небось под «Кутузова». Самый дорогой коньяк!

– Дело не в цене, дочка, а в том, что он хорошо мозги прочищает. С утра голова свежая. Я даже репетировала.

– А плавать сегодня будем, мама?

– Обязательно. Когда стемнеет. А еще лучше – ночью. Мы с папой далеко заплываем. Плывем как в сказке. Среди морских берегов, рядом с дельфинами. Они иногда играют с нами. Красотища!

– А я люблю днем бултыхаться в море. На самой жарище! – хвастливо заявила Маша.

– Плавай, дочка, но долго на солнце не жарься. Не перегревайся!

– А чего случится, мама? – усмехнулась Маше.

– Ничего особенного. Но врачи долго загорать мне не советуют, – вздохнула Люба.

Глава восьмая
Советская мистика

В тот год, когда в театре «Эрмитаж» (тогда «Миниатюр») начались разговоры о постановке грандиозного романа, постановке еще никем невиданной, должной потрясти мир, если не весь, то советский, в помещении театра, вокруг него и с его актерами возникали мистические явления. Поэтому, часто направляясь к Эстрадному театру «Эрмитаж», помещению деревянному, но добротному и хорошо сложенному, а сгоревшему быстро и дотла, что я до сих пор отношу это к явлению советской мистики, связанной с органами торговли, милиции и пожарной охраны, я даже не подозревал, что в театре «Миниатюр» бушуют страсти наподобие булгаковских. А зря. Мог бы посмотреть миниатюру, поставленную и сыгранную в этом театре актером Рудольфом Рудиным по моему сатирическому рассказу, а заодно узреть там что-либо мистическое. Но так распорядилась судьба, что даже потом, выступая в театре «Эрмитаж» с сольными авторскими концертами сатиры и юмора, дабы поддержать финансовое состояние театра, я лишь за минут десять до начала концерта появился за кулисами, проверил работу микрофона, освещение, работал без антракта, еще быстрее отбыл их театра, закончив выступление, что снова ничего обычного не заметил. И лишь в 2007 году я без спешки и со вниманием направился в театр «Эрмитаж» с целью испросить у главного режиссера Михаила Левитина интервью о бывшей примадонне театра Любови Григорьевне Полищук, когда-то здесь работавшей. Михаил любезно ответил мне, что мы знакомы, но интервью о Полищук он не дает.

– Почему? – удивился я, ведь я не папарацци.

– Знаю. Я достаточно осведомлен о вас, но интервью о Полищук дать вам не могу, вообще не могу, – грустно резюмировал Левитин. – Я рассказал о ней журналисту Сажину, и вы можете воспользоваться тем, что я ему рассказал. Позвоните завлиту театра Анечке Хохловой, и она даст вам координаты издания, где напечатано мое интервью.

Разговор наш происходил в реалистическом тоне, во вполне реальном времени. Меня удивили лишь гортанные звуки, исходившие из уст режиссера, похожие на всхлипывания, что я отнес к вполне реальным переживаниям Ливитина, связанным с потерей своей примадонны. И пока больше ничего мистического не заметил. Заведующий литературной частью театра Анечка

Хохлова обещала мне сообщить координаты столь необходимой мне статьи о Любе Полищук, но, когда я явился за ними, то неожиданно узнал от Оли, что интервью Левитина вообще пока не существует в природе, но когда оно будет написано и напечатано, то я непременно узнаю об этом. И снова, даже в этом странном сообщении, я не почувствовал особого присутствия мистики. У режиссера масса забот, добавлены новые – налоговые, но это вряд ли давало ему возможность предлагать мне то, чего не существует. Запахло мистикой, если не рядовым обманом, кстати, неизвестно с какой целью придуманным режиссером. Реализма добавляла очаровательная и не по годам молодая для профессии заведующего литературной части Оля Хохлова, делающая вид, что занята настолько, что любая минута продления разговора со мною грозила ей по меньшей мере строгим выговором или лишением премиальных, если они были положены работникам этого театра. Стараясь побыстрее избавиться от меня, Хохлова сунула мне небольшую папку с ксерокопиями других интервью, взятых в свое давнее время у Любы Полищук. И там я нашел интереснейшее для себя сообщение о том, что после решения о постановке спектакля «Мастер и Маргарита» Булгакова на театр и его работников обрушился поток событий мистического характера: одна за другой срывались репетиции, последовала серия заболеваний среди артистов, наблюдались чудодейственные факты исчезновения продуктов в буфете, а также при продаже программок спектаклей, при их реализации, кроме того, заклинивало, и не раз, входную дверь в кабинет режиссера, в результате чего у него сдали нервы, он закрыл спектакль и слег в больницу. Некоторые странные факты случались с самой Любовью Полищук, о чем сообщала районная газета.

Почему Полищук перед спектаклем не пьет

Однажды Любовь Полищук перестала выпивать перед спектаклями. То есть совсем. А дело было так. Еще в самом начале карьеры жарким вечером за полчаса до спектакля Люба утолила жажду неполным стаканом пива. А когда вышла на сцену, то с удивлением обнаружила, что забыла роль. Начисто забыла. Как тогда вышла из положения – Любовь вспоминать не любит. Но с тех пор зареклась: перед спектаклем – ни глотка. Хотя в других ситуациях к алкоголю относилась нормально.

Как Полищук за капусту воевала

Однажды теплым майским вечером, находясь в отличном расположении духа, Любовь Полищук направлялась в театр. На полпути ее внимание привлек овощной лоток с капустой, но продавщица наотрез отказалась отпустить Полищук тот кочан, который артистке особенно глянулся. После нескольких минут словесного пролога (в котором Полищук легко одержала верх) лоточница перешла к основному действию против «зарвавшейся» интеллигентки посредством рук и наличного товара. И Полищук тут же получила профессиональный удар гнилым кочаном по голове. Преодолев столбняк, она рассмеялась: не каждый день увидишь красавицу в белоснежном костюме с капустой в ушах. Ситуация была до того комична, что даже обида на лоточницу прошла, тем более что капусту Полищук все-таки получила.

За что можно ненавидеть Полищук

Однажды после спектакля актрису Любовь Полищук долго дожидался у служебного входа незнакомый военный. Наконец Полищук вышла и с улыбкой пошла навстречу статному поклоннику. А тот сразу же заявил:

– Я вас ненавижу!

– Почему? – изумилась актриса.

– Потому что у вас такие зовущие глаза, что, когда вас показывают по телевизору, я запрещаю своей жене смотреть на экран.

Из дальнейших слов служивого стало понятно, что он жутко ревнив и боится, что жена научится потрясающему «полищуковскому» взгляду.

Эти не засекреченные факты проникли в печать, а наиболее таинственные и секретные передавались из уст в уста, шепотом в закоулках и укромных местах театра.

– Он не хочет, – многозначительно говорила одна сотрудница театра другой.

– Кто он? – следовал вопрос.

– Ну, он! – говорила сотрудница.

– Кто он?

– Булгаков? Воланд?

– Нет.

– Левитин?

– Нет.

– Так кто же он?

– Если бы я знала, то не было бы разговора!

В библиотеке:

– Вчера здесь лежала книга «Романы Булгакова».

– А сейчас она где?

– Не знаю.

– Может, ее украли, чтобы сорвать наши спектакли?

– Вполне может быть.

– А вы никому не давали ее читать?

– Что вы? В такое напряженное ответственное время? Никому!

– А вдруг ее взял сам Булгаков. Освежить в памяти некоторые моменты, некоторые сцены, реплики. – Он, наверное, при своих магических способностях, при помощи Воланда мог унести не только эту книгу.

– А еще что?

– Чье-нибудь собрание сочинений. Мамина Сибиряка например!

– Зачем оно ему?

– В комиссионном примут. Но… Но Мамин Сибиряк на месте! И Станюковича не взял. А Агату Кристи еще в прошлом году сперли! Где же может быть Булгаков? Где?

– Да под вами же он! Вы на нем сидите!

– Странно! Очень странно! Как он туда попал?!

Больше всего странностей наблюдалось в поведении актеров. В буфете, в обеденный перерыв.

– Я хотела взять салат с морковью. Он только что стоял тут.

– Его взяла Любовь Полищук.

– Приготовьте точно такой же мне.

– Морковь кончилась.

– Ах, так вы хотите, чтобы я играла Маргариту, обходясь без витамина А?

– Ничего я не хочу.

– Я знаю! Все хотят этого! И в первую очередь жена режиссера. Зря надеется! Этой мымре никакой салат не поможет!

– Муж поможет! Муж поможет!

Многие артисты считали, что в анонимном свободном конкурсе на роль Маргариты победит не Полищук, а жена режиссера.

Левитин мучился, решая для себя эту остро важную принципиальную проблему. Он ставил фотографии претенденток рядом. Потом убирал Полищук. Потом убирал фотографию жены. И каждый раз был чем-то недоволен. Однажды схватился за сердце, но принимать валидол не стал.

Хватит! – заключил он, официально закрыл готовящийся к постановке спектакль, затем вызвал «скорую» и пролежал в больнице, пока булгаковские страсти в театре не улеглись. На

столе в своем кабинете он нашел заявление от Любови Григорьевны Полищук с просьбой уволить ее из состава театра по собственному желанию.

Это был очень важный момент, могущий стать поворотным в жизни Любы. После роли Маргариты ей бы уже не предлагали роли подружки морячки или интердевочки. И вообще каждому человеку, тем более творческому, необходимы роли, постигая которые, он на них, как на своеобразных поплавках, поднимается к вершине творчества. Люба безумно переживала произошедшее, даже по комнате передвигалась, покачиваясь, с трудом передвигая ноги, словно они вдруг отяжелели или к ним кто-то неведомый, пока она спала, прикрепил тяжелейшие гири. Она много думала о происшедшем. Редко, но бывали в театрах, удачные творческие дуэты мужа и жены. Всеволод Мейерхольд и Зинаида Райх, Алиса Коонен и Владимир Таиров… Мне до сих пор думается, что отлично могли бы сыграть Мастера и Маргариту Владимир Высоцкий и Марина Неелова… А тогда у нее, у Любы Полищук, даже не был известен основной партнер, и среди актеров театра, весьма неплохих, все-таки ей не виделся Мастер. И смог бы Михаил Левитин, режиссер, ищущий, думающий и активный, охватить одним замыслом и творческим замахом булгаковскую махину – тоже вопрос из вопросов. Может, все к лучшему, и удалось избежать провала, позора. У нее были неудачные спектакли, неважные роли, критика не замечала их, но провала, о котором говорили бы коллеги и пресса, – такого не было. И все-таки ей верилось, что роль Маргариты она осилила бы. Столько раз перечитав роман, каждую его строчку, особенно те места, где была задействована Маргарита, вникая в каждое ее слово и жест, она была готова в любую минуту, днем или ночью, не играет роли, даже сейчас встать посреди комнаты, как на сцене:

– Как ты страдал, как ты страдал, мой бедный! Об этом знаю только я одна. Смотри, у тебя седые нитки в голове и вечная складка у губ. Мой единственный, мой милый, не думай ни о чем. Тебе слишком много пришлось думать, и теперь буду думать я за тебя! И я ручаюсь тебе, ручаюсь, что все будет ослепительно хорошо.

Люба присела на краешек дивана: «Трудно работать без партнера. Я должна видеть его глаза, растрепанные волосы, отчаяние в глазах… Зачем теперь все это… Зачем… Но… Но… Я все-таки прочувствовала Маргариту, пусть не сыграла ее превращение, но чувства, ее чувства прошли через мое сердце… Значит, репетировала не зря… Все это еще мне пригодится. Рано или поздно… И еще не самый глубокий вечер. И не последний

режиссер встречается на моем пути… Ой! – вскрикнула она и опустилась на диван, ощутив ноющую боль в спине. Она долго лежала, не двигаясь, и думала, что боль пройдет, сама собой, как проходили синяки или ссадины, полученные в детстве. Почему-то подумала о дочери: «Я ее ругаю. И поделом». Хотя сама в ее годы откалывала куда более хлесткие номера. Но ее привычку к хвастовству надо прекратить немедленно. Соседи возмущаются, когда она говорит подруге: «Ты на меня? А ты знаешь, кто я такая? Ты знаешь, кто у меня мать?!» Я уже раз говорила ей, что это постыдно и низко. Поняла ли она это? Не уверена… Поговорю еще раз. Не помешает. Наши разговоры – это не вид семейной диктатуры. Это беседа двух умных подруг, одна из которых малость постарше и поопытней и желает другой только добра».

Боль в спине притихла. Она осторожно приподнялась с дивана. Боль не возобновилась. Встала. Нормально. Кто-то добрый снял с ног гири. Есть еще хорошие и сердобольные люди. И не так уже в жизни у меня все скверно. Очень серьезная для артиста продуктовая проблема решена на хорошем уровне. Муж прекрасно все готовит и вообще по делу может отлично сообразить, что к чему. Когда я уезжаю на гастроли, то совершенно спокойна за свой домашний очаг. А то, что люди подводят, используют мою доверчивость и зачастую обманывают – с этим я не справлюсь, чересчур доверчивый характер. К этому надо привыкать. Вот на столе второй день лежит срочная телеграмма. Из нового театра современной пьесы. Предлагают что-то интересное. Снова заманивают какой-нибудь чепухой или обманывают. Режиссер Иосиф Райхельгауз – первый раз слышу. Вдруг приличный человек. Надо завтра заскочить к двенадцати. Если маститый режиссер, раньше двенадцати в театр не приходит. Таким образом, поднимает свой престиж и показывает занятость, если другим нечем взять. А если скромный, честный и деловой, то ровно к десяти уже сидит в своем кабинете. Бывает, что и этот не даровитый, старается выделиться дисциплиной. Сколько я разных режиссеров перевидала! Выход один, чтобы не прогадать, надо с каждым знакомиться и подолгу разговаривать. Он прощупывает, чем я дышу, что могу, я его стараюсь просмотреть насквозь. Завтра зайду к этому… Иосифу Рафаиловичу. А сейчас – спать. Перенервничала. Много репетировала. Но сначала подмету, потом приготовлю обед и лишь тогда – в кровать. Завтра утром должна выглядеть настолько бодрой и свежей, чтобы у режиссера сразу появилось желание максимально загрузить меня работой.

Но сон в голову не шел, расплескались мысли и наваливались как волны одна на другую. Принять снотворное – жестокая

привычка. Однажды привыкла – больше месяца отвыкала. Не думать ни о чем – трудно, не хватает выдержки. Обязательно какая-нибудь шальная мысль выпрыгнет, как дельфин из воды, и вызовет бурю размышлений. Лучше всего вспоминать смешные неназойливые истории или случаи, которые, в конце концов, успокоят нервы и сведут на нет движение мыслей. Так и поступила. Вспомнила, как загорала с сыном в Сочи. Забравшись на высокий лежак, стала центром внимания многих мужчин на пляже. Уже загоревшая, высокая, стройная, и настолько красивая, что мужчины не решались подойти и познакомиться с нею. Делали круги около лежака. Наконец двое симпатичных мужчин, тряхнув для смелости плечами, ринулись к лежаку с Любой и вдруг из моря вышел крупный подросток и закричал на весь пляж:

– Мам-а-мам, можно я еще покупаюсь?!

Мужчины от удивления рты по открывали. Думали, что мне где-то около двадцати, не больше, самый возраст для флирта. Но тут узнали, что я женщина со взрослым сыном, и застопорились. А я не без досады назидательно заметила отпрыску:

– Леша, а ты мог бы не так часто «мамкать»?!

Вспомнила этот случай, рассмеялась и через мгновение сон увел ее в свои объятия. На следующий день Люба убедилась, что мистика бывает не только отрицательной, что преследовала ее в «Эрмитаже», что мешало ей стать Маргаритой, но и самой хорошей, самой положительной и к тому же советской, что марксистской наукой начисто отрицалось. Виданное ли в реальности дело?

Приходит Люба на прием к главному режиссеру Театра «Школа современной пьесы», и тот встает ей навстречу, улыбается, протягивает для знакомства руки.

– Полищук Любовь Григорьевна, – говорит Люба.

– Знаю, – опять улыбается режиссер, – я все о вас знаю и хочу предложить роль в спектакле «А чой-то ты во фраке?» Музыкально-танцевальная комедия или вокально-хореографический спектакль с элементами пародии. Как вам будет угодно. Всего три исполнителя. Алексей Петренко, Альберт Филозов и вы.

– А они, они согласны? – растерянно произносит Люба.

– Они не только согласны. Они хотят играть именно с вами! – опять улыбается режиссер. – Пьеса отличная. Ничего подобного Москва еще не видела. Пьеса по водевилю А. П. Чехова. «Предложение». Пьеса из старой жизни, но в ней читается действительность. И все это подается в виде театральной пародии. Соглашайтесь! Вот договор!

Люба читает договор и поражается:

– У меня главная роль?

– Центральная, – уточняет режиссер.

– И Петренко, и Филозов будут? – сомневается Люба.

– Непременно. Спектакль играется только в таком составе. Без замен. Шесть раз в неделю!

– Сколько? – переспрашивает Люба.

– Шесть. Если вам будет тяжело, то один спектакль снимем. Вот сумма за каждый спектакль.

Люба удивленно смотрит на сумму прописью, весьма и весьма приличную, и после этого недоуменно глядит на режиссера.

– Тут нет ошибки?

– Не единой. Мы даже заранее узнали номера и координаты их ваших паспортных данных и сами их проставили. Дело за вашей подписью. Вот здесь. Пожалуйста.

– Спасибо, – говорит Люба и расписывается.

– Будут ли какие-нибудь замечания, – интересуется режиссер.

– Есть одно, – заикается Люба, – пока не уменьшайте число спектаклей.

Столь быстро и удачно заключаются договоры между артистами и администрацией театра только в мистическом сне, и я несколько подлакировал ситуацию, но все происходило очень близко к описанному. Для советской мистики даже чересчур сказочно. Но дело в том, что и спектакль получился мистически-прекрасным. Каждый вечер – аншлаг, масса цветов, гром аплодисментов. Люба позвонила мне и сказала, что оставила пропуск на два места. Иначе бы я не попал на этот спектакль. Толпа у театра огромная и все спрашивают лишнего билетика. Хотел зайти к Любе за кулисы после спектакля, но она окружена друзьями, среди которых много известных артистов, и пробиться к ней очень сложно. Пусть добрые слова скажут ей ее именитые коллеги.

Спектакль – хит сезона в театральной Москве. Его снимают на пленку и до сих пор ежегодно показывают по телевидению. Прыжки, адажио в исполнении полноватого Петренко вызывают шквал оваций. Подчеркнуто галантен и точен в балетных движениях Альберт Филозов. В центре сцены и спектакля Любовь Полищук. Она выходит на сцену, стоя на пуантах. Зал вспыхивает от восторга, я тоже смотрю на это завороженно, но думаю о диких нагрузках, что испытывает при этом спина актрисы. Ведь Люба делает это впервые в жизни. Девочки в балетных школах ставятся на пуанты в 4–5 лет, а она стала в 40! Неосторожность таланта. Пусть рисковала, и было неимоверно больно и трудно, но она встала на носки балетных туфель, и это ей удалось. Она танцует

на пуантах. Зал принимает это как само собою разумеющееся. Она танцует легко и элегантно. И к тому же улыбается. Показывает зрителям, что сама получает при этом удовольствие. Только более заостренными становятся уголки рта. Капля пота выступает на лбу, но Люба легким движением руки смахивает ее, как будто так и полагается по сюжету спектакля. Поставлен он мистически синхронно, без лишних задержек и работается на одном дыхании. Мистика в центре Москвы.

Немолодые драматические артисты играют как оперные и балетные профессионалы. И добавляют долю иронии к происходящему на сцене, что придает спектаклю оригинальность и истинно актерскую скромность.

Люба делает на сцене прощальный реверанс: приложив руки к сердцу, откланиваются Петренко, Филозов, и зал тонет в хоре оваций. Артисты раз за разом выходят на поклон. В душах артистов и зрителей праздник продолжается и после того, как окончательно закрывается занавес. И те, и другие получают неимоверный творческий заряд.

И наконец, расскажу о настоящей мистике, с которой Люба Полищук столкнулась в Коктебеле. Это случилось в один из первых приездов ее сюда. Сережа перевел Любу через Тепсень (мертвый город), составляющий своеобразное горообразное плато, предваряющее поселок. Они направились к святому источнику, который, по преданию, открыл древний старец и поселился рядом. Старца давно уже нет, а ручеек чистой горной воды, упрятанный в железную трубу, по-прежнему спадает к морю. Рядом к врытому в землю камню прикована жестяная банка, из которой можно испить холодную и приятную водицу. И в давние времена и сейчас сюда сходятся кабаны, зайцы, лисы и другие животные. Манит их вода. Говорят, что когда-то здесь паслись и запасались водой целые стада. Сейчас животных осталось значительно меньше, хотя отстрел их запрещен. Официально. Но говорят, что для богатых и чиновных браконьеров раздолье не прекратилось. Дорога к святому источнику необычайно красива, проходит мимо кизиловых рощ, шиповника, и желающие свободно могут запастись этими ягодами. Путь от поселка до святого источника не близкий, нормальным шагом длится не менее трех часов. Обычно путники присаживаются у источника попить целебной водички и отдохнуть, присела и Люба, с интересом оглядывая окружающие источник горы, привстала и застыла от удивления, явно различив трехглавую скульптуру. Три головы – одна в центре и две сбоку были соединены глиной или какой-то вязкой горной породой. Первая справа походила на поэта или художника, чьи волосы

были зачесаны назад, и на почерневшем от времени лице выделялись большие закрытые глаза, то ли очень утомленного, то ли безжизненного человека. В центре располагалась голова с располневшим лицом праздного человека, похожего на знатного чинушу, злые глаза и хищный рот дополняли его портрет. А слева от его головы, как своеобразный отросток, выступала голова первобытного человека с размытыми нечеткими чертами лица, пустым взглядом, опущенная на четверть метра ниже двух других голов, как бы склоненная перед ними голова дикого раба. Люба не могла оторвать глаз от этой скульптуры.

– Смотри, смотри сюда, – сказала она Сергею, но тот ничего не заметил. Лишь с третьего раза разглядел то, что показывала ему жена.

– Может, это работа ветра? – предположил он.

– Сомневаюсь, – покачала головой Люба. – Три головы и разделены, хотя слеплены в основании. Может, это работа древнего скульптора? Не мог ветер так отточено выветрить камень, чтобы изобразить из него три человеческие головы.

– По крайней мере скульптура загадочная, – согласился Сергей. – Есть над чем подумать исследователю древностей. К тому же известно, что здесь когда-то жили люди. Рядом с источником. То ли сами ушли, что вряд ли, то ли их прогнали отсюда или уничтожили враждебные племена. Не случайно же рядом находится плато, до сих пор носящее имя Мертвый город. Мертвый – это не значит никогда не существовавший здесь.

(Отвлекусь от этого рассказа на пару любопытных фактов. За несколько лет до приезда сюда Сергея тут любил гулять тогда еще молодой драматург Эдвард Радзинский. Пьесы перспективного писателя ставили многие театры страны. Он представлял молодых драматургов на Комсомольском съезде. Был раскованным парнем и искренне любил Коктебель. Впрочем, для интеллигентного человека это было делом обычным и интересным. Часто гулял по Мертвому городу и однажды, вернувшись с такой прогулки, разгоряченный, с горящими глазами, радостно объявил мне, что сегодня почувствовал, реально и допустимо, что здесь на небольшой глубине лежат останки тех, кто еще недавно населял этот город, прозванный Мертвым, и не удивится, что если скоро найдет их ощутимые следы.

С той поры прошло лет тридцать. В Коктебеле построили дачи многие работники искусства, особенно телевизионные и писательские, и одна из дач, у подножия Мертвого города, принадлежит Эдварду Радзинскому. Рассказывают, что при закладке его дома обнаружили скелет человека из того Мертвого

города. Об этом говорят многие. Доля правды велика. Интересно, что сделал с этим скелетом хозяин дачи? Передал музею, или выбросил, или держит у себя, как реликвию? Сказать сложно.)

Вернемся к Мертвому городу времени посещения их Сергеем и Любой. Стоило им отойти от святого источника метров на тридцать, как скульптурные головы исчезли из вида. Не помог даже тщательный осмотр окружающих источник гор. Но стоило Сергею и Любе вновь почти вплотную вернуться к источнику, как головы стали вырисовываться вновь. Видимо, неведомый скульптор таким способом увековечил свою работу. В горах, стоя одиноко и не будучи гигантских размеров, она затеряется среди каменных нагромождений. И только люди всегда будут приходить за водой к источнику, и только люди, утолив жажду и, повернув назад к дому, смогут увидеть его творение. Это была догадка Сергея и Любы. Они твердо решили еще раз вернуться сюда, с фотоаппаратом, но дела, съемки Любы вдалеке от этих мест, наложившаяся у нее усталость и болезненное состояние не позволяли повторить поход. Но встречу с работой мистического художника запомнили надолго и подумали, что с давних лет одним из главных желаний человека было оставить о себе добрую память или показать людям то прекрасное, что они не видели раньше, а вернее всего, рассказать о народе, когда-то жившем здесь и близком к вымиранию, оставить о себе хорошую память, пока есть возможность.

А как оценят люди будущего эту память – решать потомкам. Они могут реальное принять за мистику, а мистику за реальное. Это не столь важно. Мистика тоже может быть по-своему загадочной и прекрасной. Лишь бы она не дурила людям головы, не была обманной, лживой и корыстной.

Случай в горах Коктебеля был одним из редчайших, непредсказуемых и даже сказочных в жизни Любы Полищук. Она просто физически не смогла вторично добраться до места заинтересовавшего ее явления, хотя на пути туда поставили пост, легко преодолимый за сравнительно небольшую взятку.

В 1999 году я написал о Любе статьи в газете «Хозяюшка» (приложение к газете «Вечерняя Москва») и в книге «Актерские истории». Сережа сказал мне, что она вырезала эти статьи, и они хранятся у них дома, а заканчивались они так: «Люба всегда старается дознаться до смысла любого текста, с которым работает, не стараясь показать себя недостаточно смышленой. И в этом желании, во что бы то ни стало вникнуть в глубину самого сложного образа, я вижу залог будущих успехов артистки Любы Полищук, а мастерство, для этого, если потребуется, она наберет, она, привыкшая учиться всю жизнь».

Ее скачки в познании образов – от самого примитивного до драматически и актерски сложнейшего в кинофильме «Любовь с привилегиями» не всеми замечены, даже коллегами, клявшимися в беззаветной любви к ней, не замечены потому, что они не сотворили в своем творчестве ничего подобного, крутясь на развлекательных образах, на том, чего и она сотворила в своей работе немало, а признать ее даже в одном фильме выше себя, умнее и глубже ни у кого не поднялась рука. Бог с ними, с коллегами по развлекаловке. История рано или поздно расставит всех по своим местам. Одного не вернуть, не увидеть – Любовь Полищук в роли булгаковской Маргариты. А жаль… И этому не поможет никакая мистика, тем более советская. И был еще один период в жизни Любы, когда она могла предстать перед зрителями в совершенно иной противозащитной ипостаси. Об этом она начинала говорить издалека.

О вкусах и культуре немалой части своих зрителей Люба Полищук судила по тому, какие интервью берут у нее журналисты. «А вообще-то я не люблю давать интервью, потому что они слишком много копают про быт, – откровенно признается Люба, – какую колбасу я люблю, какого цвета обои в моей спальне, сколько у меня любовников, как часто я их меняю и так далее. Молодежь, мечтающая о сцене, читая такие интервью, может получить урезанное и превратное мнение об артистической жизни и, увы, получает. У меня на этой почве возник казус с автором-исполнителем Варленом Стронгиным. Было это лет тридцать назад. В гастрольной поездке. Я никогда не забывала, что начинала творческий путь в самодеятельности Омска, что в юности мало читала, и однажды ругнулась при писателе полу цензурным словом. Слово вырвалось из моих уст и повисло в воздухе. Стронгин не сделал мне замечания, но по выражению его лица я заметила, что он мой жаргон не одобряет и даже удивлен услышанным. Я прикусила язык, минуты три молчала и поняла, что есть другие люди, с другой культурой, для которых моя мало или совсем неприемлема. И с этой поры я стала «копить» умных и культурных людей и очень обязана им пониманием хорошего искусства. А вокруг на нынешней эстраде, извините, бардак, лучше и точнее не определишь и стал еще больше, чем был. Есть очень благородные и культурные люди, но их единицы. Поэтому в программу своей жизни я первым номером поставила вопрос об уходе с эстрады и ушла. В правительственные актеры, мелькающие на праздниках и фестивалях, я не стремилась. Меня очень раздражал «правительственный» конферансье с елейной улыбкой и репертуаром, похожим на газетные передовицы. А я едва не стала обычной эстрадницей и могла бы подражать ему.

Вот был бы позор. На счастье в то время у меня пропал голос. Много раз слушала артиста Художественного театра Владимира Трошина, проникновенно исполнявшего «Подмосковные вечера». Он эту песню прочувствовал всей душой, и она у него получилась. Сейчас от тех «Подмосковных» осталась одна песня: леса замусорены, вода мутная, воздух загазован, на пляжах грязь и порожние бутылки. И вряд ли они теперь вдохновили бы какого-нибудь поэта и композитора. «Враги сожгли родную хату» – гениальная по стихам и мотиву песня. Услышав ее первый раз, я расплакалась, настолько была растрогана. И поначалу была поражена, что журналистов не интересует мое истинное мнение ни о чем – ни об искусстве, ни о жизни. У большинства из них заготовлены трафареты, куда они вставляют имя очередного исполнителя. Мои подруги куда более умнее и образованнее. И я сама уже начала читать критические статьи режиссера Немировича-Данченко, писателя Ивана Алексеевича Бунина… Его литературные портреты Блока, Есенина, Маяковского буквально переменили мое сознание. Почему однообразны и примитивны наши критики? От них требуют не художественного анализа спектакля, а поверхностное описание, чтобы текст служил рекламой и занимал на полосе меньше места.

Запомнилась мне игра с интеллигентным и мягким по манере подачи образа своего героя артистом Альбертом Филозовым в спектакле «Пришел мужчина к женщине». Получилась интересная творческая работа, мы обсуждали с ним каждую фразу, каждую мизансцену. А потом я перешла на более примитивные антрепризы. Они делают сборы, потому что не заставляют зрителей думать. Может, кому-то в нашей стране необходимо плохое искусство, замедленное развитие людей, не знаю. Но если так, то это государственное преступление. В любом случае – актеры должны находиться за какой-то завесой, сохраняющей тайну их личной жизни от любопытствующих глаз. По этой причине категорически отказывалась от всех этих расплодившихся теле-шоу, после съемок которых сразу начинались интервью, которые берут все – начиная от дикторов новостей до ведущих программы «Здоровье». Мне гораздо интереснее читать какие-то рассуждения о моем творчестве, чем то, что я говорю под нажимом интервьюера. Каждый раз, когда я прочитываю очередное вырванное у меня интервью, мне становится дурно. Какая-то ахинея. Не знаю, кто виноват в этом больше – журналисты или я сама.

Думаю, что больше я. Никто меня не тянул за язык, сама хотела «прозвучать» в центральной газете, под раскрутиться. Я сама строила себя, как актрису, как личность… Кое-кому

нравилась из культурных людей. Понравиться им, дать пищу для их ума – текстом или игрой – об этом я думаю до сих пор. У меня свои кумиры – и среди артистов и даже среди совершенно неизвестных людей. Прочитав стихи об одном из них – узнике Магадана, – хочу, чтобы о нем узнали мои зрители, и привожу их, хотя бы частично (из сборника Колымских поэтов): «Мы шли этапом и не раз, колонне крикнув: «Стой!», садится наземь в грязь и снег командовал конвой. И, равнодушно и немы, как бессловесный скот, на корточках сидели мы до выкрика «Вперед»… И раз случайно среди нас, пригнувшихся опять, один, кто выслушал приказ, и продолжал стоять. Минуя нижние ряды, конвойный взял прицел: «Садись!» – он крикнул. – Слышишь ты?! Садись! – но тот не сел… По лагерям, куда кого, нас расселили врозь. И даже имени его узнать мне не пришлось. Но мне, высокий и прямой, запомнился навек над нашей согнутой спиной стоящий человек».

Я читала Солженицына, Варлама Шаламова, Гумилева… Думала о страшной судьбе миллионов, но подступиться к этой теме не ведала как, где выступать и кто разрешит? Актер Александр Филиппенко, ранее прошедший школу Театра «У Никитских ворот», признался, что тоже кумекает по этому поводу. Я понимала, что тема тоталитарного режима общемировая и вечная. Я хотела продолжить ее в театре после фильма Э. Брагинского и В. Черных «Любовь с Привилегиями». Но от мысли осуществить что-либо подобное на сцене отказалась. Для этого как минимум нужно иметь свой театр – и массу привилегий, а у меня этого никогда не было. В Америку меня не пустили даже на торжественную церемонию. Наверное, страшились, что американский образ жизни настроит меня против привычной советской необязательности. Американцы чтут законы и, что положено человеку, выдают обязательно. А почему отметили мою игру? Наверное, потому, что свою роль я не играла, а жила на экране жизнью героини. Настолько вникая в ее судьбу, настолько пережила ее, что моя игра органично перешла в жизнь. Вот и все…

Глава девятая
Будни Любы

Я не уверен, что Люба давно знала о своем заболевании, насколько оно опасно для жизни, сколько может продлиться. Возможно, надеялась, что пронесет, что выдержит ее стойкий организм и волевой характер. Она часто преодолевала трудности с ходу, ей говорили: «Встань на пуанты!» – и она вставала, без тренировок, без элементарного учения, зато с громадным напряжением сил, сжав до боли губы, но вставала. Я твердо поверил в то, что она неизлечимо больна, когда у нее по телевидению взял интервью Эльдар Рязанов, никогда не снимавший ее в серьезных фильмах. Это был его долг, обязанность беспредельно преданного кино человека – отразить и серьезно ее неимоверно сложную и удачную работу в кинематографе. Чтобы люди знали и помнили. Он был деловит и озабочен тем, не упустить что-либо важное в вопросах. Она была спокойна, умело скрывала внутреннее напряжение, и внешне казалось, не придает особого значения вопросам мэтра. Интервью получилось несколько суховатым, общим, не приуроченным ни к чему важному – ни к юбилею актрисы, ни к какому-либо празднику. Рядовое интервью, на которое многие зрители не обратили внимания. Разговаривают умный режиссер и хорошая актриса, не говорят ни о чем актуальном, во всем соглашаются – не знали люди, что это было прощание великого режиссера с великой актрисой, да и как это было возможно объяснить им. Вот если бы это интервью транслировали из больничной палаты или празднично украшенного актового зала – тогда бы присмотрелись, прислушались, ради чего встретились и беседуют эти популярные в стране люди. У нас не любят травмировать людей драматическими и трагическими сценами, если это не обвал никому не известной шахты или сошедший с рельс поезд. Тут можно показать заботу о пострадавших, умелую работу спасательных служб. А в случае с Полищук не то что показывать, даже говорить о происходящем с нею не разрешается. Не знаю – правильно ли это. Вот когда в Америке умирал наш популярнейший артист Савелий Крамаров, то его друг Олег Видов поведал об этом в одной нашей телепередаче, где сказал, что артист уже ничего не видит, но пока слышит, и в далекую страну через океан из России понеслись сотни добрых и благодарственных телеграмм, скрасивших последние дни жизни артиста.

Рассказывая о себе в прессе, Люба Полищук не столько приводила в пример свой собственный опыт, в полном его объеме, сколько отделывалась общими советами: «Для поддержания формы и тонуса нужна какая-нибудь физкультура. Раньше я любила пробегать утром несколько километров. Люблю пройтись, но сейчас это делаю крайне редко». Мне повезло. В умеренно теплое утро я повстречал Любовь Полищук на набережной, возвращающейся домой из Тихой бухты. Около часа хода в один конец. К тому же быстрым шагом. На Любе сарафан с короткими рукавами, на голове соломенная шляпка с загнутыми вниз полями, на глазах темные очки, чтобы не узнавали.

– Откуда, Люба?

– Из Тихой бухты. За зиму набираю вес. Сейчас избавляюсь от него. (До бухты надо пройти через две крутые горы с километр каждая. Тело и позвоночник испытывают приятное напряжение, если человек абсолютно здоров. – *В. С.*) Потом я полчаса плаваю. И в купальнике сразу направляюсь домой.

– А теперь?

– Иду в Дом творчества. У вас чудесная массажистка, – говорит Люба весело, задорно. Вид у нее вполне оптимистический, и начинают казаться злыми слухи о ее серьезном заболевании, при котором строго противопоказано загорать и тем более принимать массаж. Перед тем как зайти в ворота Дома творчества, она подходит к лотку обаятельного мастера из небольшого украинского городка, делающего уникальные молодежные украшения. Мастера зовут Володей, «хрустальным» мальчиком. У него светятся глаза. Он любимец женского пола Коктебеля. Его колечки, браслеты, бусы и прочую уникальную по гамме цветов и выделке галантерею разводят из Коктебеля по всем странам самые модные современные женщины.

– Есть что-нибудь новенькое, Володя? – склоняется к его лотку Люба. – Хочу подобрать Маше.

– Сделаем! – уверенно говорит Володя и аккуратно складывает в пластмассовый пакет бирюзовые с отливом краеугольные бусы.

Люба идет по аллее Дома творчества, движется свободно, легким пружинистым шагом, высокая, красивая женщина со здоровым загорелым лицом и мысль о том, что ее может серьезно одолевать хворь, сама собой улетучивается из моего сознания. Вечером я ее на набережной не встречаю – хозяйство, муж, дети и гости. В доме дым коромыслом, пока не приготовлена еда и гости не расселись по местам. Начинает священнодействовать Сережа, он непревзойденный кулинар и о своем истинном предназначении пока, наверное, не догадывается. Рюмка, вторая –

и развязываются языки, звучат шутки и смех. Кто-то хохочет до упада. В доме ощущается семейное счастье, и добрая частица его передается гостям. Неожиданно Люба обращается к дочери, не притронувшейся к еде и постоянно курящей: «Маша, это не я говорю, врачи, не ломай жизнь под маму, кури меньше меня, хотя бы. Организм – это кастрюля, и ее надо мыть, чтобы она блестела, то есть надо много пить натуральных напитков и есть побольше овощей, фруктов и всяческой зелени.

– Хорошо, мама, я завтра с утра пойду попастись с козами, – смеется дочь. И Люба подхватывает ее улыбку и гости. Начинается кино– и фотосъемка. Здесь главный оператор Леонид Николаевич Петров – в прошлом многолетний и добрый директор Дома творчества писателей. Лучших и наиболее ответственных из них, то есть по списку, присылаемому из Правления литфонда, он персонально встречал в Феодосии.

– Гордись, – говорит он мне, – Фазиль тоже в этот список не попал, и Виктория Токарева, и Володя Маканин… А те, кто там числились, кроме младшего Михалкова, те – кого бог прибрал, кто далече, но большинство те, кого давно позабыли… Я рад, что ты меня помнишь. И спасибо за книгу о Крамарове, не забыл, привез, уважил…

Люба собирает вокруг себя зрителей, аппетитно и с голодными злыми глазами въедаясь в большой полукруглый шашлык на косточке. Смешно очень.

Вспыхивает фотоаппарат. Два кадра готовы. Фотографируемся все вместе. Я вскоре покидаю гостеприимный дом, зная, что веселье там будет длиться до утра, а я уже подустал.

Люба провожает меня до выхода.

– Задержу на минутку. Не хочу своим рассказывать. Боюсь, что засмеют.

– А что случилось?

– Вроде ничего особенного, – смущается Люба, – иду я на днях в Тихую бухту, по прямой тропинке, и вдруг из травы выскакивает змейка. Юркая. Черная. Сантиметров сорок. Пересекает тропинку в полуметре от моих ног и мгновенно скрывается в траве. Я от страха оцепенела и остановилась. Испугалась, что она на меня бросится, если я дальше пойду. Минуты две-три простояла и только потом двинулась, быстрыми шагами. Такая отвратительная змеюка. Голова маленькая, но страшная. Впервые встретила змею. Ты не знаешь, к чему бы это?

– Не знаю, – откровенно признался я, – и вообще в приметы не верю.

– Я тоже не верю, – сказала Люба, но отражение пережитого

испуга возникло на ее лице, – нож упадет на кол, тарелка разобьется… Я знаю это к чему. Не опасно. И у меня никогда никакие приметы не сбывались. Но это змейка… Мерзкая и страшная… Из головы не выходит. Может, мне природа какой знак подала? О грозящей опасности, о чем-то очень плохом?

– Не придумывай, – сердито говорю я, чтобы отвлечь Любу от дурных мыслей, но она стоит на своем.

– Если знать, что тебя ожидает, то можно предупредить любую неприятность.

– Наверное, можно, – говорю я, – если бы знать, где упадешь, то подстелил бы соломку.

– Не случилось бы что-нибудь огорчительное с Машей, с Сережей… Они чересчур современные. Расскажи я им об этом случае – засмеют. Я сама готова подшутить над собой, но вспомню эту отвратительную змейку и теряю чувство юмора. Я? Чувство юмора? Самой не верится.

– Может, ты приняла змею за всеобщее воплощение зла? Нафантазировала? – предположил я.

– Нет, – решительно говорит Люба, – это – знак опасности или даже беды. Насколько втемяшилась эта мысль в голову, что никак не могу от нее отделаться. У тебя в жизни было что-либо подобное?

– Змееподобных людей встречал, пытались жалить. И жалили. Но, как видишь, я пока жив. А вот настоящих змей встречал только в зоопарках. Анаконду видел. В кино. Громадная тварь.

– А это маленькая, но пострашней анаконды. Будем считать, что змейка попалась мне случайно. Ведь мы не верим в приметы?

– Не верим! – уверенно соглашаюсь я.

– Говорят, что на тебя весной машина наехала, – грустно говорит Люба. – И ты, конечно, не предчувствовал этого.

– Нет. Не ожидал. Но было так, – киваю я головой. – На шоссе у Дома творчества Переделкино. Шел вдоль шоссе по насыпи и вдруг «Мерседес» в спину…

– «Мерседес» по насыпи не ездит, – замечает Люба.

– Знаю, – говорю я, – но мне вдарил. Говорят, что я пролетел несколько метров, ударился головой об асфальт. Потерял сознание, но ничего не сломал, отделался сотрясением мозга.

– Нашел водителя?

– А он не уезжал. Предприниматель из Волоколамска. Привезли меня и его в ГАИ, а некто Эмгрунд говорит, показывая на меня: проверьте, он пьяный. Медсестра хотела сунуть мне в рот какую то трубку, но не решилась. А я говорю водителю: «Вы ошибаетесь. Писатели с утра не пьют, а сейчас еще нет одиннадцати». В больнице сделали мне операцию. Перевязали

голову бинтом. Хотел я с водителем судиться. Собрал показания свидетелей. Дважды мне назначал встречу следователь из милиции г. Видное, капитан Бушуев… Под Москвой, черт знает где, но ни разу не явился. И судья мне возвращает иски. То одно не так написал, то другое. Не хотят со мною заниматься.

– А может, предприниматель нашел с ними общий язык или им не велели. У тебя, сколько знаю, было полно врагов. Ведь ты всегда правду писал. Но больше тебя не тронут. У них между собою такое правило есть – если в первый раз случилась неудача, то во второй раз не затевают. А я попала в автокатастрофу. Три спинных позвонка выбила. Но вставили их. Обошлось. Плаваю нормально. Повезло нам с тобою маленько!

– Пока живем! – улыбаюсь я.

– Пока, – вздыхает Люба. – Мне с мужем повезло. Заботливый. Любит заниматься грядками, выращивать цветы. У меня нет на это времени. А природу я очень люблю. Причем особенно природу средней полосы: равнину, лес, тихую воду озера. Предпочитаю немноголюдное Подмосковье. Иногда с Сережей ездим на водохранилище, на Истру. А чаще в Коктебель. Здесь мой дом, моя семья. Но, видимо, я человек несложный, очень яркие пейзажи, горы, даже шум волн меня иногда раздражают. За год настолько изнервничалась, что месяца не хватает, чтобы привести нервы в порядок. Набираю с собою книг: Достоевского, Гоголя, Чехова… Кое-что прочитываю. Хочу детально разобраться в жизни Волошина. Что был за поэт, за человек?

– Разберемся, – обещаю я. – Заходи в понедельник вечером в кафе «Бубны». Спроси Бориса Яремко. Он хозяин кафе и фанатичный поклонник Коктебеля… По всей стране собирает его старинные фотографии.

– Приду, – обещает Люба, но не появляется. Мы с Борей ждали ее до позднего вечера. А она была человеком слова. Что-то случилось и такое, что она не могла добраться до центра набережной и даже нормально разговаривать. Позднее ее сын Алеша рассказывал: «Приступы спинной боли бывали у мамы и прежде, и еще несколько лет назад, когда я снимался в телевизионной игре первого канала «Большие гонки», мне позвонил из Франции Сережа и сказал, что, поднимаясь по трапу самолета, мама согнулась и не могла идти дальше.

Сначала вся семья отнеслась к этому более менее спокойно, типа «вылечим». Знали, что у Любы наблюдались проблемы со спиной – периодически болело то там, то сям, но о раковой опухоли узнали не сразу. Думали, что это следы автокатастрофы».

Первым узнал о постигшей Любу беде Леонид Николаевич

Петров. У него отдыхал врач из ленинградской военно-медицинской академии Иван Цыба. Врачу рассказали о жалобах Любы, он внимательно осмотрел ее и отозвал Леонида Николаевича в сторону:

– Дело серьезное. У нее онкология. Пусть немедленно летит в Питер и ложится в мое отделение.

Леонид Николаевич задумался, не зная, как подойти с этим вопросом к Сереже, как, узнав о страшной беде, поведут себя родные Любы, сама Люба.

Срочный отъезд Полищуков из Коктебеля в Москву мог испугать больную, вызвать у нее нервный срыв, усугубить болезнь. Жена Петрова Ирина Викторовна была ближайшей подругой Любы, но сказать ей о беде не решалась. Тогда сам врач вызвал больную на собеседование.

– У вас болит спина. Это нехорошо. Но сказать вам, как далеко зашла болезнь, на какой находится стадии – не могу. Для этого надо провести анализы. В местных условиях это невозможно. Поэтому не спеша, спокойно перебирайтесь в Москву. У меня есть знакомый врач на Каширке. Отличный диагност. Он вам расскажет все, как есть, что нужно делать.

– Я буду делать анализы, – решительно вымолвила Люба, догадываясь, о какой болезни говорит врач. Он удивился ее хладнокровию. Хотя слово «рак» не было произнесено, но оно угрожающе витало в комнате. Люба побледнела, но ни на секунду не потеряла самообладание.

– Когда нужно ехать? Завтра?! – вспыхнула сигаретой Люба.

Врач хотел сказать «да», но, столкнувшись с ее твердым взглядом, смягчился:

– День-два – ничего не решают, а там год-два, сколько Бог отпустит. Сделайте свои неотложные дела и поезжайте.

(Бог «отпустил» полтора года.)

Неприятные опасения, мучившие Любу, прекратились, и наступило неожиданное спокойствие, не полное и беззаботное, а тревожное, но обоснованное. Ходили слухи об исцелениях, и не где-то там, а в определенных местах, с реальными людьми. Людмила Васильевна Малькова, сделавшая операцию злокачественной опухоли на желудке после этого живет двадцать с лишним лет и долго работала. Люба наметила встречу с ее дочерью, продежурившей у кровати матери свыше трех мучительных и тревожных месяцев, и с помощью врачей вытащившая маму из, казалось, безнадежного состояния. Были известны и другие счастливые случаи. У Любы в Коктебеле была закадычная подруга Ирина Викторовна, жена Леонида Николаевича Петрова. Он рассказывал мне, что последнее время

они постоянно секретничают. Ирина Викторовна не скрывала этого, но о сути своих разговоров с Любой рассказывать наотрез отказалась. И потом я догадался – почему. Они советовались, как лучше сохранить физическую форму Любы, которой, даже будучи здоровой, она придавала большое значение, и говорила о себе: «Мне не нравится Люба Полищук как актриса кино. Мне вообще не повезло с кино. Там у меня почти не было серьезных предложений. То же с телевидением, на которое меня не пускали 12 лет». (Кстати, ее партнера по танцу в «12 Стульях» Андрея Миронова тоже отлучали от телевидения лет пять и не утвердили ведущим передачи «Вокруг смеха», так как грозный начальник телевидения Лапин узрел в его облике семитские черты. – *В. С.*). Вот что пишет о Лапине Люба Полищук: «Был там один товарищ, который говорил: «Даже кинопробу мне не показывайте – у этой артистки не советское лицо». А когда лицо стало нормальное, советское, то бишь российское, для кино я как бы уже постарела. И то, что могла сыграть на киноэкране, прекрасно делают молоденькие девчонки. Может быть, с чуть меньшим темпераментом. В кино возраст заметен сильнее, чем на театральной сцене или даже в жизни. Когда я еду на машине – а я просто обожаю водить, – многие в соседних машинах меня узнают, опускают окна и говорят всякие комплименты. А некоторые даже кричат: «Любаня! Я вас так люблю! Умоляю – поехали пить шампанское!» Наверное, думают, что я очень молоденькая».

Для любой женщины даже намек на постарение является сердечной травмой, и она сначала интуитивно, а потом умышленно старается избежать его. Казалось, что Любовь Полищук излучает энергию и жизнелюбие. Хотя много сил отнимали съемки, спектакли и репетиции. Но какой бы усталой и вымотанной ни приходила она домой, там ее ждали внимание и понимание. В этой дружной семье больше всего любили и ценили хорошие анекдоты, байки и удачные розыгрыши.

На первую и единственную съемку в этом фильме Люба шла как на праздник и смеялась, так как не подозревала о ней, и думала, что последняя съемка была у нее полгода назад, и то в кино павильоне, а тут на самой что ни на есть натуре – на Центральном Феодосийском рынке, и совершенно неожиданная. Подошла она с мужем к рыбному ряду. Сумка через плечо. Стала выбирать пеленгас для ухи. Полезла за деньгами в сумку, а ее кто-то надрезал с обратной стороны и бумажник с гривнами тю-тю. Бабки вокруг галдят. Уверяют, что момента кражи не видели. Но вскоре подходит милиционер, снимает со столба аппарат кино наблюдения и через полчаса приносит Любе пленку, а на ней

пара пацанов делают надрез на Любиной сумке и осторожно вынимают из нее бумажник. Милиционеры артистку узнали, извиняются, что не попала в самый фокус, а воры отлично получились, четко, с бумажником в руках. Шуму было и смеха полно. Хотели даже отпустить ребят, но они повели себя слишком нахально.

– Это не мы! – говорят, – не наши это рожи!

– Ваши! – кричит продавщица. – И гражданка эта!

– Не наши! – твердят парни свое. – И документы у гражданочки нужно проверить! Наверняка из приезжих. Жертву разыгрывает. Как Люба Полищук!

– Она и есть Люба Полищук! – говорит Сережа. – Вот ее документы!

Парни присмотрелись – на самом деле Любу Полищук обчистили. Поникли. Стали просить извинения. Но милиционер заупрямился: «Это же потрясающий факт для истории нашего отделения. И пленка со временем станет исторической». Увел ребят, а в виде вещдока вместо сумки взял с прилавка рыбину. Но Люба восстановила справедливость – заплатила продавщице за две рыбы.

Сережа, уходя, сказал милиционеру:

– Вы эту пленку не выбрасывайте. Может, действительно пригодится для истории.

– Оставим, – обещал милиционер. – На День милиции своим покажем! Вот смеху будет!

Люба удивляется тому, что не только милицейское, а даже Центральное телевидение стало проявлять к ней необычное прежде внимание. Пригласили сниматься в многосерийном фильме, отсняли интервью с Рязановым, потом беседу со всей семьей – с Сережей, Машей и Алексеем. Беседа получилась на редкость благожелательная. В центре, конечно, Любовь Полищук, и все изъясняются в любви, но по делу, с достоинством. Что Алексей, что Маша, не говоря о Сереже, все не представляют своей жизни без Любы и единогласно признают ее создателем дружной семьи.

– Вот так было бы всегда, – думает Люба.

Она смотрела на сытое благополучное лицо Якубовича, особенно не затрачивающего себя на сцене, даже менее эмоционального, чем она, больная, и вспомнила его сотоварища Влада Листьева, лежащего на спине в подъезде своего дома, казалось, не убитого, а зашедшего сюда отдохнуть на время. Убийцу клялись найти, но когда-то это было? И убийца до сих пор на свободе, и клятвы забылись. Спроси почти у любого мужика, почем стоила водка в период правления Андропова, и он

назовет сумму, в точности до копейки, а кем был Влад Листьев – вспомнит далеко не каждый. Люба восхищалась Галиной Старовойтовой – умнейшая и острая на язык женщина. Она так разделывалась с недалекими или корыстными членами Думы, что те опускали головы, прикусив языки и не зная, что ответить на ее вопросы. Запросто убили. В упор. На глазах у свидетелей. И снова не смогли найти убийцу. Говорили, что будто напали на его след, и затихли.

Один из обожателей приглашал Любу поехать с ним к отцу Меню, послушать его лекцию. Но Люба тогда не знала, кто такой Мень, и отказалась. Потом жалела. Удивилась крушению самолета с младшим Боровиком. Он в своей телепередаче «Совершенно секретно» показал первую серию документальной картины об Иосифе Кобзоне. Тот объяснял свое знакомство с людьми, находящимися не в ладах с законом, тем, что это очень для него интересные и необычные люди. Люба ждала показа второй, серии, но тщетно. Может, не только разбился и сгорел самолет с Боровиком, но и сгорела находившаяся с ним кинопленка? И копии не осталось? Жаль молодого и смышленого парня. А Дмитрия Холодова из «Московского комсомольца», уничтоженного при помощи наполненной взрывчаткой бандероли, пришедшей на его имя? Разве его не жаль? Любу на одной из актерских вечеринок познакомили с Юрием Щекочихиным – журналистом из «Литературки» и членом Думы. Немолодой, но веселый мужчина. Они с ним лихо отплясали танго. О своей работе сказал с улыбкой: «Тону в коррупции. Но пока держусь на поверхности». Недолго продержался. Отравили. Любе казалось, что если бы она была рядом с ним, то нашла бы врача, который спас от отравления негра Руслана в Коктебеле. Врач был специалистом по тибетской медицине. Интуиция упорно говорила, что он вылечил бы и Юрия Щекочихина. По каждому их фактов убийств завели уголовные дела и взяли их под особый контроль. Может, сложности этого контроля мешают раскрытию преступлений? Пустить бы эти дела обычным порядком… Может, сдвинулись бы с мертвой точки? Слава богу, Якубович жив. Юморил и только. Это, видимо, отвело от него злую напасть. После выхода фильма «Любовь с привилегиями» у Любы тоже враги появились. Однажды вышла из ресторана троица мужиков с холодными жестокими лицами и прямо на нее двинулась с воинственной песней из старого фильма: «Артиллеристы, Сталин дал приказ…» Еле увернулась. В Сочи, где снимался фильм, больше не ездила. И партнер туда ни ногой. Не из страха, а на всякий случай. Опытный критик, разбирая фильм, сказал, что если на него есть отрицательная реакция хотя бы части верхов, то

значит, кинематографисты попали в десятку, в самую точку. Значит, и она, Любовь Полищук, играя в этом фильме, тоже не промахнулась и стала своего рода кино снайпером.

Жаль, что никто больше подобных сценариев ей не предлагал. А может, их больше не пишут? Один кинорежиссер сказал, что он теперь сценарии не ищет. То, что ему сверху спускают, то и снимает. Верные деньги и при полном спокойствии. Сейчас Любе предлагают войти в многосерийный фильм на телевидении «Моя прекрасная няня». Няня действительно обольстительная. Новая актриса – Анастасия Заворотнюк. В самом расцвете сил. Любе предлагают роль ее матери. Условия хорошие и льготные – режиссер обещал делать перерывы, если у Любы начнет шалить здоровье, не соглашаться просто нельзя. И дала себе слово – попусту не нервничать, а повод был с первых киносъемок. В каждом, даже минутном эпизоде героиня меняет наряд. Что ни наряд – искусство кройки и шитья. Наверное, на пошив одежды для Заворотнюк трудится целый швейный цех. И пусть трудится, если есть деньги и время, но ведь такая калейдоскопическая смена нарядов отрывает внимание зрителя от игры актрисы, от пусть нехитрого, но все же сюжета. И не согласуется со статусом няни. А актриса хороша. Любе этих нарядов хватило бы на целую кино жизнь, и еще бы осталось.

Хотела сделать замечание актрисе и режиссеру, ведь даже трудно понять, когда и зачем требуется замена наряда. Но потом раздумала – могут решить, что она завидует, а она помочь им хочет. Вдруг не поймут? Решила и все – рот на замок. Лишь научила Заворотнюк «шокать» – жаргону из своих молодых лет. Всю энергию надо отдавать роли, показать, что мама у красавицы, конечно, уже в годах, но баба-гвоздь, ей палец в рот не клади, что героине станет легче – будет с кем соревноваться, если не в молодости, то в темпераменте.

Люба считала, что ее главный секрет молодости – восприятие жизни с юмором. Но и от других методов омоложения не отказывалась: «Конечно, актеры очень портят лицо гримом, косметикой. Поэтому, если есть возможность, я даю коже просто отдохнуть, а при макияже использую продукцию только хороших фирм. Уходу за собой посвящаю не очень много времени, но делаю это систематически. Если я узнаю о каком-то новом методе и у меня есть время, то обязательно пойду в косметический салон».

Так было, а сейчас к своему омоложению Люба добавила секреты Ирины Викторовны. Разные отвары, листья полезных трав и специальные примочки. Об этом думала Люба, но более всего ее

волновал один вопрос, состоящий из многих под вопросов: как быть, как жить дальше (продолжать сценическую жизнь – непременно, но где больше – в кино или театре, на какие роли соглашаться, на какие – нет, играть ли комических старух или немолодых, но крепких женщин, и вопрос вопросов – как сделать так, чтобы семья после ее ухода не разрушилась, чтобы Мариэтта и Алексей стали ближе друг другу, как истинные родные брат и сестра, чтобы Сергей обрел новую специальность, близкую его душе, близкую художественным натурам детей, как продолжить то веселое братство, которое она создавала годами. При одной мысли, что все созданное ею доброе и полезное может провалиться в тартарары, ей становилось плохо. Но она была уверена в Сергее, в Алексее, уже ставшим хорошим и признанным артистом. Надеялась, что свое призвание найдет Маша. Не сможет сама – ей должны помочь друзья семьи Полищук, друзья Любы – ведь скольким людям она помогла серьезно и бескорыстно. Хотелось верить в лучшее. Она собиралась жить и активно, но миролюбивее и спокойнее, чем прежде. Ведь на выплеск энергии даже в слове и жесте уходит много сил. Нужно ли так растрачиваться, как прежде, когда срок жизни сокращен? Может, и ненамного, но все равно нужно экономить силы и душевную энергию, чтобы ее хватило на самое важное из того, что она наметила, на теплое и незаметно грустное для друзей прощание с ними, прощание с тем, к чему привыкла, что любила.

Когда я рассказал Петрову о встрече с Любой, возвращающейся пешком из Тихой бухты, он явно удивился.

– Она обычно гоняет туда и обратно на своем уазике.

И после этого разговора я понял, что, наверное, Люба ходила прощаться с любимой бухтой, с ее полукругом дивной и нигде невиданной красоты, с извилистыми затейливыми дорожками, пройденными с удовольствием и множество раз, с видами на Хамелеон и другие горы, создающими неповторимый крымский пейзаж, похожий на синайский, увиденный во время гастролей в Израиле. Ей советовали поехать в кайфинский госпиталь, где врачевали рак одни из лучших специалистов в мире, к американскому кудеснику Майклу Де Бейки, лечившему Ельцина, но она направилась в Ленинград, к врачу, открывшему ее заболевание. Она верила ему, его смелости и откровенности. И он честно, приложив руку к сердцу, поведал ей, что применение ножа в ее случае может ускорить ход болезни. Химиотерапию разрешил. Был мил с нею, любезен, но не обещал исцеления, советовал использовать время для полезных дел. Она предлагала ему большие деньги, но он сказал, что не может обманывать ее. Ходили слухи, что она все-таки съездила в Израиль, ведь

утопающий цепляется даже за соломинку. Я специально проверил у своего израильского друга – в больнице, где лечат рак, она не появлялась. Я подумал, что тогда, после бухты, она шла медленно, никуда не торопясь, долго стояла рядом со мною у продавца безделушками, долго рассматривала их молча, словно хотела сказать что то важное, но не смогла. И по аллее парка двинулась медленно, печально опустив голову.

А вокруг сияло солнце, сверкала роса на листьях деревьев после недавно прошедшего дождя. И рядом была Люба, но не излучавшая обычную жизнерадостность, а грустноватую теплоту. И это еще не было нашим прощанием, которое было впереди, совершенно исключительное и в непредвиденной обстановке. О нем – позже.

В Москве Любу ждала работа. Она снялась в довольно среднем фильме с надуманным сюжетом. К героине, сыгранной Любой, приезжает муж ее погибшей дочери – мужа играл Леонид Якубович – ведущий шоу «Поля чудес», когда-то входившего в знаменитую программу ВИД во главе с Владом Листьевым. Серьезные темы ушли, исчез ВИД, убили Листьева, а развлекательная программа сохранилась. Так бывает и часто в художественной среде. Якубович поседел, бубнил в усы заложенный автором текст, что-то похожее на переосознание им смысла жизни, под воздействием чего героиня молодела и то ли оказалась на самом деле не погибшей дочерью, то ли скоропостижно и резко помолодевшей матерью, с которой герой в конце фильма вступил в брак. Я невнимательно следил за сюжетом фильма, но мастерство перевоплощения Любы Полищук из старой женщины в юную, в очень юную и восторженную молодую женщину, удалось ей великолепно, как опытному и зрелому мастеру.

Глава десятая
Мужество

Даешься диву, когда узнаешь число фильмов, в которых отразила свой талант Люба, пусть в эпизодических, крошечных ролях, но показала, что такая артистка в стране существует и работает.

А ведь было несколько лет, когда ее вообще не задействовали как актрису. Таким образом легче и проще всего погубить творца. Он вроде существует, даже что-то творческое окончил, даже где-то числится, но просмотрите все фильмы, перечитайте все книги и его имя нигде не найдете. Его фактически не существует, и он это знает, чувствует, переживает. Не все могут жить в таком состоянии и вроде самовольно покидают этот жестокий мир. Затем о некоторых из них вспоминают, жалеют, что не замечали при жизни. Некоторым даже ставят памятники. Но закованный в бронзу или гранит творец уже не опасен конкурентам. На воспоминаниях о нем можно даже кое-что заработать. Люба пережила время полного забвения и отметилась в 65 фильмах («Приключения принца Флоризеля», «Вавилон XX», «Отпуск за свой счет», «Выигрыш одинокого коммерсанта», «Если можешь, прости», «31 июня», «Посвященный», перечисленные в предыдущих главах еще многие, многие). Доказала, что артистка Любовь Полищук есть – артистка театра, кино и эстрады (на всякий случай выиграла первое место на Всероссийском конкурсе артистов эстрады).

С одной задачей справилась. Попутно решала другую, тоже очень важную – заработала деньги на безбедную жизнь. Пережив голод в детские послевоенные годы, она не хотела подобной участи своей семье и избавила ее от денежных невзгод. И с третьей задачей справилась – построила полноценную семью с двумя детьми, с любящим заботливым мужем. Ее гордостью стал сын. Мне о нем она говорила дважды: 1. «У меня очень талантливый сын. Просто он еще не нашел роль, в которой мог бы ярко проявить себя». 2. «Ты слышал о моем сыне? Он стал известным киноактером. Снимается в хороших сериалах!»

А вот что говорит сын о матери: «В интернате все знали, что я сын той самой женщины, чьей головой Андрей Миронов разбивает витрину в фильме Марка Захарова «12 стульев». И всем это было глубоко фиолетово. Ведь когда я там учился, мать не была столь известным человеком. А что касается меня, то я никогда мамину известность не примерял на себя. Относился к

ней абсолютно спокойно, опять же, как к данности. Для меня Любовь Полищук прежде всего была матерью. Не звездой Российского кино, не секс-символом, а обыкновенным живым человеком, женщиной, которая ходила по дому в халате, в бигуди, ненакрашенная и как-то участвовала в моей жизни или… не участвовала. Ну какая там звезда, бог с вами! Обыкновенная Любка Полищук из города Омска, моя мама. Другое дело, я, конечно же, гордился тем, что она такая наикрасивейшая женщина, что так востребована, что ее обожают зрители. И очень любил мать. Подсознательно всегда знал, что если что, она поможет, заступится, защитит…

У меня была чудесная мать – красавица, восхитительная, бесподобная женщина. Она делала для сына все, что могла, – жизнь дала, выкормила, воспитала, как умела, довела до 21 года и выпустила в люди. За что ей низкий – низкий поклон».

Сейчас никто не станет возражать, что Любовь Григорьевна Полищук достойно завоевала всенародную популярность. От себя добавлю, что эта популярность редчайшая, я бы ее назвал душевной. Многих артистов любили и любят зрители. Одних – за звонкий голос, других – за лихой пляс, третьих – просто за любимые песни: «А, это та певица, которая поет «на теплоходе музыка играет». Здорово!»

И было на советской эстраде несколько актеров, которых любили в первую очередь за человечность и теплоту их сердец.

Когда Лидия Русланова гастролировала по Магадану, то на глухом полустанке зрители перекрыли железнодорожный путь, по которому двигался поезд с певицей. Русланова облачилась в концертное платье и вышла из поезда. «Спасибо! Уважила!» – поблагодарили ее зрители.

Леонид Осипович говорил, что «лучше уйти со сцены на год раньше, чем на день позже», и больше не пел. Ушел и всё. Даже без прощального вечера, не говоря уже о прощальном туре по стране. Но художественным руководителем джаза остался, о чем и говорилось на афише. В результате почти после каждого концерта его оркестра за кулисы заходили зрители и просили показать им Утесова, умоляли: «Хоть глазком глянуть дайте», думали, что он ездит с джазом.

Похожее случилось с Любой, как рассказывает ее подруга, в 1984 году. Лежит беременная Люба на террасе дачи в Коктебеле, а старший Цигаль полет грядки. Кто-то стучит в калитку.

– Это дача Любы Полищук?

– Да, – отвечает Виктор Ефимович.

– А на Любу посмотреть можно? – спрашивают.

– Только недолго, – разрешает Цигаль.

К Любе подходит женщина и нежно гладит ее по руке.

– Счастья тебе! И здоровья!

Я бы назвал приведенные случаи проявлением особой популярности – душевной.

Виктор Ефимович Цигаль изобразил Любу на четырех рисунках. Самый «душевный» из них называется «Люба на даче» (Люба у водопровода моет посуду. Рядом – любимая кошка.) Под впечатлением спектакля в театре «Эрмитаж» Виктор Ефимович создал потрет Любы. И подарил ей. Любе показалось, что щиколотка правой ноги слишком толстая. Она сказала об этом художнику, и он внес исправление. А вскоре после этого слег в больницу. Трогательно прощался с Любой и сказал ей, что рисунок с нею, наверное, последний в его жизни. Увы, так и вышло. Но Люба здесь ни при чем. Она искренне уважала Виктора Ефимовича, и он обожал ее, видя, что его сын счастлив.

Сергей находил свою жену поразительной, а она боготворила его, считая, что их брак сохраняется благодаря его такту и выносливости: «Иногда, устав на работе, я приношу свое раздражение домой. Спорить с мужем боюсь. Ведь я не умею даже первой мириться».

Однажды вернувшись из Испании, их мнения об увиденной корриде в корне разошлись.

– Это форменное убийство животного! – категорически заявила Люба. – Бык обречен. Люди, намеренно подготовившиеся к убийству, совершают его под радостные крики сограждан. Это вообще бесчеловечно!

– Коррида уходит корнями в историю страны, – возразил ей Сергей. – Это своеобразная традиция и демонстрация победы человека над силой зла. Ведь быков для корриды отбирают самых диких и злых. И в борьбе с ними люди тоже рискуют жизнью.

– Нет, это жестокое убийство беззащитного животного! И не спорь со мною! – заключила Люба.

– Смотри, Люба, начинается дождь! А у нас во дворе белье сушится! – переключил внимание Любы Сергей, и они вскоре вернулись домой с охапками белья, начисто забыв о ссоре.

Поразительность Любы коренилась в ее человеческой обыденности, скромности и оригинальному подходу к уже известному и проверенному. Вот ее слова о себе: «Если честно, то мне, как зрителю, артистка Полищук не нравится, мой нос, мой голос. Рост у меня – 175 см. Это сейчас популярны высокие женщины, а раньше у меня были проблемы. Я считала, что мне не хватает хрупкости. А вообще, если судить по внешности, я – дитя любви. В чертах моего лица поровну от обоих родителей: мамины глаза, но папины брови, а нос «смешанной лепки».

Да, конечно, я люблю красивые вещи. Для меня при выборе одежды главное – ощущение «мое», а определенного стиля, в общем-то, не придерживаюсь. Предпочитаю вещи из натуральных тканей. Люблю синий и голубой цвета, обожаю джинсовую одежду: и за цвет, и за ни с чем не сравнимое царство комфорта. Я совершенно не придаю значения фирме и месту покупки своих нарядов. Из украшений предпочитаю серебро. Сережа иногда занимается ювелиркой и делает что-нибудь специально для меня. Дома удобно чувствую себя в объемных хлопчатобумажных майках и джинсах. На «Нике» многим понравился мой наряд – длинное пышное платье из синего атласа. Почему? Потому что оно прекрасно сочеталось с моими голубыми глазами и темными волосами… Почему нашу пару кое-кто считает поразительной? У меня на это свой ответ. Многое в паре зависит от мужчины. Только выдержанный, элегантный и общекультурный человек может добровольно сосуществовать рядом с мятущейся, творческой натурой женщины-актрисы, поровну делить с нею домашние обязанности, воспитывать дочь и вкусно готовить. Я так говорю не оттого, что путь к моему сердцу лежит через желудок. Сергей – выдающийся от природы кулинар. У него бесподобный вкус, неисчерпаемая фантазия и скорые умелые руки. Считал готовой солянку из осетрины, когда в супе стояла ложка. Благодаря фантазии Сергея наша квартира в пятиэтажке не только уютна, но и обладает каким-то положительным биополем. Может потому, что двери отделаны натуральным и свежим деревом. Такая же мебель на кухне, от которой холл отделен условной аркой, создающей ощущение воздушности. Заметно, что в этом жилище любят и часто принимают гостей. За столом могут разместиться десять человек, а при желании – двенадцать. В спальне родителей чистота и уют, в комнате дочери – маленький творческий беспорядок. В этом доме отсутствует ощущение музейности. Здесь живут».

И все-таки хозяйкой в доме является именно Люба. В ней чувствуется личность. Сильная и своеобразная. И одновременно доброжелательная женщина, готовая помочь попавшему в беду человеку. У нее несколько талантов. Кроме сценического? талант общения, умение найти общий язык с людьми разных уровней культуры и образования. Киноверхи долго считали ее актрисой с не советским лицом, то есть без деревенских русских черточек, хотя при желании русскости в ней можно найти много и без труда. А вот, в общем-то, она поразительна: и по таланту, и по внешним данным, и по доброму бескорыстному отношению к людям, у нее душевное обаяние и душевная популярность. И как часто случается в нашей жизни, первыми в этом разобрались

американцы.

Ее роль в фильме «Любовь с привилегиями» была признана лучшей женской ролью на престижном кинофестивале в Америке. У нас об этом умолчали. И о приглашении на официальную церемонию награждения (приз – красивую статуэтку вручили через несколько месяцев в вестибюле дома, где живет Тихонов). Люба особенно не обрадовалась награде, но и кручиниться по поводу халатности и невнимания к себе не стала, даже никому на это не пожаловалась. Ведь она была выше этого – поразительная Любовь Полищук!

Она была мужественнее и сильнее многих мужчин. По ее лицу нельзя было определить, как она себя чувствует. Я уверен, что зачастую она играла хорошее самочувствие. Падала, когда отказывали ноги. И если отпускал приступ, то улыбалась. Ритм жизни не снижала. Только ходить стала медленнее и вглядывалась в окружающую природу, тропку, горы, деревья, море, небо и особенно – в лица людей, чтобы запомнить их, чтобы они запечатлелись в ее душе, как фотографии. Ей предложили лечь в онкологическую больницу. Она спешила, потому что хотела быстрее вернуться к прежней жизни, старалась продлить ее. Пока хватит сил. Может, надеялась, что в конце концов болезнь отпустит. Так случалось и не раз прежде. Отказывало горло, лечение было одно – молчание, но она пела и распевалась. Болела нога, но она не давала ей отдохнуть, ходила и расхаживалась. Сейчас мучил позвоночник. Она делала массаж спины – не помог. Спала на досках – боль уменьшалась. Она разговаривала со многими людьми, приветливо, вспоминая добрые встречи, занятные случаи. Люди внимательно слушали ее, улыбались и не понимали, как и она не догадывалась, что, своеобразно, прощаются друг с другом. Долго говорила с сыном, намекала, что ей пора бы обзавестись внуками, а он не чувствовал, сколь это серьезно и важно для нее, и всячески отговаривался, шутя и ссылаясь на неудачные обстоятельства.

– Понимаешь, мама, в театре имени Моссовета я получал 130 долларов, тогда бы просто страшно подумать о том, чтобы создать семью. На какие шиши. Потом актерская жизнь разбаловала. Иногда я сворачиваю отношения, иногда меня бросают. Честно, мама. Но чаще всего мы просто отдаляемся друг от друга. И это естественно между двумя людьми, которые какое-то время делят кров, стол и постель, а потом начинаются ссоры, теряешь друг к другу интерес. И наконец возникает вопрос: «А зачем нам вообще быть вместе, если мы ни в чем не находим взаимопонимания?» И все как-то органично получается, что разошлись.

– Ты начинаешь с постели, сынок, а не лучше ли сначала найти точки взаимопонимания, когда без совета с любимой, без ее заботы и ласки просто жить не можешь?

– Было у меня такое, мама. Первый раз и сильно влюбился в 10-м классе, девочку звали Гулей. Самая красивая в школе. Это был бурный роман. Мы хотели пожениться. Но после школы я в институт провалил, а Гуля поступила в МГУ, на исторический факультет. Я устроился работать пожарным в учебном театре ГИТИСа, а у нее появились новые знакомые – студенты. Круг общения изменился. И наши отношения постепенно сошли на нет.

– Ты отступил?

– Вроде я.

– А вот Сережа, когда полюбил меня, не отступал. Я и виду не подавала, что он мне нравится. Принимала ухаживания – не более. А он рвался в бой, пока не убедил, что любит, что нужен мне.

– А я, мама, я, наверное, эгоцентрист, хочу, чтобы весь мир вертелся вокруг меня. Самый простой пример: женщина входит в мою комнату, где, на мой взгляд, идеальный порядок, и начинает наводить свой идеальный порядок. Я негодую. По какому праву она это делает?

– А ты, проверь, сынок, – по своему правилу или по праву любви, думай, что так вам вместе будет лучше. Любовь – это и страсть, и компромисс в желаниях, вкусах. Поговори с нею. Спокойно. Логично. Может, она массу времени продумала над тем, как удивить тебя, сделать тебе приятное. В любом случае то, о чем ты рассказал, не повод для серьезного конфликта. Надо постепенно выстраивать отношения.

– Пытаюсь, мама. У меня как раз сейчас такой случай. Настя – чудесный, изумительный человек, очень дорогой мне…

– Отсюда пляши, сынок. Летом на нашей даче для двоих еще места хватит.

– Почему для двоих?

– Для жены и твоего ребенка, сынок. Я мечтаю понянчить твоего ребенка. Я не шучу, Алеша. Поговорим об этом потом. Единственная репетиция, на которую я не опаздываю ни на секунду, – это запись кулинарной передачи с отцом.

Люба говорила истинную правду. Она ни на один день не прекращала съемки телепередачи «Охотники за рецептами». Считала Сергея гением кухни и видела в этом его призвание. Понимала, что с ее участием передача станет более популярной.

Часто съемки проводились на природе, к примеру, на берегу моря. Сильный ветер. Укрыться негде. Ноет спина. Сергей как бы

прислушивается к ее организму, хочет выяснить ее самочувствие и, если плохое, перенести съемку. Но Люба, опытная актриса, понимает, что пока передача не набрала ход, силу, пока не утверждена как цикловая, прерывать съемки опасно. А чтобы обмануть плохие предчувствия мужа, превозмогая боль, буквально через силу, старается шутить. Ветер дует с Ладоги. В костер подбрасывают дрова, чтобы быстрее закипела вода. Сергей говорит по сценарию: «Если уха хорошая, на нее слетаются чайки». Люба помешивает уху, Сергей делает ей замечание, а между тем их окружают местные козы. Сергей повторяет с улыбкой заправского повара: «Если уха хорошая, на нее слетаются чайки». – «Ага, – соглашается Люба, – и прилетают козы!» Оба смеются. Сергей любит рассказывать о том, что до революции поварами были исключительно мужчины. «А сейчас черт знает кто», – как бы в сторону бросает Люба. Сергей обижается. Он говорит, что у поваров был своей профсоюз, и папа не раз видел по телевидению выступления джаза поваров.

«Понимаю, – говорит Люба, – теперь я понимаю, куда делись лучшие повара».

– Уха закипела! – Делаем пробу! – командует режиссер и в наступившей темноте Сергей не замечает, как у Любы от боли искорежено лицо. Чтобы скрыть боль, она отгоняет от ухи коз:

– Летите, милые, летите!

Сергей все же догадывается, что Люба чувствует себя неважно, и после съемок признается оператору: «Она столько работает и так устает, что дома только лежит. Я практически вижу ее лишь в горизонтальном положении. В сентябре обычно приезжает в Коктебель. Ставит рядом с кроватью мешочек семечек и несколько книг: Лесков, Чехов, Достоевский… Ложится – и конец. И мне это очень нравится. Я этого жду целый год».

Повздыхав, Сережа уходит в спальную туристическую палатку, где быстро засыпает. Еще тлеют угли костра, наступает очередь Любы рассказывать свою исповедь оператору. «Сережа чудный художник, очень стильный. И это беда. Я думала, что актерская профессия – самая унизительная и зависимая. Но то, в каком унижении живут художники, я не подозревала. Эти выставки, где они сидят целыми днями, и никто не подходит. И некоторые даже не смотрят. А ты зайди в мастерскую – там же не пройти. Сплошь работы. И какие работы! И поэтому чем ты старше, тем больше ты черпаешь в самом себе. У меня – это сон и одиночество. Я заряжаюсь только так. А Сережа целыми днями сидит в мастерской. Один. И поэтому ему наоборот надо общаться, он не пропустит тусовок, приходит домой и говорит не умолкая. А у меня замыкает аппарат. Если я улыбнусь, то не

смогу свести челюсти. Ровненько, а не укладываемся. Но через горбы, через кривые суставы – вот так. (Выворачивает ладони, дико сцепив пальцы.) Ну и язык. Качество юмора. Важно, над чем смеешься вместе. А по-моему, важнее этого я вообще ничего не знаю. Извините, сводит челюсть…»

Оператор.

– А вы пошли бы в палатку. Там теплее.

Люба сгибается от боли и отрицательно качает головой.

Оператор.

– Ну тогда я вам подброшу дров в костер, а то совсем замерзнете.

Люба через силу выдавливает из себя:

– Мерси.

Выбрав удачный момент, во время длительного перерыва в съемках Люба обращается к мужу:

– Ты можешь поговорить серьезно?

– Зачем? – удивляется Сергей. – План работы уже обсудили, текст, надеюсь, помнишь, он настолько короткий и простой, что запомнила бы коза.

– Пожалуй, – соглашается Люба. – Но я боюсь, что он слишком серьезен для понятия даже гениального повара.

– Если не шутишь, то говори, я готов, – привстает Сергей и прямо смотрит в глаза Любы.

– С чего начнем?

– С того, что нас в семье трое. Мы растем.

– Не отрицаю, – вычурно произносит Сергей, – что дальше?

– Не знаю, – признается Люба. – Поэтому решила поговорить. Я слишком много времени уделяла неудачам и успехам Алеши, но это не значит, что я его люблю больше, чем Машу. Ты знаешь, что она мне досталась трудно. Мне сделали кесарево сечение.

– Помню.

К чему это ты говоришь, Люба?

– Говорю на всякий случай. Я всегда буду с вами. Говорят, что души не исчезают. Моя душа всегда будет здесь… И не делай плачущее лицо. Такова жизнь.

– Но… Но все еще может измениться, Любаня! Ты всегда верила в лучшее! – воскликнул Сережа.

– Я и сейчас верю, – соглашается Люба, – я еще кое-что успею сделать полезное, большее, чем предполагают врачи. До конца съемок «Няни», конечно, не дотяну. Это не мой фильм. Мой, но не основной, проходящий. Но постараюсь подольше сниматься, подольше быть с вами. Ведь пока я работаю, я живу.

– Я это знаю. Люба. Я преклоняюсь перед твоим мужеством. Впрочем, как и все участники съемок. Когда ты входишь в кадр,

они встречают тебя аплодисментами.

– Это – за прочие заслуги.

– Не только… Они поражаются твоей энергии. Ты и ходишь быстро, и говоришь выразительно.

– Это мои хитрости. Я знаю, когда мой выход, а до этого отдыхаю, расслабляюсь, в нужное время прошу мне поставить блокаду и после слова «мотор» выдаю максимальный выплеск энергии. Я заметила, что в это время Заворотнюк иногда вздрагивает. Наверное, боится, что еще очень долго, даже в других фильмах я буду играть роль ее матери. И с таким же напором, как сейчас. Ей приходится напрягаться, подлаживаться под меня. Но, увы, блокады мне ставят все чаще и чаще. И тем не менее меня пригласили сниматься в субботнем развлекательном концерте. Очень популярная телепередача.

– Когда?

– Я отказалась! – гордо произнесла Люба. – Оказывается, что весь зал заполняют популярные артисты. И сцену, и зал. И бешено аплодируют друг другу, орут, топают от удовольствия ногами. Я спросила у администратора: «Они что, так любят друг друга?» – «Что вы, больше ненавидят, – признался администратор, – цель концерта – показать, что все артисты у нас талантливые, доброжелательные. Зрителям это нравится!» – «Но ведь это же неправда, – заметила я. – И я в эту историю входить не хочу». – «И особенно не надо, выйдите на сцену, раскиньте руки в стороны, улыбнитесь и пожелайте зрителям здоровья. Вот и все!» – заметил администратор, и кричит мне вдогонку: «Мы вам хорошо заплатим! Очень хорошо.

Я иду и не поворачиваюсь, тогда до меня доносится: «Вы вовсе не нужны. Ваше имя требуется!»

– Ты отказалась от приличных денег, Люба. И всего за несколько минут пребывания на сцене! – восторгается ею Сережа.

– Зато сохранила имя. Оно останется и для меня дороже всяких денег! – сказала Люба. – Утесов говорил про Русланову, когда ей не дали звание Народной артистки, что главное у Лидии Андреевны есть – это ее имя».

– Но ты же у меня Народная! – иронически заметил Сережа.

– Ну и что? Ты знаешь, сколько сейчас народных в искусстве расплодилось?! Легче артисту дать звание, чем подбросить деньжат. Скоро каждый артист будет заслуженным или народным. Ни в одной стране мира нет такого дурачества. Заслуженный артист Италии? Или народный артист Гвинеи? Смешно!

– Для чего же тебе тогда вообще звание?

– Для некролога! – улыбнулась Люба и так задорно, что даже

Сережа расплылся в улыбке.

Раздумья на море

Люба считала, что лучшее для одиночества место – это море. Сережа хорошо знал о перенапряженном ритме жизни жены, не беспокоил ее, когда видел, что ей необходимо побыть одной, но тем не менее даже знакомые обычные домашние предметы, даже мебель отвлекали Любу от мыслей, которым она хотела посвятить время. Другое дело – море, а чаще всего Люба плавала в Тихой бухте, где было значительно меньше отдыхающих, чем на центральных пляжах. Стоило войти в море и сделать несколько плавных движений, как исчезал берег, переставал маячить поселок Орджоникидзе и пропадал из вида горизонт – вокруг никого, лишь волны, чаще всего безмолвные, окружали ее. С ними она и повела свой разговор, войдя в море, желая узнать о чем они думают и сказала:

– Не задавайтесь, не хвалитесь, что вы волны самого Черного в мире моря.

– Почему? – удивленно прошуршали волны. – О нас поется в известной песне: «Самое черное в мире Черное море мое». Сам Утесов пел эту песню. Ему-то можно верить?

– Конечно, был честнейшим и принципиальным человеком, но его, как и вас, ввели в заблуждение авторы песни. Им хотелось покрасивее воспеть Черное море, а на самом деле самым Черным морем является Красное. Это доказано учеными.

– Ну, если учеными, – нехотя соглашались волны, – но песня нам нравится, мы будем ее петь такой, как знаем, мы к ней привыкли.

– Пойте, – с улыбкой согласилась Люба и подумала о том, что было бы хорошо, если бы это море было самым чистым, пусть не в мире, пусть в размере санитарных норм, и в него не спускала свои отходы местная канализация, порождающая здесь в разгар сезона различного рода вирусные заболевания, – от желудочного до горлового. Об этом Любе поведали местные старожилы, тщательно скрывающие этот свой секрет от отдыхающих, которых можно было потерять, а с ними и желанные доходы. Люба за десяток лет, особенно последних, переболела, наверное, всеми вирусами, сама видела, как ранним утром уборщицы местных кафе и ресторанов полоскали в море грязную посуду, но остановить ее на пути к морю не мог даже этот факт, она знала, что в море плавает рыба, живут жирные пеленгасы и выносливая приятная на вид и вкус барабулька, а значит, пренебрегая

осторожностью, здесь можно полностью отдаваться и волнам и раздумьям. Люба заметила, что с годами она все-таки стала осторожнее и отплывала подальше от берега, где и вода была почище, и отсутствовал риск попасть под водный мотоцикл. И еще Люба стала остерегаться плохих или корыстных людей. Раньше была чересчур доверчивой, верила коллегам, особенно тем, кто был постарше ее, и безраздельно – режиссеру. Он был для нее если не богом, то грозным повелителем, ослушаться которого она просто боялась, а о спорах и несогласии с ним даже в мелочах не могло быть и речи. Работала в театре с ней известная актриса Лия Ахеджакова. Играла главную роль в пьесе «Пеппи – Длинный Чулок». Она позволяла себе спорить с самим режиссером-постановщиком и довольно бурно, когда не была согласна с какой нибудь его концепцией. И он внимательно слушал ее, иногда даже соглашался с нею.

Люба сначала подумала, что у Ахеджаковой есть какая-то особая привилегия на такое поведение, как у известной актрисы, а потом поняла, что эту привилегию она выбила себе сама – своим талантом, своим умом. А что могла противопоставить режиссеру Люба, не знавшая тогда даже имен великих режиссеров – Мейерхольда, Таирова, Товстоногова, Любимова, Акимова… Сейчас, когда она изучила, наверное, необходимую ей часть театральной библиотеки, постоянно читает классические литературные произведения, – у нее появилось свое мнение, и она не страшится высказать его и для пользы дела и для того, чтобы ощутить себя не театральным винтиком, а живым театральным организмом, личностью. Ей предлагают много пьес, сценариев… В большинстве скучные, не соответствующие ее душе, настроению. В некоторых, весьма неважных, но кассовых, она соглашается участвовать, но внутренне стыдится этого, понимая, что движет ее в этом случае желание, а вернее, необходимость заработать. Правильно заявил один из обаятельнейших театральных актеров Виталий Збруев: «Мы не зарабатываем, а урываем. Там – урвем. Здесь – урвем». На хороший умный спектакль не соберешь столько зрителей, сколько на примитивный и пошлый. Вот и приходится идти на уступки своей совести. Далеко не бесталанный эстрадный актер Владимир Винокур с апломбом поведал с телеэкрана:

– Если я захочу в этот вечер три раза сказать слово «жопа», то скажу!

Любе безусловно повезло, что она попала в редкую в наше время, исключительно благородную и тактичную семью, у нее умный муж, продолжает традиции бабушки, родителей. В одном из интервью она сказала: «Вот мы уже двадцать лет вместе. У

меня нет рецептов семейного счастья, но я считаю, что в браке просто не надо быть занудой. Если меня спрашивают: какой ваш муж? Я отвечаю: «Он нескучный человек». Я как раз не всегда соответствую его чувству юмора, интеллекту, жизнелюбию. Оно и понятно, он сидит себе в мастерской и аккумулирует энергию. Я же, напротив, все время разряжаюсь, у меня так мало моментов, когда я могу побыть в одиночестве. И наверное, нам легко вместе, потому что есть что рассказать, а я с готовностью это впитываю. Вот только когда он начинает тянуть меня на тусовки, я упираюсь. Он говорит: «Что такое? Ты стареешь?» А я отвечаю: «Сережа, ты же знаешь, у меня публичная профессия, я все время отдаю, а для этого мне нужно что-то поднакопить в себе». Она никогда не скрывала своих отношений с Сережей, того, как зародилась их любовь, но утаила от всех, даже от него, случай, который более всего сблизил их. О нем ей поведал приятель Сергея, служивший с ним в армии, в одной части. Командир выстраивает часть на плацу и говорит:

– Рядовой Сергей Цигаль, три шага вперед!

– Есть, – говорит Сергей и выходит из строя.

– Скажите, рядовой Цигаль, почему вы свободное время проводите в лесу?

Сергей краснеет, солдаты ржут.

– Оправляется! Без перерыва!

– Нет, – качает головой командир, – Сергей Цигаль собирает в лесу ягоды. Собрал. Заплатил нашему повару за то, что он купил сахар и сварил из ягод варенье. Далее Сергей Цигаль разлил варенье по банкам, уложил их в сколоченный им ящичек и отправил по почте родителям. Что вы на это скажете?

Солдаты зашумели, не зная, как оценить его поступок.

– Это первый случай в нашей армии такой заботы о родителях. О нем я и хотел рассказать. Становитесь в строй, Сергей Цигаль! – закончил командир.

Люба поразилась, узнав про этот случай с мужем. Она безумно любила своих родителей, при первой возможности приглашала их в Москву, мама подолгу жила у нее, и оказалось, что Сережа не менее нее внимателен к родителям. И это обстоятельство окончательно убедило ее в правильности семейного выбора.

Она ни разу не слышала от мужа ни одного грубого или резкого слова. Они оба возмущались пошлостью, несущейся с телеэкрана. Особенно кипятилась Люба, смотря телепередачу «Аншлаг». Говорят, что Регина Дубовицкая, когда она работала редактором на радио, была скромной, культурной женщиной. Собрала на телевидении неплохих артистов, но что разрешает им

говорить? Жуткий дубоватый примитив. Пошлые двусмысленности! Неужели погоня за деньгами заставляет столь сильно деградировать человека, что он смакует, произнося слово «жопа»?! А может, это делается специально, чтобы оградить людей от сатиры, от способности думать о происходящем. Это многие заметили. И гости из болельщиков говорят, что слишком много времени стали уделять показу спорта, платят спортсменам громадные деньги, стимулируя победы на международных соревнованиях, и восторженно орут после этого: «Мы победили! Мы победили! Рос-си-я!» Кто мы? Народ? Конечно, легче заплатить хорошие деньги нескольким сотням, даже тысячам спортсменов, чем людям во всей стране. Разве победами в спорте определяется уровень жизни людей? К их благосостоянию и высокой культуре надо стремиться. Разве не правы мои друзья? И тут Люба вспомнила монолог, еще в юности услышанный на эстраде и поведала его гостям: «Закончилась кавказская свадьба. Опустели бутылки с вином и чачей. Гости расходятся по домам. Идут по дорожке к выходу, и только поэт, выпивший лишнего, стал почему-то перелезать через забор и, задев проволоку, порвал брюки на самом пикантном заднем месте. Плетется он по дороге домой, за ним идут директор магазина со своей любовницей кассиршей. Директор догоняет поэта: «Слушай, кацо, говорят, что ты пишешь хорошие стихи, я не читал, но ты пойми меня – я иду со своей любимой женщиной, и перед нами маячит твоя задница!» – «Извини, генацвале! – повернулся поэт к директору. – Погляди вокруг. Посмотри на чудесное небо, усеянное загадочными звездами! Посмотри на наши горы, покрытые сказочным зеленым нарядом и доходящие до самих облаков! Посмотри, наконец, на изумительную по красоте лунную дорожку, пересекающую море! А ты куда смотришь?!»

Люба вспомнила эту притчу и улыбнулась, но как раз в это время Владимир Винокур воплотил на телеэкране свою мечту и произнес заветное ругательство. Люба переключила телевизор на другой канал, где шла новая юмористическая передача «Камеди Клаб»:

– Скажи-ка, Гарик, ведь недаром твоя жена мне отдалась?

– Даром. Разве это деньги?!

Люба вскакивает и выключает телевизор.

Она женщина весьма вольная на язык, могущая иногда для нервной разрядки запустить матерком, и то пришла в ужас: «Как же можно? На сцене? Дома – говори хоть сто раз, если тебе это нравится. Но на сцене? На святом для артиста месте?! Тем более на телеэкране, где выступает президент?!»

Люба настолько далеко отплыла от берега, что остановилась

и медленно повернула назад. На плавание в море, на раздумья с ним она выделяла в день не более часа. Осторожность появилась? В какой-то мере. В холодной воде утихает любая боль, лучше думается. Недавно дочка сделала ей замечание, что она бывает груба по отношению к некоторым своим гостям. Потом, как правило, извиняется за бестактность, но лучше вообще не доводить общение до конфликта. Маша права. Взрослеет и умнеет на глазах. Ее самовыражение еще впереди. А мама по-прежнему доверчива ко всем людям. Появилась возможность приглашать и достаточно угощать людей – она и зовет их к себе домой. Чем шире застолье – тем лучше. Наивность – замечательная черта человека, и тем более артиста. Воспринимать всех людей идеальными – самый лучший кайф для Любы. Но когда сидишь с ними за одним столом и видишь, что пригласила человека, далекого от искусства, с которым даже тонко пошутить нельзя, который пришел к тебе не для задушевной беседы, а для того, чтобы нажраться и напиться и потом хвастаться друзьям, что гулял у самой Любы Полищук, то такой человек начинает вызывать отвращение, и Люба без всякой осторожности говорит ему то, что о нем думает. И совершенно зря. Ему ее слова не помогут, а обиду вызывают. А он гость. Сама его пригласила. Приходится извиняться. Зато хорошо, когда за столом собираются свои люди, настроенные с тобою на одну волну. Люба только недавно заметила, что их становится все меньше и меньше. Куда деваются? То ли уезжают в другие страны? То ли мельчают душой, замороченные заботами и нуждой? То ли постепенно вымирают? Люба вдруг подумала о том, как мучился больной мамонт, осознавая, что он умирает и что он – последний. Сжало сердце. Но вряд ли от сожаления к мамонту. Подобное случалось с нею и раньше. В более молодые годы. Боль в спине отдавалась в сжатии сердца.

Коллеги знали о ее мучениях. Соболезновали. Окружали заботой. Один режиссер поставил в ее гримерной кушетку, а на нее положил доски. Весь антракт Люба лежала на этих досках, снимая боль и успокаивалась. Режиссер заботливо суетился вокруг. Даже предлагал продлить антракт. Другие актеры и гримерши не без интереса бросали тревожные взгляды в ее сторону. Но никто, ни разу не вызвал врача к ней, не устроил, наконец, скандал ей самой по поводу легкомысленного отношения к своему недомоганию. Теперь она поняла – коллеги боялись, что сорвется спектакль, на который проданы все билеты, что придется отменять следующие тоже аншлаговые представления. А она млела от их заботы. Поднималась, иногда через силу, и дорабатывала спектакль, не сбавляя ни мастерства,

ни темперамента. Тут окружающие не виноваты. Она не любила, просто не могла играть плохо. И, чего скрывать, радовалась аплодисментам, цветам, поздравлениям с успехом. И на следующий день, опять недомогая, несмотря на укоризненные взгляды Сережи, нехитрые намеки сделать перерыв в спектаклях, хотя бы на неделю, снова рвалась в театр, бросая взгляд на часы и боясь опоздать к началу. Театр стал неотъемлемой частью ее жизни, и она не могла оторваться от него, как от сладостного наркотика. Пожалуй, она всегда была фанаткой искусства. Даже еще в эстрадной студии. Если бы не ее невероятная страсть к театру, то могла бы сорваться с верного творческого пути. Один чиновник из Комитета кинематографии как-то, будучи подшофе, признался ей: – Любаня, если бы ты знала, сколько твоих кинопроб забраковали, то спилась бы к чертовой матери!

– А я догадываюсь, – посуровела Люба.

– Не-а-а, – покачал головой чиновник. – Не знаешь! И это хорошо!

Люба расположилась на волнах, мерно покачивающих тело.

Жаль, конечно, что слишком часто браковали. Но один раз промахнулись, и она стала лауреаткой мирового кино в Сан-Франциско. Очень удачная роль, в прекрасном фильме. Еще бы две-три таких удачи не помешали бы. И жаль, что в своем, вроде бы родимом кино настоящую роль, судьбу героини, лишь в том фильме удалось сыграть. И слава богу. Эту роль у нее уже никто не отнимет. Даже люди с самыми высокими привилегиями.

Рядом в Любой запрыгала пара молодых дельфинов.

– Играют, – улыбнулась она. – Лишь бы не попали в дельфинарий, что начали строить в Коктебеле. Может быть, там и рыбы им достанется больше, и воду чаще менять будут, но все равно жить в клетке, по чужой указке выполнять прыжки и только за это получать рыбешку – недостойно даже животных.

Дельфины закружились вокруг Любы и затем направились к берегу, но, увидев, что она не последовала за ними, вернулись обратно.

Люба посмотрела на небо. Со стороны горы Карадаг на поселок медленно надвигалась огромная черная туча.

– Предупреждают меня об опасности, – догадалась Люба. – Спасибо, милые, но меня не пугает ни дождь, ни гроза. Более промокшей, чем сейчас, не стану. Отмоюсь от соли дождевой водой.

Через несколько минут поток воды обрушился на Любу, стали круче волны, они поднимали ее вверх и опускали вниз, накрывая с головой. Внезапно небесный поток воды истощился, и вспыхнуло солнце.

– Море не обижает меня, – подумала Люба, – оно по-своему честно и справедливо. Всегда знаешь, что можно ожидать от него – и милости, и гнева. Поэтому оно не так страшно, как некоторые люди. Человеческий облик часто обманчив, и не случайно многие ученые утверждают, что нет страшнее зверя, чем человек. В одном только Коктебеле из-за раздела земли сколько перестреляли людей. Перестройка здесь натурально превратилась в перестрелку. Первым пострадал владелец собственной пельменной Хромой Марк. Средних лет мужчина, со всклокоченной бородой, непричесанными усами, но с добрым взглядом. Кто-то позарился на его пельменную, но он не хотел отдавать свой бизнес и его гордость – большой металлический чан, в котором варились пельмени. Чан был отлит на металлургическом заводе в Запорожье. Недруги пощадили жизнь инвалида, но в чан бросили гранату, разломив его на куски. Хромой Марк пытался возобновить бизнес, но денег на другой такой чан не хватило, и он уехал из Коктебеля. А тот, кто бросил в чан гранату, построил на месте бывшей пельменной свое кафе. Но долго благоденствовать ему не довелось. Кто-то другой, более хищный и жестокий, спалил его кафе и не подпустил к горящему зданию пожарных. Таких случаев в Коктебеле было немало и еще более страшных. Люба усилием воли отвлеклась от этих мыслей. Солнце увеличило натиск, пробиваясь сквозь стекла очков. «Пора домой, – решила Люба, приподняла голову, бросив прощальный взгляд на бухту и окружающие ее горы. Говорят, что когда у поэта Межирова, вынужденного покинуть страну, спросили, о чем он при отъезде больше всего сожалеет, то он, подумав, сказал: «О том, что больше не увижу Тихую бухту».

Люба медленно возвращалась домой. Выйдя на набережную, ниже опустила верхний край шляпки, чтобы ее не узнавали прохожие, не останавливали и не забрасывали вопросами. Не хотелось портить впечатление после доброго общения с морем. Но один мужчина средних лет, бегающий по набережной каждый день, все-таки узнал ее и приветливо помахал рукой.

– Вы сегодня что-то припозднились. Обычно раньше проходите.

– Заболталась с морем, – иронично ответила Люба. – А вы что, бегун?

– Я – плеймейкер, – грустно вымолвил мужчина и растерянно развел руки.

– Извините, не понимаю, – призналась Люба.

– Я из тех, кто разгоняет фаворита забега до середины дистанции, за моей спиной ему бежать легче и в нужном темпе. Я дело свое делаю и схожу с беговой дорожки.

– А сами? – удивилась Люба. – А сами не пробовали добраться до финиша? Или так выкладываетесь, что на это не хватает сил?

– Сил? Думаю, что хватило бы. Но мне нельзя финишировать, тем более первому. Я – плеймейкер.

– Странно. Значит не всегда побеждает сильнейший? – возмутилась Люба.

– Побеждает раскрученный, известный всем бегун, на которого ставит начальство, – вздохнул мужчина. – У которого всюду связи, с начальством налажены выгодные отношения.

– А вы ради чего стараетесь? – с укором заметила мужчине Люба.

– Мне платят, – ответил мужчина. – На жизнь хватает, берут за границу, на международные соревнования. Я бегаю на условиях фаворита. А откажись – остался бы без куска хлеба. Я бегун по профессии. Другой нет. И заново начинать поздновато, так сложилась жизнь, – извинительно произнес мужчина. – У нас в стране полно плеймейкеров. И не только в спорте. Мало кто об этом знает.

Люба смутилась, не зная, что сказать мужчине, как ему помочь. Потом подумала, что в кино сама была в какой-то мере плеймейкером. Ярко сыграв в эпизоде, оживляла фильм с вялым сюжетом, посредственными актерами. В кино может более менее удачно сняться почти любая смазливая девушка. Красивое лицо привлекает внимание зрителей, и они уже мало обращают внимания на чисто актерские способности актрисы, умение показать психологию героини. В театре не мелькают кадры с разными лицами, декорациями и спец эффектами, актер остается один на один со зрителем, и тому очень скоро становится понятно, какое искусство ему предлагают. Люба прошла школу театра, и это помогло ей, если требовалось, удачно пройти всю дистанцию фильма, от старта до финиша, вникнуть в характер героини, отразить различные жизненные ситуации. Она не стала плеймейкером, несмотря на отсутствие связей и каких-либо привилегий. И не шла на интимные связи ни с режиссерами, ни с другим начальством. Путь к успеху видела только на сцене и лишь там добивалась его. Очень надеялась, что море восстановит ее здоровье. Она пожалела, что задерживает съемки фильма «Моя прекрасная мама». Роль в фильме проходная, но она играла ее очень старательно, делала заметной, живой, и сама жила благодаря съемкам в этом фильме. Актеры поддерживали ее своим добрым отношением, не пеняли на простои в съемках из-за ее недомогания. Она чувствовала, что ее искренне любят. И это не результат каких-либо ее привилегий, которых у нее нет и не

было. Это особая привилегия, лично заслуженная и выстраданная ею, это – уважение и признательность.

Глава одиннадцатая
Прощай, Люба!

О болезни Любы не знали даже знакомые и друзья, ведали только те, кто близко общались с нею. Главный чиновник в театрально-концертных кругах был всецело занят постановкой теле-шоу «Жизнь прекрасна».

Я, давно бросивший концертную деятельность и полностью ушедший в литературу, встречался с Любой только осенью, в Коктебеле. Выглядела она хорошо. Стройная, загорелая, красивая. Только в глазах уже реже сверкали огоньки. Я не придавал этому значения. Каждая встреча с нею была мне приятной, и мы обычно, поболтав о том о сем, расходились по сторонам, кому куда было нужно. А вот последняя наша встреча состоялась в Москве для меня совершенно неожиданно и в непривычных обстоятельствах. Исчезли государственные политическо-партийные издательства, а новые, стараясь заработать, стали издавать неплохие книги. За четыре года у меня вышло шесть книг. Полагающиеся мне бесплатные экземпляры я реализовывал у Театра киноактера за час до начала спектакля. Стою у небольшого прилавка, жду покупателей, и вдруг вижу – по Поварской улице, со стороны Площади Восстания, медленно идет Люба Полищук с небольшой сумкой в руках. У нее сегодня в театре спектакль «Искушение» с участием Щербакова и Безрукова. Как обычно, на этот спектакль переаншлаг. Артисты заходят через служебный вход, с обратной стороны театра, а Люба идет через центральный вход, вместе со зрителями. То ли это случайно получилось, то ли она прослышала, что здесь увидит меня. Не спеша подходит ко мне. Здоровается. Биополе вокруг меня сразу наполняется добротой. Я это чувствую. На душе радостно, и на лицах покупателей царит благодушие. Покупателей покидает нервозность. Они не узнали Полищук. Полы шляпы и очки скрывают ее лицо, но дивное терапевтическое воздействие этой женщины, устраняющее у людей раздражение, несомненно. Рассматривает мои книги и бегло прочитывает их названия. Чувствую, что не для этого подошла, но намеренно. Видимо, подумала, что если писатель сам продает свои книги, то дела у него идут неважно. И была недалека от истины. Гонорар за книги был полунищенский. И тут Люба склоняется ко мне и говорит так тихо, чтобы не слышали окружающие:

– Теперь я тебе помочь могу (подчеркивая слово «теперь»).

Я ничего не понимаю, кроме того, что она хочет помочь мне

финансово. Бурно отказываюсь.

– Что ты, Любочка! Не надо! – беру с прилавка книгу «Любовь Михаила Булгакова», где нафантазировал пляжную встречу в Туапсе студентки Любы Полищук с первой женой писателя Татьяной Николаевной Лаппой. Люба несколько смущена, но книгу берет. Просматривает дарственную надпись. Кладет книгу в сумку, но не отходит. Наверное, цель ее прихода была другая. Бегут минута, вторая, третья… Люба видит, что я занят с покупателями, и медленно поднимается по лестнице в театр. Мы оборачиваемся почти одновременно и приветливо машем друг другу руками. Очки скрывают ее глаза, но стекла очков непроницаемо темны, словно скрывают, что за ними поселилась неимоверная грусть.

Покупатели отошли, я тут же расшифровал слово Любы «теперь». И был ошеломлен – прошло свыше тридцати лет, а она помнила о том, как я выручил ее, пригласив на гастроли в Новосибирск и, видимо, главное – отпустил навестить родителей в Омск. И вот теперь, достаточно зарабатывая, она решила помочь мне. Мало сказать, что я был обрадован фактом случившегося, я был буквально счастлив, что нашелся человек, который помнил доброту и не забыл о ней. И через тридцать лет хочет ответно отблагодарить меня. В этот вечер я почувствовал редкую легкость на душе, которая бывала у меня только при, увы, быстро ушедшей любви, которую по своей глупости и противодействию родственников погубил я сам.

Если бы я знал, что уже тогда Люба чувствовала неизлечимое недомогание, то я бы все свои чувства к этой необыкновенной женщине излил на чистых листах книги. Написал бы о том, что совместная работа с нею была самой лучшей в моей жизни, и работа, и общение, а до и после нее я брал в свои концерты многих известных артистов, в том числе и Клару Новикову, которая, лепеча свои псевдогрустно-веселые монологи, мало помогала моему концерту, а Михаил Генин – автор смешных фраз, которые он называл афоризмами, распираемый завистью, часто просто вредил мне, стараясь уменьшить успех. Люба Полищук – единственная актриса, участвуя в моем концерте, никогда не выпячивала себя, скромно стоя в метре позади меня на последнем поклоне.

– Люба, иди ко мне! – однажды позвал я ее к себе и протянул руку, но она сказала:

– Это твой концерт и твои аплодисменты.

И не тронулась с места, источая улыбки зрителям, и никто даже не заметил наш краткий диалог. По сути, будучи звездой нашей сцены, она никогда не требовала для себя особых условий

в гостиницах, жила в обычном одноместном номере, а при задержке самолета, не раздумывая, улеглась на обычную лавку, подложив под голову капюшон дубленки. Зато на сцене – она была истинная королева: высоко, но, не задирая от гордости подбородок, смотрела в глаза зрителей, была умопомрачительно красива в элегантном, без особых ухищрений темном облегающем платье. И свои десять минут царила на сцене и грустная, и смешная, делясь со зрителями фрагментами из своей жизни, исполняя монологи так искренне и искусно, что зрители даже не могли подумать, что рассказанное ею, написано кем-то другим. Она не играла жизнь, а жила на сцене. Это шло от доброты ее души, сопереживания нелегкой жизни людей и великого мастерства перевоплощения, большей частью – накопленного на репетициях в театре и дома. Природа наделила Любу талантом без осторожностей, и поэтому она позволяла себе быть смелее и вольнее на сцене, чем другие мастера, и этой своеобразной свободой поведения она отличалась от них, и это ценил зритель.

Власти культуры, и не только, не любили Любу, зная от стукачей ее резкие высказывания в их адрес, но терпели, так как она не участвовала ни в каких политических акциях, вроде Марша недовольных, митингов на Пушкинской и встречей с Кондализой Райс, когда она приезжала в Россию. Помнили, что Люба в пылкой форме отказалась вступить в парию: «Я хочу быть свободной!» Поэтому с трудом решились пустить ее вместе с театром на гастроли в Израиль. Ведь пригласили туда театр именно с актрисой Любовью Полищук. А там случилось непредвиденное нашими властями. Гости Израиля – евреи из Германии, были восхищены ее игрой и через свою немецкую театральную концертную организацию пригласили ее к себе. Люба Полищук с блеском отыграла спектакль на оперной сцене в Бонне. У выхода из здания оперы ее ждали сотни поклонников. Каждый стремился пожать ей руку, сказать слова благодарности. Для многих она стала театральным открытием, и на следующий день, когда автобус с нею направился в Лихтенштейн, вслед за ним устремилась кавалькада машин с русскими эмигрантами, не сумевшими ее услышать в Бонне. Можно утверждать наверняка, что если бы она эмигрировала из России, то стала бы за границей звездой мирового значения. Во времена знакомства с Любой я узнал отличного виолончелиста Давида Герингаса, выигравшего тогда первый приз на международном конкурсе Чайковского в Москве. У него за целый год состоялся в Москве всего один открытый концерт – в зале Гнесинского института, куда он и пригласил меня, после чего я написал напечатанный в журнале «Юность» рассказ «Спасибо Федькиной жене» – об удивительном и

благородном влиянии классической музыки на чувства и сознание простого рабочего человека, случайно попавшего на концерт. Пожалуй, это было своеобразной, но единственной рецензией на творчество ныне широко известного во всем мире музыканта и профессора консерваторий, приезд которого в Россию всегда желателен и оценивается очень высоко (цена одного билета в Большой зал консерватории – десять тысяч рублей). На фоне его жизни, судеб Барышникова, Хворостовского, Нетребко жизнь Любы Полищук выглядит весьма бедной. Ее творческий потенциал использован не более чем на десять процентов. С ее участием снят лишь один фильм мирового значения. Ее не ценили. Не берегли. Не говоря уже о том, что пятнадцать лет назад наверняка могли бы применить меры, спасшие ее жизнь. Для нее писали бы пьесы и сценарии, ее творчество стало бы достоянием мира, гражданкой которого она, по сути, и являлась.

Но и то, что сделала Любовь Полищук в России и для России, еще недостаточно понято и оценено. Полное признание и анализ ее творчества еще впереди. Но уже тот факт, что эта действительно народная артистка заслужила искреннюю любовь зрителя, ставит ее в самый первый ряд корифеев русской сцены. Большое видится на расстоянии. Народом уже увидено, но и благодарно принято это неповторимое явление искусства. Достигнет поля зрения и критиков, и теоретиков искусства.

Ее не хотели достаточно признавать и многие известные театральные деятели, потому что она своим примером, дочь швеи и строителя, ярко доказала, что театральная профессия – явление отнюдь не наследственное. Наверное, не умышленно, а подсознательно ведущий памятной телепередачи о ней из серии «Браво, артист!» Александр Ширвиндт вдруг ни с того ни с сего стал говорить о том, что Люба Полищук была слаба по алкогольной линии и весьма сильно. Находясь в одной поездке с ним, где он был за старшего среди артистов, она требовала от него, чтобы он разрешил ей начать выпивку. Концерт срывался, но решение об его отмене еще не поступило, а Люба каждые десять-пятнадцать минут подходила со своей просьбой к Ширвиндту. Не думаю, что упоминание об этом, если оно и было, подходило к памятной передаче об актрисе. Александр Михайлович, вальяжно закинув ногу за ногу, умильно поглядывал на своего сына Михаила – организатор и продюсер передачи.

Правду о Любе, о том, чем жила она на самом деле, какой актрисой была, на мой взгляд, может сказать только великий артист, уровнем мастерства и таланта не ниже ее, к тому же человек честный и благородный. Предоставим слово о ней

Александру Калягину: «Мне казалось, что такая высоченная, красивая Джульетта Мазина… Есть такой эталон актрисы, которая все может на свете, все! Вот Любовь Полищук была именно такой!»

Подтверждает слова Калягина коллега Любы по сцене, актриса, тоже талантливая и не завистливая, Вера Алентова: «В театре есть амплуа, у Любы амплуа не было. Она могла играть совершенно спокойно и графинь, и крестьянок. И это получалось у нее замечательно».

И не удивительно, что никто из настоящих и серьезных актеров даже не упоминает о якобы имевшемся у нее пристрастии к спиртному.

Я лично никогда не видел Любу Полищук пьяной или даже выпившей. Лишь один раз, перед ее отъездом к родителям в Новосибирск, мы выпили с Любой по коньячку за удачно прошедшие гастроли и за предстоящую ей встречу с родителями. Все остальные байки такого рода о запойности Полищук – для меня слухи. В первые годы на эстраде она сама могла способствовать им, чтобы казаться актерам «своей» богемной женщиной, и делала это по наивности и по неопытности, думая, что такую они быстрее ее примут в свою среду. А что касается последних лет, когда спина нестерпимо мучила ее, она, возможно, и принимала спиртное, анестезирующее боли. Но, повторяю, довольно часто встречаясь с Любой в Коктебеле, я ничего подобного у нее не замечал. И сами посудите – режиссер какого столичного театра разрешит у себя ежедневные пьянки, могущие привести к срыву спектакля. Наверное, были случаи, когда боли страшно мучили ее, и тогда режиссер разрешал ей выпить после спектакля, но это были единичные случаи, а ревнивая актерская братия, охочая в таких случаях делать из мухи слона, а в случае с красивой и талантливой женщиной делала из мухи мамонта. Иногда снять боль нетрадиционным способом было единственной привилегией Любы Полищук. У нее не было начальственных родителей, связей в театральном обществе, тем более в правительстве, кто бы продвигал, пробивал ей дорогу в искусстве. Было все наоборот: киночиновники, не глядя, браковали ее кинопробы, объявив ее лицо иностранным, что с нею было и в театре, а лицо киноартиста Савелия Крамарова вообще посчитали дискредитирующим образ советского человека и не снимали его три года, после чего он уехал к дяде – пенсионеру в Израиль.

Люба гордилась тем, что играла в Боннской опере, пусть один спектакль, но он дал ей возможность почувствовать свое истинное место в искусстве на международном уровне. Больше в Германию

ее не пустили, отказав по причине того, что она якобы чрезмерно занята на родине. Точно так же отвечали на запросы датских и шведских кино фирм о киноартисте Олеге Видове, когда он находился в длительном простое. Олег Видов по натуре был настойчивым и честолюбивым человеком и правдами-неправдами, но вырвался за рубеж, считая советские киноверхи враждебными себе. Люба Полищук хотя и не любила власть, но считала ее своей, родимой, даже не думала уехать из страны, где у нее родители, муж и дети. Все ее помыслы, мечты даже «бунты» местного значения были связаны с родиной, а разного рода глупые поступки верхов она считала случайными просчетами и преодолимыми, поэтому и не протестовала, а лишь среди друзей высказывалась против. Была уверена, что со временем в стране все устаканится, придет в порядок и люди заживут по законам цивилизованного общества, хотя иногда иронически вспоминала строчки Некрасова: «Жаль, только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе».

Привыкла к такой жизни и не думала умирать. Хотела жить и жила, до последних дней снимаясь в фильме на телевидении. Ей было приятно, что здесь она окружена заботой, коллеги и обслуга старались облегчить ей работу, усаживали в таком положении, в котором меньше проявлялась боль, гримеры и костюмеры студии старались скрыть приметы болезни на ее лице. Она была согласна на такую жизнь и радовалась ей. Но болезнь усмиряться не желала, не собиралась идти даже на малейшие компромиссы. Это ее угнетало. Стали возникать видения. Ей стало казаться, что кто-то чужой ночью присутствует в палате, возится под ее кроватью. Однажды она склонилась над полом и увидела, как молодая женщина с фотоаппаратом в руках поворачивается на спину и упирается объективом в ее лицо. Об этом случае с Любой в телепередаче «Пусть говорят» рассказывал блестящий актер Александр Абдулов. Люба от неожиданности и страха замерла на секунду, поняла, что перед ней папарацци и, собрав последние силы Люба нажала кнопку и вызвала дежурную сестру. Та догадалась, в чем дело, и стала успокаивать Любу:

– Ну, заработает девушка немного, малость мне подкинет. А мы вам сейчас прическу подправим, набросим паричок и следов химиотерапии как не бывало. Ну тиснет девушка где-нибудь вашу фотографию, вы и не увидите.

Люба отчаянно замотала головой и дежурная, вздохнув, небрежно бросила девушке:

– Вылезай, Галка. Сегодня наш номер не пройдет. В следующий раз, когда будет в забытье, мы ее и щелкнем.

Девушка, не поднимаясь с колен, пятясь, выползла из палаты.

Я знал, что у нас в стране появилась организация папарацци, неизвестно как возникшая и кем руководимая. И столкнулся я с нею тоже неожиданно.

Позвонившая женщина представилась журналисткой из «Комсомольской правды» и попросила у меня интервью.

– Вы работали на эстраде?

– Работал автором-исполнителем. Двенадцать лет, – сказал я.

– С Хазановым и Задорновым были знакомы?

– Был и знал их.

– Прекрасно. Вы можете рассказать что-нибудь о них?

– Могу. Всякое. Но в основном хорошее.

– Спасибо, – заключила трубка.

В назначенное время в мою дверь позвонила женщина средних лет весьма неприятного вида – с грязноватым лицом и желтыми нечищеными зубами.

– Инесса Ланская, – представилась она, но удостоверение «Комсомолки» не показала, а я забыл попросить.

Я приготовился начать свой рассказ о встречах с Хазановым.

– Потом, – сказала она и стала задавать вопросы о совсем других эстрадниках, с которыми я не мог не работать.

На следующий день ко мне без звонка заявился фотокорреспондент Борис Кудрявов и тоже из «Комсомолки», небрежно отодвинул меня плечом от двери и проник в квартиру.

– А вам что нужно? – поинтересовался я.

– Ваши фотографии.

– Зачем? – удивился я.

– Для будущего, Варлен Львович, для будущего! – воскликнул он и бросился к стенду с моими книгами и фотографиями.

Через пару недель мне позвонила племянница и с ужасом в голосе сообщила, что в желтой газете появилось интервью со мной, где я в жутких красках описываю своих бывших собратьев по эстраде. В предисловии к интервью говорилось: «Со Стронгиным мы сразу договорились, что все сказанное остается на его совести».

«Несчастная моя совесть», – подумал я, когда читал дикие измышления и беспардонную ложь, придуманную Ириной Ланской для привлечения внимания неискушенного читателя. Чего стоят одни подзаголовки так называемого интервью: «Юмористическая жадина», «Дубовицкая хотела Арлазорова», «Иосиф давит до конца», а на обложке газеты рядом с фотографиями Любы Полищук и Михаила Жванецкого большими буквами значился анонс интервью: «Жванецкий сломал карьеру Полищук за то, что актриса отвергла циничные домогательства сатирика». С подобными «казусами» я уже имел дело в жизни и

поэтому не растерялся. Через день ко мне снова без звонка заявился Борис Кудрявов. Я указал ему свыше пятидесяти мест явной лжи, придуманной интервьюером.

– И вы подадите в суд? – насмешливо заметил он.

– Подам.

– Ну и что? У нас большие деньги и всюду схвачено. Вы больше израсходуете на адвоката. Максимум выиграете две тысячи долларов, которые, кстати, можете получить и без суда, – многозначительно намекнул фотокорреспондент.

– Где и у кого? – поинтересовался я.

– Элементарно, – произнес Кудрявов, – главное – не начинайте войну с нами. Это может обойтись вам дороже денег.

– Чего? Жизни? – уточнил я.

– Ну что вы, Варлен Львович. Я дам вам координаты издательства, которое издаст вашу книгу. Живите на здоровье. Ну, соврали, ничего страшного. Потом к этому привыкнете и станете лепить подобные статьи одну за другой.

Кудрявов и Ланская звонили мне еще несколько раз, предлагали разные услуги, но безуспешно. В конце концов они поняли, что я их дурачу. Шум вокруг интервью не разгорелся, и оно не достигло нужного газете резонанса. Мне до сих пор безумно стыдно за извращенные факты, якобы подписанные в газете мною, и я, пользуясь случаем, извиняюсь перед бывшими коллегами. Попался на удочку папарацци – ничего не поделаешь. Чудом избежала уловок этих гнусных лиц Люба Полищук.

Один из них попал на ее сына: «Нас, артистов, часто спрашивают: «Почему вы так не любите прессу?» Да не прессу, а кучку подонков, которые дискредитируют весь журналистский цех. Ну как я должен относиться к человеку, который подошел ко мне в киноконцертном зале «Пушкинский» на премьере фильма и, дожевывая бутерброд, ковыряя мизинцем в зубах и обдавая меня запахом чеснока изо рта, чванливо спросил: «Ну, что там, как ваша мамаша?» А мать тогда была уже на химиотерапии. Вот как я тогда сдержался и не двинул ему по башке, до сих пор не знаю. Только потому, наверное, что кругом было много народу и не хотелось никому портить настроение. Но теперь страшно жалею о том, что дал слабину, и всю жизнь буду жалеть. Надо было все-таки ударить его изо всех сил, от души. Такие же, как он, мерзавцы фотографировали мою маму через окна в больнице, когда она ходила лысая, без парика, и потом публиковали эти фотографии. По-моему, у этих людей вместо мозга и вместо сердца – дерьмо».

Еще в двадцатые годы газета «Известия» информировала читателей о заболеваниях известных в стране людей, иногда

тенденциозно, когда это касалось противников Сталина. Писатель Михаил Булгаков придумал по этому поводу анекдот.

«У Льва Давидовича Троцкого спрашивают: «Как вы себя чувствуете?» – «Не знаю, – отвечал Троцкий, – еще не читал сегодняшней газеты».

Сейчас такого рода сообщения отданы на откуп желтой прессе и подаются ею в самой непристойной форме.

И если за рубежом папарацци стараются запечатлеть известных людей на пляжах, во время отдыха, обнимающихся или целующихся, то наши современные папарацци – самые безнравственные и гнусные в мире, не остановятся перед тем, чтобы сфотографировать звезду во время смертельной агонии, что, к сожалению, им удавалось.

Подобные случаи уже не удивляют Любу Полищук – под вопросом ее жизнь. Она чувствует, что ее покидают последние силы и врачи не в состоянии преодолеть болезнь.

Ей звонит Иосиф Кобзон, но телезрителям доносит ее единственную фразу-крик, обращенную к нему: «Я хочу жить!»

Содержание фразы не расшифровывает, хотя она адресована именно ему и не случайно: «Иосиф! Про тебя известно, что ты можешь все! Поставить вне очереди телефон, достать вне очереди квартиру, разумеется, не за свой счет, а отодвинув уже находящегося в очереди человека. Ты можешь попасть к любому врачу. Говорят, что тебя излечили от болезни, похожей на мою. Ты можешь на самом престижном кладбище поместить рядом с Высоцким находившихся не в ладах с законом преступников. Ты смог проехать с прощальным туром все города и веси бывшего советского пост-пространства, пообещал при людно бросить петь и после тура запел еще больше. Мне не нужны концерты, тем более место на самом престижном кладбище. Я хочу жить!»

Кобзон соболезнует ей, помогает лекарствами, но вылечить, разумеется, не может, и тогда Люба Полищук просит отвезти ее домой, в Коктебель.

Автобус везет ее мимо рынка, по центральной Курортной улице, и она успевает увидеть кусок любимого ею моря. Слезы наворачиваются на ее глаза, но никто не видит этих слез. Она улыбается встречающим ее родным, друзьям и соседям лишь краешками губ, полнее не в состоянии. Смена мест, бодрый осенний черноморский воздух улучшают настроение. Муж заботлив, как никогда.

Сергей виновато опускает голову. Жизнь и случившееся несчастье до предела сблизила их, как бы превратила в два сообщающихся тела, и они по взгляду одного из них, даже по одному вздоху, движению, понимают друг друга.

В семье давно подумывали укрепить на заборе памятные знаки Мариэтте Сергеевне Шагинян и Виктору Ефимовичу Цигалю.

Любе сказали об этом как о давно решенном деле, чтобы она не подумала, что церемония открытия мемориальных досок как-то связана с нею. А она решила использовать эту церемонию для прощания с людьми, не только с теми, кто открыл ей двери в свою чудесную семью, но с друзьями по Коктебелю, просто с соседями.

На холмистом участке дороги, проходившей вдоль дачи, установили столики. Родная сестра Сережи Елена, специально прилетевшая из Америки, заказала фуршет в ресторане «Бубны», где хозяйствовал хороший знакомый Любы, бизнесмен и историк Борис Яремко. Из других городов никого не приглашали, считая это мероприятие сугубо семейным.

Вот как описывает происходившее сын:

«Мама вышла к гостям на каблуках, при том, что вся была на обезболивающих блокадах, которые уже толком и не снимали дикие боли в спине. И весь вечер она пела и хохотала. Понимая, как ей больно, я был в шоке…»

Леонид Николаевич Петров, бывший директор Дома творчества, человек более опытный, рассказывает эту историю несколько по-иному, с позиции человека, прошедшего и огонь, и воду:

«Ее вывели под руки, и она бросилась ко мне. Наверное, она считала, что я знаю ее лучше других, ведь я и моя жена провели с нею вместе сотни приятнейших вечеров и были очень доверительны друг к другу. Мы обнялись. Сердце мое похолодело, когда я ощутил под легким платьем металлические пластины. Кожа и кости. Даже не поверилось, что это все, что осталось от прелестной Любочки. Я сделал вид, что не смущен ее состоянием. Меня поразили ее глаза – они нисколько не потускнели и по-прежнему горели ярко и по-девически, ярко и дивно, как бы наперекор всем невзгодам. Судя по глазам, жизнь Любы продолжалась, настоящая жизнь, неиссякаемая. Я сказал краткое вступительное слово о Мариэтте Сергеевне и Викторе Ефимовиче. Люба слушала меня и согласно кивала головой. Я произнес поминальный тост и посмотрел на Любу.

– Налей и мне. Водочки, – уточнила она и залпом опорожнила рюмку. – Все. Для меня – все, – грустно заметила она, но веселым взглядом окинула гостей.

Слезы подкатывали к моему горлу, я почувствовал, что вот-вот расплачусь и тихонько, боком, покинул собрание чудесных людей во главе с королевой, с моей любимой королевой. И пусть

у нее не было венца на голове и внешний вид не соответствовал царской упитанности, мне казалось, что любой человек, увидевший это собрание, может даже впервые, он по осанке и горящим глазам определил бы в Любе королеву. Ее королевство было разбросано по всей стране, даже уже по двум странам, включая Украину, а может, простиралось намного дальше. Я уверен, что среди любителей кино не было страны, где бы она не имела верных и преданных своему искусству поклонников».

У Любови Григорьевны Полищук никогда не было ни одной привилегии, кроме предоставленной ей в тот вечер – попрощаться с людьми при жизни.

У нас в стране множество людей с привилегиями, так называемых льготников: воевавших, репрессированных, трудившихся на Севере, на вредных производствах, на партийной работе, в профсоюзах… Одни своим трудом вели страну к величию, другие – только призывали к этому, а многие ударно выискивали «врагов страны». Жаль, что всех их, по сути, смешали вместе и, по сути уровняли в правах. Об этом говорила Любовь Полищук с экрана своего лучшего фильма и еще о том, что величие страны определяется не количеством в ее недрах нефти, газа и алюминия, а личным богатством людей – материальным и духовным.

Говорить людям правду – всегда нелегко, и опасно, и больно, тем более в стране, где почти в каждой семье находились невинные люди с исковерканными и погубленными судьбами. Она искренне сопереживала всем честным и трудолюбивым соотечественникам и несла им радость, умножая улыбки, что было тоже делом трудным и не поощряемым.

Женщина без привилегий. Любовь Григорьевна Полищук. Таких людей народ не забывает…

Глава двенадцатая
Народная печальница

Идет время, но образ Любы Полищук не исчезает из моего сознания, потому что ушел из жизни человек, близкий мне по душевному настрою, на редкость доброжелательный, готовый помочь в трудную минуту, и главное – удивительно милый, сердечно щедрый, единственно такой в моем добром и скромном окружении. И вспоминалась старая песня, написанная давно, но для меня современная, которую создал и пел незабвенный актер и страдалец Вадим Алексеевич Козин, песня о девушке Любе с таким припевом: «Люба-Любушка, Любушка голубушка, я тебя не в силах позабыть. Люба-Любушка, Любушка-голубушка, любо сердцу Любушку любить». Козин посвятил ее абстрактной девушке, а я адресую эту песню Любови Григорьевне Полищук, любимой миллионами людей. Песня и веселая, и грустноватая. Мы иногда не замечаем, что все наши лучшие, идущие от сердца песни, не маршевые, не боевые, а лирические, несут в себе оттенок грусти. Это не случайно. Потому что русские песни зачинались с народных плачей: Плач о погибших на ратном поле, Плач об утопленниках, Плач о погибших на пожаре… Я прочитал интервью Алексея Макарова (и все-таки Полищука) и понял, что это тоже плач – Плач сына о матери, только в прозе:

«Год назад, когда умерла мама, я умолял Боженьку, чтобы он завалил меня работой. Для меня жизнь вообще поделилась на «до» и «после» смерти мамы. Не могу сказать, что мы с ней постоянно виделись, общались, – я давно живу отдельно и выплываю в мире сам. Но раньше я знал, что у меня есть мать, к которой я в любую минуту могу прийти, и она будет мне рада, всегда поймет и утешит. Я рассказывал ей все, выслушивал ее советы, мы вместе смеялись над чем-то… Теперь самого родного и близкого человека нет. А с сестрой после ухода матери отношения не стали ближе. Я самоустранился, поскольку не люблю себя навязывать, если меня там не очень хотят видеть.

Времени для переосмысления пока прошло немного. Для меня уход мамы – это боль, которая не проходит… И засыпаешь с мыслями о ней, и просыпаешься, и поплачешь… Слишком рано я потерял мать! Мне 35, а ей было всего 57! Актерская ее жизнь была в самом расцвете. И никто не мог предположить, что Люба Полищук, всегда такая активная и жизнеутверждающая, уйдет от нас так рано. Но Господу Богу так было угодно… И это моя судьба, мой крест».

Мы с Любой виделись мало, слишком много у каждого было дел, много друзей, за которых мы принимали всех знакомых, тем не менее круг общения был велик и судьба сводила нас редко, но неизменно тепло. Успел рассказать Любе о величайшей русской певице Надежде Васильевне Плевицкой, конечно, не всю ее жизнь, а лишь фрагменты из нее. Родилась в селе под Курском, пела в церковном хоре, потом сбежала из дома в балаган, где стала петь и танцевать, много трудилась и небезуспешно. И вот судьба привела ее на гастроли в Нижегородскую ярмарку. Пела в ресторане.

– Ну и что? – удивилась Люба. – Была ресторанной певичкой. Пела на потребу пьяной публики.

– Не совсем так, ее опекал Собинов, «Курским жаворонком» называл Шаляпин, – возразил я и достал книгу воспоминаний самой Плевицкой.

«В зале обычно шумели. Но когда на занавес выбрасывали аншлаг с моим именем, зал смолкал. И было страшно мне, когда я выходила на сцену: передо мною стояли столы, за которыми вокруг бутылок теснились люди. Бутылок выпито немало, а в зале страшная тишина. Чего притихли? Ведь только что передо мною талантливая артистка, красавица, пела очень веселые игривые песни, и в зале было шумно. А я хочу петь совсем невеселую песню. И они про то знают и ждут… Помню, как-то за первым столом, у самой сцены, сидел старый купец, борода в серебре. Когда я запела «Тихо тащится лошадка, по пути бредет, гроб рогожею покрытый на санях везет…», старик смотрел на меня и вдруг, точно рассердясь, отвернулся. Я подумала, что не нравится старому купцу моя песня, он пришел сюда повеселиться, а слышит печаль. Но купец повернул снова к сцене лицо, и я увидела, как по широкой бороде, по серебру, текут обильные слезы. Заканчивала, я помню еще, свой номер «Ухарь-купец» и в конце, под бурный темп, махнув рукой, уходила я за кулисы в горестной пляске, и вдруг слышу из публики, среди рукоплесканий:

– Народная печальница плясать не смеет!

Люба задумалась, наморщив лоб:

– Так что же, она после этого весь вечер на сцене только грустила?

– Почему же? Нет. Но свою печальную песню исполняла обязательно. Ведь в жизни и былой, и нашей еще немало горестного.

– Понимаю, теперь понимаю, – сказала Люба: – почему ты в своем вечере смеха исполнял драматический монолог «Берегите шутов» о Райкине и Высоцком и философский «Монолог Моны

Лизы» о силе и спасительности иронии. Номера без единой репризы. А аплодировали тебе больше, чем после самого смешного номера. «Народная печальница» – красивое звание. И… И кажется, выше, чем Народная артистка. Я с юмора начинала. Но чувствовала, что «не дохожу» до сердца зрителей. Смешу и только. В основном поэтому и ушла с эстрады. В театре все куда серьезнее. Есть над чем подумать зрителю, и посмеяться, и погрустить, и даже всплакнуть. Я завидую Плевицкой. Какое великое звание заслужила – Народная печальница!

Я потом не раз вспоминал этот наш с Любой разговор, слыша в ее театральной и кино игре искренние нотки грусти. Ведь даже в фильме «Интердевочка» за внешней бравадой ее разгульной героини проскальзывала грусть о своем незавидном положении, крутое недовольство жизнью. И даже в своем последнем фильме «Моя прекрасная няня», играя мать героини, будучи тяжелобольной, сквозь смех у нее пробивается переживание о том, что ее красивая и умная дочь не столько занимается детьми, сколько долго и трудно, а порою, хоть и смешно, но унизительно, добивается любви шоу бизнесмена. Как героя нашего времени.

Грусть и печаль – явления общемировые и совсем не случайно Люба, как истинно народная печальница, получила приз за лучшую женскую роль на международном кинофестивале.

Она старалась всегда выглядеть жизнеутверждающей, особенно перед детьми, о чем очень правильно сказал ее сын, но в душе печалилась, когда встречалась с хамством, ложью, несправедливостью, коррупцией, попранием человеческих прав. Глубоко переживала, когда уходили из жизни светлые люди, бывшие для нее кумирами; надеждой на то, что изменят жизнь до мерок цивилизации.

Помните, в когда-то знаменитой «Гренаде» Михаила Светлова, такие строчки: «Я хату оставил, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Пошел погибать на чужбине, не получив землю у себя на родине. И далее: «Отряд не заметил потерю бойца и «Яблочко»-песню допел до конца». А Люба замечала и горевала, узнавая о гибели соотечественников в так называемых «горячих точках».

Помню одну из наших последних встреч у Театра киноактера, где я реализовывал свои книги. Прежде чем предложить мне свою помощь, она горестно опустила голову:

– Прошла от метро «Баррикадная» до Театра, не более километра. И встретила трех нищенок, не говоря о музыкантах, играющих в подземном переходе. По сути – тоже нищие. Одна очень симпатичная и благородного вида девушка играла на виолончели. Краснела, но играла. Наверное, очень нуждалась. Я

ей отдала все, что у меня было с собою. А в метро по радио передают, что там запрещается расклеивать объявления и заниматься попрошайничеством. Вот нищенки и перебрались на улицу. На ветер и стужу. Стоят на коленях перед иконами и молят Бога о подаянии. Сколько их по стране? Тысячи, десятки, сотни тысяч… Государство, наверное, тоже на Бога надеется… А ведь о цивилизованности государства судят по его отношению к старикам и сирым… Я в театре работаю. По утвержденному репертуару. А я бы его исправила. Меньше оптимизма и больше реализма. Вот этого – что на улице мается. И повсюду. Ну ладно, как дела? Давно не виделись».

Люба в последние годы зарабатывала неплохо, но богатой в нынешнем измерении не была, не чета олигархам. Но кому могла и как могла помогала. Приглашала гостей. В месяц отдыха едва ли не каждый день. Старалась доставить людям удовольствие и сама от этого получала радость. Любила смех, шутки, смеялась до упада. Не до болячек было. До своих. А к бедам других людей относилась очень внимательно. Старалась выглядеть жизнерадостной, а в душе была народной печальницей. Совмещала трудносовместимое, особенно в нашей жизни.

После публикации в московской газете «Сударушка» моей статьи о Любе «Поразительная Любовь Полищук» на набережной Коктебеля ко мне подошел Сергей Цигаль, поблагодарил за статью и сказал, что они с Любой вырезали ее из газеты и сохранили. Я стал рассказывать Сергею о том, что он, наверное не знал. Он слушал меня минут двадцать и заключил дословно: «Оказывается вы знали Сегодня за музыку платит богатый о Любе больше, чем ее муж». И пошлость со сцены ушатами льет.

Конечно, преувеличил, но я действительно много знал о жизни и о творчестве Любы, безмерно уважал ее и написал книгу, которую заканчиваю стихами о незаурядных и добрых творцах:

Сегодня за музыку платит богатый
И пошлость со сцены ушатами льет.
Ведь он нищий духом и молится злату.
Но Бог нам и муки, и радость дает.

Спасибо судьбе, что жив дух Мандельштама.
Родник Искандера живительно бьет.
И в сердце пылает ГУЛАГская драма.
И кони Высоцкого рвутся в полет.
Горит, не сгорая, свеча Пастернака,
И муза Аксенова грустно поет.

Романс Окуджавы не музыка Баха,
И хлеба не даст, но он душу спасет.
И Люба – Актриса, не ведая страха,
Надежду на счастье нам в души несет.

Люба-Любушка…

Приложение

РОЛИ В ТЕАТРЕ

Театр Эрмитаж

«Чехонте в «Эрмитаже» (А. Чехов)
«Хроника широко объявленной смерти» – Вера
«Вера и «Зойка» Ю. Трифонова – кинозвезда
«Знаменитость» А. Моравиа
«Здравствуйте, господин де Мопассан»
«Соломенная шляпка» – гид
«Большая кошачья сказка» – Алиса
«Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов» – клоунесса
«Зойкина квартира» – Зоя Пельц
«Безразмерное Ким – танго»

Театр «Школа современной пьесы»

1989 г. С. Злотников Пришел мужчина к женщине реж. И. Райхельгауз – Дина Федоровна

1992 г. Д. Сухарев, С. Никитин. «А чой-то ты во фраке?», реж. И. Райхельгауз – Наталья Степановна

Фильмография

1974 г. Скворец и лира
1976 г. Двенадцать стульев
1977 г. Золотая мина
1977 г. Семья Зацепиных
1978 г. 31 июня
1978 г. Дуэнья – Диана
1978 г. Юлия Вревская
1979 г. Клуб самоубийц, или Приключения титулованной особы
1979 г. Вавилон XX
1979 г. В моей смерти прошу винить Клаву К.
1979 г. Тот самый Мюнхгаузен
1980 г. Только в мюзик-холле

1980 г. Большая-малая война
1980 г. Выстрел в спину
1981 г. Отпуск за свой счёт
1981 г. Белый ворон
1981 г. Эзоп (Телеспектакль)
1981 г. Несравненный Наконечников
1981 г. На чужом празднике
1982 г. Кража
1983 г. Тайна <Чёрных дроздов>
1983 г. Я готов принять вызов
1984 г. Если можешь, прости
1984 г. Выигрыш одинокого коммерсанта
1985 г. Змеелов
1986 г. Дикий ветер
1986 г. Покушение на ГОЭЛРО
1987 г. Христиане
1987 г. Раз на раз не приходится
1987 г. Нужные люди
1988 г. Презумпция невиновности
1988 г. Происшествие в Утиноозёрске
1988 г. Коршуны добычей не делятся
1989 г. Посвящённый
1989 г. Любовь с привилегиями
1989 г. Фуфло
1989 г. Я в полном порядке
1989 г. Интердевочка
1990 г. Папашка и мэм
1990 г. Сэнит зон
1990 г. Моя морячка
1990 г. Бабник
1991 г. Вербовщик
1991 г. Террористка
1991 г. Щен из созвездия Гончих Псов
1991 г. Медовый месяц
1991 г. Семьянин
1992 г. Цена головы
1992 г. Бабник-2
1992 г. Новый Одеон
1993 г. Скандал в нашем Клошгороде
1993 г. Ваши пальцы пахнут ладаном
1993 г. Дафнис и Хлоя
1993 г. Стамбульский транзит
1993 г. <А чой-то ты во фраке?>
1994 г. Третий не лишний

1995 г. Ширли-мырли
1995 г. Игра воображения
1996 г. Короли российского сыска
1996 г. Импотент
1996 г. Страницы театральной пародии
1999 г. Кадриль
1999 г. Ультиматум
2000 г. Рыцарский роман
2000 г. Игра на вылет
2000 г. Тихие омуты
2000 г. День святого Валентина
2001 г. Мы сделали это!
2003 г. Персики и Перчики. Куртуазные истории
2003 г. Снежная любовь, или Сон в зимнюю ночь
2003 г. Русские амазонки 2 (Сериал)
2003 г. Агент в мини-юбке
2003 г. Герой нашего племени
2004 г. Моя прекрасная няня (Сериал)
2004 г. Надежда уходит последней
2004 г. Убить карпа – Лидия Михайловна
2005 г. Звезда эпохи – Клавдия Плавникова
2006 г. Испанский вояж Степаныча

Звания и награды

Народная артистка России (1994)
Народная артистка Республики Карелия (посмертно) (2007)